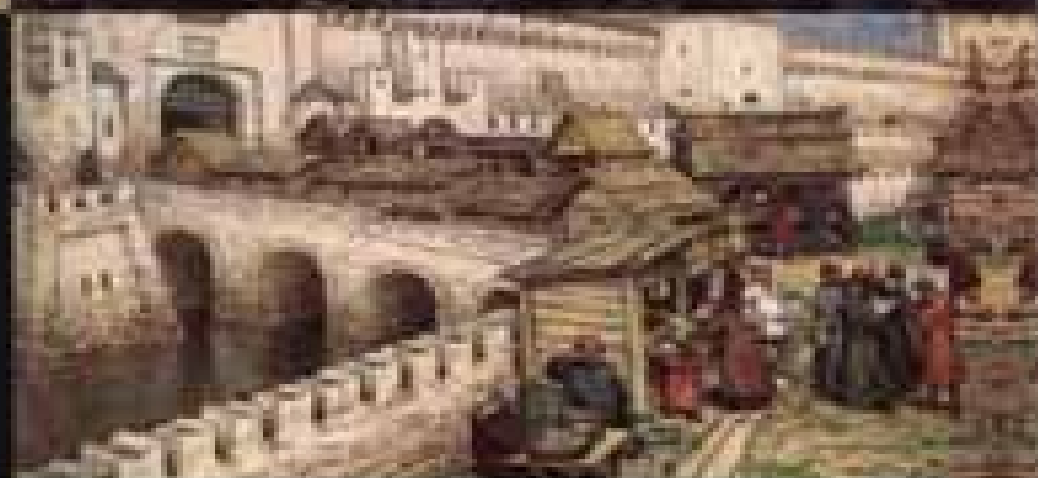

ИВАН ФЕДОРОВ

Татьяна
Мурабьева

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

Annotation

В истории нашего отечества есть две великие даты — Крещение Руси Владимиром Святым и появление первой печатной книги на славянском языке во времена Ивана Грозного. Первая печатная книга «Послания и деяния Апостолов» появилась в первый день весны 1564 года в Москве на Печатном дворе усилиями великого энтузиаста своего дела Ивана Федорова. Детство и учение будущего первопечатника пришлись на времена правления Василия III, незадолго до которого Русь окончательно освободилась от многовекового татарского ига, зрелые годы проходили в тревожные и судьбоносные времена царя Ивана Грозного. Знал Иван Федоров милость и поддержку великих князей и духовенства, но и подвергался незаслуженной опале, работал в Кракове, Львове, Вильне и всегда, где бы ни находился, выступал великим просветителем и тружеником.

Перед читателями — наиболее полная биография Ивана Федорова, она построена не вполне обычно. Своеобразную оправу строго документированного исторического изложения составляет художественная повесть, которая удачно дорисовывает неизвестные черты облика первопечатника.

- [Татьяна Муравьева](#)
  - [ВСТУПЛЕНИЕ](#)
  - [РОССИЯ НА РУБЕЖЕ XV–XVI ВЕКОВ](#)
  - [МОСКВА ВРЕМЕН ИВАНА ФЕДОРОВА](#)
  - [КАК ИВАН ФЕДОРОВ УЧИЛСЯ ГРАМОТЕ](#)
  - [КАКИЕ КНИГИ МОГ ЧИТАТЬ ИВАН ФЕДОРОВ](#)
  - [МАСТЕРА-ДОБРОПИСЦЫ](#)
  - [ПРЕДЫСТОРИЯ И НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПЕЧАТНОГО ДЕЛА](#)
  - [ГОРОД КРАКОВ И ЕГО УНИВЕРСИТЕТ](#)
  - [ВРЕМЕНА МЕЖДУЦАРСТВИЯ](#)
  - [ХРАМ СВЯТОГО НИКОЛЫ ГОСТУНСКОГО](#)
  - [ВОЦАРЕНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО](#)
  - [НАЧАЛО НОВЫХ ПЕРЕМЕН](#)
  - [ПОИСКИ МАСТЕРОВ ПЕЧАТНОГО ДЕЛА В ЧУЖИХ КРАЯХ](#)
  - [АНОНИМНАЯ ТИПОГРАФИЯ](#)

- [ИОСИФЛЯНЕ И НЕСТЯЖАТЕЛИ](#)
  - [СТАРЕЦ МАКСИМ](#)
  - [КАЗАНСКОЕ ВЗЯТИЕ](#)
  - [ГОРЕСТНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ](#)
  - [ПЕЧАТНЫЙ ДВОР. «АПОСТОЛ»](#)
  - [ОТЪЕЗД ИЗ МОСКВЫ](#)
  - [ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ](#)
  - [ЗАБЛУДОВ](#)
  - [ПРЕИМЕНИТЫЙ ГОРОД ЛЬВОВ](#)
  - [ДЕРМАНСКИЙ МОНАСТЫРЬ](#)
  - [ГОРОД ОСТРОГ И КНЯЗЬ ОСТРОЖСКИЙ](#)
  - [ТИПОГРАФИЯ В ОСТРОГЕ](#)
  - [ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ](#)
  - [НАДГРОБНАЯ ПЛИТА ИВАНА ФЕДОРОВА](#)
  - [УЧЕНИКИ, ПРЕЕМНИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ИВАНА ФЕДОРОВА](#)
  - [ПАМЯТНИК ИВАНУ ФЕДОРОВУ В МОСКВЕ](#)
  - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА ФЕДОРОВА](#)
  - [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
  - [Иллюстрации](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
-

Татьяна Муравьева
ИВАН ФЕДОРОВ

ВСТУПЛЕНИЕ

*Во книгах было написано,
Написано и напечатано,
Чем душу спасти, как во рай войти.*

Духовный стих о Страшном суде

«Появление первой печатной книги на языке того или другого народа означает начало новой эпохи в его культурной жизни», — писал академик М. Н. Тихомиров.

В России эпоха печатных книг наступила в первый день весны 1564 года, когда в Москве на Печатном дворе была завершена работа над первой, точно датированной русской печатной книгой «Послания и деяния Апостолов». Во главе этой работы стоял великий энтузиаст своего дела, образованный, талантливый человек — Иван Федоров.

«Сегодня облик Ивана Федорова все более проясняется, — говорил о нем Дмитрий Сергеевич Лихачев. — Это характерная для эпохи Возрождения <...> гигантская фигура энциклопедиста-просветителя, художника и ученого».

До наших дней дошло двенадцать книг, отпечатанных Иваном Федоровым, многие из которых являются шедеврами не только русского, но и мирового типографского искусства. Свои книги он оформлял удивительной красоты гравюрами-заставками собственной работы, а основные тексты сопровождал краткими предисловиями и послесловиями, написанными ярким, сильным и выразительным языком.

Однако биография Ивана Федорова известна в гораздо меньшей степени, нежели плоды его трудов. Большинство биографических сведений, подтвержденных документально, относится лишь к последним двадцати годам жизни первопечатника: начиная с 19 апреля 1563 года, когда Иван Федоров приступил к работе над «Посланиями и деяниями Апостолов», и до 5 декабря 1583 года, когда он скончался. О более ранней и более продолжительной части его жизненного пути неизвестно почти ничего. Но на основе косвенных данных исследователи смогли выдвинуть ряд гипотез, с достаточной долей вероятности позволяющих представить себе среду, в которой прошли молодые годы будущего первопечатника, обстоятельства,

благодаря которым он сформировался как личность и пришел к главному делу своей жизни.

Сведения, которыми мы располагаем, рисуют яркий, живой и очень симпатичный образ Ивана Федорова — труженика, искренне любящего свое дело и получающего огромное удовольствие от работы, человека широких интересов и разнообразных дарований, скромного, но при этом наделенного чувством собственного достоинства, терпеливо сносящего выпавшие на его долю невзгоды, радующегося удачам, глубоко верящего в свое призвание и неизменно исполняющего свой долг. Смысл своей жизни сам Иван Федоров определил так: «Духовные семена надлежит мне по вселенной рассеивать».

Об Иване Федорове написано огромное количество узкоспециальных статей, научных, научно-популярных и художественных книг. Список посвященной ему литературы, составленный одним из авторитетнейших исследователей жизни и деятельности первопечатника, профессором Е. Л. Немировским, на 2010 год включает в себя 3389 названий.

Всем, кто брался излагать биографию Ивана Федорова, волей-неволей приходилось восполнять недостаток фактических данных о жизни самого первопечатника рассказом об общеисторических процессах и явлениях, прямо или косвенно повлиявших на его судьбу. Эта книга — не исключение. В ней рассказывается о людях, с которыми Ивану Федорову приходилось общаться, о событиях, свидетелем которых он становился, о направлениях в общественной и религиозной мысли, повлиявших на его мировоззрение, а также о повседневной, обычной жизни, которая его окружала. Кроме того, в книге присутствует краткий экскурс в историю печатного дела, ибо, не имея представления о том, что предшествовало появлению первой русской печатной книги, трудно понять значение подвига Ивана Федорова, которого современники называли: «Друкарь книг, пред тым невиданных».

РОССИЯ НА РУБЕЖЕ XV–XVI ВЕКОВ

Россия, угнетенная, подавленная всякими бедствиями, уцелела и восстала в новом величии.

Н. М. Карамзин

Точная дата рождения Ивана Федорова неизвестна, но исходя из того, что скончался первопечатник в 1583 году, судя по всему, в весьма преклонном возрасте, можно предположить, что родился он в десятых или двадцатых годах шестнадцатого века.

Конец XV — начало XVI столетия — яркая эпоха стремительного взлета Руси — политического, экономического, культурного. Русь, до той поры четверть тысячелетия пребывавшая под гнетом татаро-монголов, решительно сбросила жестокое иго и неожиданно для всего мира превратилась в свободное, могущественное государство. Некоторые историки называют это время Русским Возрождением. В отношении Руси термин «Возрождение» имеет более широкое и глубокое значение, нежели в отношении западноевропейских стран. Там Возрождение происходило, главным образом, в области культуры, у нас же — возрождалась вся наша жизнь.

Предтечей Русского Возрождения стала Куликовская битва. В 1380 году русские войска под предводительством московского князя Дмитрия Ивановича одержали на Куликовом поле судьбоносную победу над войском золотоордынского темника Мамая, и Русь, осознавая, что ее сила в единстве, начала борьбу за свою свободу и независимость. Борьба была долгой и трудной, она продолжалась целое столетие и, наконец, в 1480 году завершилась почти бескровной победой на реке Угре. С татаро-монгольским игом было покончено, наступил новый этап нашей истории — бурная, противоречивая и яркая эпоха Московской Руси.

Поколение, к которому принадлежал отец Ивана Федорова, было первым поколением, рожденным в свободном Московском государстве, поколение дедов еще застало злые времена татарщины. Знаменитое «Стояние на Угре» было на живой памяти у многих старших современников Ивана Федорова, и будущий первопечатник мог слышать рассказы о том, как было свергнуто ненавистное иго, от очевидцев и даже непосредственных участников этого события.

Время шло к полудню, солнце стояло высоко. Ивашка с ребятами играли в городки. Возле ворот Ивашкиного дома на земле острой щепкой был начернен большой круг — городу в середине его рядком стояли десять березовых чурочек — городков. Ребята, разделившись на две дружины, по очереди бросали поленца-биты, стараясь выбить из города как можно больше городков. Ивашка широко размахнулся, но вдруг замер: в конце улицы показался высокий седобородый старик. Он шагал, опираясь на палку и слегка прихрамывая, за спиной у него на ремне из сыромятной кожи висели гусли, рядом со стариком шел долговязый мальчишка с холицовой сумой для подаяния.

— Калики перехожие! — радостно закричал Ивашка.

Ребята поспешно сгребли городки и побежали за стариком и мальчишкой.

На ближайшем крестце калики перехожие остановились. Старик огляделся, ища, где бы присесть. Кто-то из ребят заметил валявшийся в стороне большой чурбак. Его быстро прикатили, поставили стоймя, Ивашка попробовал, хорошо ли стоит, и обмахнул ладонью от налипшей соломы.

— Спасибо, детушки, — сказал старик, не спеша сел, переметнул гусли из-за спины на колени и ударил по струнам.

Вокруг гуслияра быстро собралась толпа.

Старик запел звучным низким голосом, мальчишка вторил ему на высоких нотах. Пели они про святого Егория Свет Храброго:

Когда туры и олени по горам пошли,
 Когда волки и лисицы — по засекам,
 Когда серы горностаи — по темным лесам,
 Когда рыба ступила в морску глубину,
 Когда на небо взошел да млад светел месяц,
 На земле-то народился могучий богатырь,
 Да могучий богатырь —
 Егорий Свет Храбрый.
 Да во лбу-то у него красно солнышко,
 На висках-то у него часты звездочки,
 По колени у него ноги в золоте,
 По локти руки в чистом серебре...

Дальше в песне рассказывалось, как рос и мужал Егорий Свет Храбрый, как учился управляться с конем и мечом. Но вот напал на Русскую землю царь Басурманище, пожег города и села, Божьи церкви на дым пустил, святые иконы коням под копыта побросал, а Егория Свет Храброго в полон взял и стал принуждать отречься от веры христианской. Но Егорий Свет Храбрый бесстрашно ответил:

Я умру за веру христианскую,
Не поверю я в веру басурманскую!

Царь Басурманище разгневался и приказал мучить Егория муками разнообразными. Стали его топорами рубить — топоры поломались, стали пилой пилить — у пилы зубья затупились, привязали Егорию на шею тяжелый камень и бросили в воду — а он не тонет, против течения гоголем плывет. Стали Егория в кипящей смоле варить — а он не варится, поверх смолы стоит, поет стихи херувимские. Л тут еще огонь под котлом погас, выросла травка зеленая, расцвели цветики лазоревые.

Тогда велел царь Басурманище посадить Егория в яму глубиной в сорок сажен, закрыть досками дубовыми, забить гвоздями железными, засыпать песками рудо-желтыми. Сам царь песок притаптывает, приговаривает:

Не ходить Егорью по белу свету,
Не видать солнца красного, месяца ясного,
Не бывать на святой Руси,
Не слышать звона колокольного,
Пенья церковного!..

Тут слушатели горестно охнули, а какая-то старуха в темном платке пробормотала:

— Ох, беда-то какая! Так оно и было при татарах-то!

Старый певец умолк, тихо перебирая струны, затем вскинул голову и снова запел:

Налетели тут ветры буйные,

*Развеяли пески рудо-желтые,
Поломали гвозди железные,
Разметали доски те дубовые.
Сошла с небес Богородица,
Вывела Егория на белый свет...*

Пошел Егорий по Святой Руси, пришел в свой родной город — разоренный, выжженный и обезлюдивший. Уцелела во всем городе лишь одна церковь Божия, и в ней молилась Богу Егорьева старая матушка.

Испросил Егорий у нее благословение, добыл себе богатырского коня и меч и пошел войной на царя Басурманища.

*Увидел его царь Басурманище,
Выходил он из палаты белокаменной,
Кричит он по-звериному,
Визжит он по-змеиному;
Хотел победить Егория Храброго.
Святой Егорий не уstraшился,
На добром коне приуправился,
Вынимает меч-саблю вострую,
Он ссёк его злодейскую голову.*

Певец умолк. Прозвенел в воздухе последний торжествующий аккорд.

Мальчишка стащил с головы колпак и пошел с ним по кругу. В колпак посыпались мелкие монеты, какая-то баба положила кусок пирога. Ивашка пожалел, что ему нечего дать певцам.

В это время солнце скрылось за тучкой. Сразу потемнело, подул резкий ветер, и где-то вдалеке зарокотал гром.

Толпа стала быстро редеть. Обеспокоенно поглядывая на небо, люди заспешили по домам. Первые тяжелые капли дождя упали в сухую уличную пыль. Ивашкин приятель и ближайший сосед Никитка дернул его за рукав:

— Бежим скорее! Сейчас как хлынет!

И они побежали со всех ног. Вдруг Ивашка остановился:

— погоди! А как же дед со своим мальчишкой? Ведь вымокнут.

Никитка поскреб в затылке:

— Ну, не знаю. Кто-нибудь пустит их к себе дождь переждать.

Но Ивашка уже бежал обратно.

Старый гусяр, скинув с плеч кафтан, заворачивал в него гусли. Мальчишка торопил гусяра:

— Скорее, дедушка! Ведь вымокнем!

— Вымокнем — не размокнем, — отвечал старик. — А если гусли дождем зальет — то беда!

Дождь хлынул как из ведра, молния с треском сверкнула через все небо, и тут же ударил гром.

— Эй! — окликнул калик переходящих Ивашка. — Идемте к нам домой!

— Вот спасибо! — обрадовался гусяр. — А отец с матерью браниться не будут?

— Не будут! — помотал головой Ивашка. — У меня батюшка — поп, ему положено странников привечать. И матушка добрая.

— Тогда идем!

Они быстро зашагали по улице.

Дождь зарядил до позднего вечера, и калики переходящие остались в Ивашкином доме ночевать.

После ужина матушка мыла в лохани посуду, а отец со старым гусяром, сидя друг против друга за столом, вели неспешный разговор.

Ивашке и дедову мальчишке матушка велела ложиться спать. Они забрались на полати, укрылись старым зипуном. Мальчишка тотчас уснул, а Ивашка перевернулся на живот, подпер голову руками и стал слушать, о чем говорят старшие.

— Ты, добрый человек, верно, давно с гусями по свету странствуешь? — спросил отец.

— Давно, — ответил старик, — хоть и не сызмала. В молодых-то годах был я не гусяром, а ратным человеком — стрелял из пищали огненными ядрами. Пока не ранило меня в ногу, — он похлопал себя по негнущемуся колену, — не раз ходил с прежним нашим государем Иваном Васильевичем походами и на казанского хана, и против бунтовщиков-новгородцев. А еще, — тут старик многозначительно помолчал, — сподобил меня Господь постоять на Угре, когда Божьею милостию навсегда избавились мы от злой татарской неволи.

Ивашка наострил уши, предвкушая занимательную историю. Матушка оставила посуду, вытерла руки о передник, присела на край лавки и тоже приготовилась слушать.

Старый гусяр откашлялся и неспешно начал рассказ о славном стоянии на реке Угре. Было видно, что рассказывает он об этом не в первый раз, привык к тому, что слушают его внимательно и благодарно, поэтому речь его текла красиво и складно.

— Сто с лишним лет тому назад великий московский князь Дмитрий Иванович разбил на Куликовом поле несметное войско безбожного хана Мамай. Слышал я об этом от своего деда, а дед от прадеда, а прадед мой сам сражался под знаменем Дмитрия Ивановича в головном полку. Хан Мамай бежал с поля боя, уstraшенный, а Русь, почуяв свою силу, перестала платить Золотой Орде дань, которую платила до той поры.

Прошло немалое время. Умер мой прадед, состарился дед, а я вошел в совершенный возраст.

На московский престол сел великий князь государь наш Иван Васильевич, а в Орде воцарился хан Ахмат. За великую досаду стало спесивому Ахмату, что не ездят больше русские князья в Орду, не кланяются ордынским ханам, не привозят им богатой дани.

Отправил он в Москву к великому князю, государю нашему Ивану Васильевичу своих послов со своей ханской грамотой. А в грамоте той было написано: заплати-де, князь, нашему хану дань, как дед и прадед твой плачивали, а не то разорю я все твое государство, а тебя самого предам лютой смерти. Явились ханские послы пред светлые княжьи очи, вручили государю нашему ханскую грамоту.

Но не уstraшился Иван Васильевич Ахматовых угроз. Взял он ханскую грамоту, изорвал ее в клочья, растоптал ногами и сказал: «То же станется и с самим вашим ханом, коли будет он мне докучать!»

Впал хан Ахмат в великую ярость, собрал несметное войско и пошел походом на Русь. Государь наш Иван Васильевич решил не дожидаться супостатов в Москве, а выступил со своим войском им навстречу.

Подошло русское войско к реке Угре, что впадает в Оку близ Калуги, стало на левом ее берегу, преградило врагам путь на Москву. Хотели татары переправиться через реку вброд, да мы не дали, отогнали супостатов обратно на дальний берег.

Стали они стрелять по нашим полкам через реку из луков. Посыпались каленые стрелы, словно частый дождь. Да только долетали они до нас уже на излете, падали плашмя на землю, никого не убив и не ранив. А у нас oprичь тугих луков и острых стрел были еще и пищали, что стреляют огнемётными ядрами. Из тех пищалей многих мы татар побили.

Видит хан Ахмат — не сладить ему с нами в одиночку. Позвал он на помощь великого князя литовского Казимира. Литовский князь сперва пообещал помочь, но потом призадумался: хватит ли у него силы воевать с московским князем? — и решил, что лучше ему не ходить на Русь. Но хан Ахмат про это не знал. Встал он станом на правом берегу Угры и стал

дождаться обещанной помощи.

Тут бы нам переправиться через реку и ударить на супостатов! Но наш великий князь не спешил наступать. Был он государем осторожным и мудрым, не хотел проливать русскую кровь понапрасну, а выжидал того момента, когда сможем мы победить без больших потерь для нашего войска.

Так и стояли мы друг против друга по обе стороны Угры. Дни проходили за днями, а сражения все не было. Поднялся среди наших воинов ропот: великий князь-де боится и нас понуждает быть трусами. Но Иван Васильевич по-прежнему оставался в бездействии.

Наступил конец октября. Близилась зима, по утрам земля покрывалась инеем. Татары подходили к краю берега и кричали: «Даст Бог зиму на вас: когда все реки станут, много дорог будет на Русь!»

Но и хан Ахмат, и его воины все больше падали духом. Им уже стало ясно, что помощь от князя Казимира не придет. Съестные припасы заканчивались, татары жестоко страдали от ночных заморозков. А к нашему государю присоединились двое его братьев со своими полками.

И вот, наконец, решил Иван Васильевич, что настало время сразиться с супостатами. Отвел он наши полки к городу Боровску; на широкую Боровскую равнину. Изготовились мы к решительной битве. Но хан Ахмат не вышел на поле боя, а развернул свое войско — и бежал из русских пределов. Так избавилась Русь навсегда от злой неволи!

Старый гуслир улыbnулся, заново переживая тогдашнюю радость.

Ивашка, слушавший затаив дыхание, шумно выдохнул и, свесив голову с полатей, спросил:

— Дедушка, а почему татары не стали с нами биться?

— Об этом разные люди говорили по-разному. Одни — что хан Ахмат хоть и поздно, но понял — велика наша сила, и ему нас не победить, нечего и пытаться; другие — что, когда наши полки отошли от Угры, заподозрил он какую-то хитрость, решил, что наш государь заманивает его в ловушку. А еще слышал я, будто в татарский стан пришло известие о том, что часть русских войск, загодя отправленных Иваном Васильевичем вниз по Волге, разорила ордынскую столицу — город Сарай и хан Ахмат поспешил вернуться к себе в Орду.

Но мне думается — было иначе.

Во все время, что стояли мы на Угре, в Москве, в Успенском соборе народ с великим усердием молился Богородице. И Она сотворила чудо: бежал Ахмат, гонимый незримой силой нашей Пречистой Заступницы.

А Угру с тех пор зовут Поясом Богородицы.

Ивашкин отец с чувством сказал:

— Спасибо тебе, добрый человек!

Потом поманил Ивашку:

— Поди-ка сюда.

Ивашка проворно слез с полатей.

— Поклонись дедушке, — велел отец, — и скажи ему спасибо за то, что постоял он за Святую Русь.

Да хорошенько запомни все, о чем он рассказывал. Потом будешь пересказывать его рассказ своим детям и внукам. Они-то об этом только в книгах прочтут, а тебе вышла удача — услышать от человека, который сам все испытал.

Старый гусяр оживился:

— Да неужто в книгах написано про то, как стояли мы на Угре?

— Написано, — кивнул отец.

— Жаль, что не сподобил меня Господь выучиться грамоте, — пригорюнился гусяр. — Грамотному-то человеку многое открыто, чего неграмотный и знать не знает. Слыхали песню про волшебную Книгу Голубиную? Сбросил ее с неба на землю сам Господь наш Иисус Христос, и говорится в ней обо всех тайнах земных.

И, не дожидаясь ответа, негромко запел:

Находила на небо туча темная,

Туча темная, туча грозная.

Посередь-то поля, поля чистого

Выпадала Книга Голубиная.

Дальше гусяр пел про то, как собралось в чистом поле без счету народу православного. Смотрят все на чудесную книгу, дивуются. Да очень уж книга велика: сорок локтей в длину, двадцать в ширину.

На налой та книга не уложится,

Во руках ту книгу удержать нельзя.

Но вот подошел к книге премудрый царь Давид Евсеевич, и книга раскрылась перед ним сама собой. Три года читал он чудесную книгу и постиг всю земную мудрость. Узнал премудрый царь:

*Отчего зачался весь белый свет,
Откуда пошло красно солнышко
С молодым да со светлым месяцем,
Откуда взялись часты звездочки,
Отчего у человека кости крепкие,
Почему у него в жилах кровь горячая...*

Старик замолчал, а Ивашка спросил:

— И где же теперь эта книга?

— Про то никому не ведомо.

Отец назидательно сказал:

— Всей премудрости человеку постигнуть не дано. Потому и исчезла, верно, Голубиная Книга. Но взамен нее дано нам в утешение много разных книг, в них — премудрость человеку доступная. Ты, дедушка, правильно говоришь — грамотному человеку многое открыто.

Ночью Ивашке приснилась извилистая Угра, похожая на синюю ленту, два войска под развевающимися знаменами, стоящие друг против друга на двух ее берегах, летящие через реку стрелы и огненные ядра. Только все это было не вживую, а нарисовано на картинке в большой, толстой книге.

Детство и юность Ивана Федорова пришлись на время правления великого князя Московского Василия III, в 1505 году унаследовавшего престол после своего знаменитого отца — Ивана III. Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» писал: «Государствование Василия казалось только продолжением Иоаннова». Правление Ивана III — один из переломных моментов в нашей истории. Иван III первым из русских правителей стал называть себя не только великим князем Московским, но и государем всея Руси. (Поскольку именно при нем, после свержения татаро-монгольского ига, начинает складываться единое, цельное, могущественное государство, столицей которого становится Москва.)

Конечно, Москва заняла свое первенствующее положение не в одночасье, русские земли начали собираться вокруг Москвы еще во времена татарщины. Разрозненные, враждующие друг с другом русские княжества одно за другим, добровольно или подчиняясь силе, признавали главенство великого князя Московского. При Иване III к Московскому княжеству были присоединены Ярославское, Ростовское, Тверское княжества, Новгородская республика, Вятская земля и большая часть земель Рязанских. У Великого княжества Литовского были отвоеваны такие

исконно русские земли, как Чернигов, Новгород-Северский, Гомель, Брянск и др.

Важным политическим шагом Ивана III стала его женитьба на племяннице последнего византийского императора Константина Палеолога — Зое. В 1453 году Византия была захвачена турками, император Константин погиб, защищая свою столицу с оружием в руках, а его младший брат Фома был вынужден навсегда покинуть родину и обосноваться с семьей в Риме. Когда Иван III после смерти своей первой жены, тверской княжны Марьи Борисовны, задумал жениться вторично, его избранницей стала дочь Фомы — красивая, умная и образованная Зоя. 12 ноября 1472 года Зоя торжественно прибыла в Москву. На Московской земле византийская царица стала называть себя более привычным для русских именем — Софья. Брак с Софьей Палеолог выдвинул Ивана III на совершенно особое место среди европейских правителей, поскольку, породнившись с византийскими императорами, он получал право считать себя их наследником. Хотя Византии, как государства, уже не существовало, но были живы ее традиции, восходящие, в свою очередь, к эпохе Древнего Рима, и Русь в глазах всего мира становилась преемницей этих традиций. В знак такой преемственности Иван III утвердил государственную «державную» печать с изображением герба Византии — двуглавого орла, который со временем стал гербом России. (Кстати, именно в это время наряду с древним названием — Русь входит в употребление и новое — Россия.)

Идея прямой преемственной связи между Московской Русью, Византией и Римской империей нашла воплощение в политической теории «Москва — Третий Рим». В основу этой теории легло древнеримское поверье, согласно которому римляне называли свою столицу «Вечным городом» и утверждали, что когда падет Рим — рухнет весь мир, то есть наступит конец света.

На рубеже нашей эры Римская империя достигла небывалого могущества, ее власть распространялась на большую часть тогдашнего обитаемого мира: почти вся Западная Европа, Малая Азия, северное побережье Африки составляли ее владения. В первом веке нашей эры в восточных провинциях Римской империи возникла новая религия — христианство, которое на протяжении II–III веков распространилось по всей империи. Хотя первые христиане подвергались жестоким гонениям со стороны римских властей и христианские богослужения в Риме отправлялись тайно в подземных храмах-катакомбах, именно Древний (или, как говорили на Руси, «Ветхий») Рим стал первой в мире

христианской столицей. Легенда о связи конца Рима с концом света в среде христиан приобрела новое — христианское — звучание.

Тем временем огромную и многонациональную Римскую империю раздирали внутренние противоречия. Крестьянские волнения, мятежи в городах, восстания рабов, вторжения соседних племен привели империю в полный упадок, лишив Рим его былого могущества. Восточная часть империи в меньшей степени, нежели западная, была затронута кризисом, и в 330 году император Константин I перенес столицу из Рима на Восток, в город Византий, расположенный на берегу Босфорского пролива. В честь императора Константина новая столица получила название Константинополь. Константин был воспитан в языческой вере и почти до конца жизни оставался язычником, но тем не менее разрешил христианам открыто исповедовать свою религию, поддерживал христианскую церковь, пожаловал ей ряд привилегий. Церковная традиция называет Константина равноапостольным и связывает с ним коренной поворот от преследования властями христианства к покровительству новой религии.

В 363 году, после смерти преемника Константина, императора Юлиана, Великая Римская империя распалась на две части — Западную и Восточную. Рим, оставаясь официальной столицей Западной Римской империи, все больше и больше приходил в упадок. В 476 году вождь германского племени скиров — Одоакр сверг последнего императора Западной Римской империи Ромула Августула, и Западная Римская империя прекратила свое существование. Рим пал. Согласно древнему пророчеству, должен был наступить конец света — но он не наступил. Тогда мудрецы и книжники рассудили, что Рим продолжает существовать, что он велик и могуществен по-прежнему, но воплотился в другом образе. Этим «вторым Римом» был объявлен Константинополь — вторая христианская столица.

Шло время, мир менялся, на территории Западной Римской империи образовывались новые — западноевропейские — государства. Восточная Римская империя, получившая название Византии, оставалась хранительницей традиций античной и раннехристианской культуры. В эпоху раннего Средневековья Западная Европа принимает христианство, и Рим опять приобретает характер христианской столицы. Но особенности исторического развития обусловили расхождения между христианскими церквями Западной Европы и Византии; между римскими папами (такое наименование главы римской церкви было принято в V веке) и константинопольскими патриархами начинается соперничество за главенствующее положение в христианском мире.

Русь издавна имела тесные сношения с Византией — политические, торговые, культурные, и в X веке приняла христианство «по греческому (то есть византийскому) обряду». В 1054 году во время княжения на Руси Ярослава Мудрого произошло официальное и окончательное разделение христианской церкви на католическую (западную) и православную (восточную), причем к католицизму примкнули все западноевропейские государства, а к православию — Византия, Русь и Балканские страны.

Католичество на Руси не считали истинным христианством, поэтому Константинополь (Царьград) — в противоположность «папскому», «латынскому» Риму — по-прежнему воспринимался как «второй», то есть «истинный» Рим. Но история Византии близилась к своему закату, некогда могущественная империя слабела и в политическом, и в военном отношении. В мае 1453 года после длительной осады турецкие войска заняли Константинополь, превратив его в свою столицу и дав ему турецкое имя — Стамбул. Так, через тысячу лет после первого пал и второй Рим, но конца света по-прежнему не было.

Стало быть, снова рассудили мудрецы и книжники, Рим еще раз воплотился в новом образе. Однако вопрос о том, какой же из современных городов достоин славы «Третьего Рима», вызывал бурные споры и мучительные сомнения, поскольку к тому времени все православные страны находились под иноземным владычеством: Балканские земли в XIV–XV веках были поработены турками, а над Русью все еще господствовала Золотая Орда. Но когда татаро-монгольское иго было свергнуто, всем стало очевидно, что Москва, единственная в мире свободная православная столица — и есть Третий Рим.

Теория «Москва — Третий Рим» была закономерным этапом в развитии политической мысли на Руси, ее возникновению способствовал целый ряд факторов: окончательное освобождение от татаро-монгольского ига, объединение русских земель вокруг Москвы, рост национального самосознания. Эта теория сыграла важную роль в становлении государственной идеологии и способствовала формированию мировоззрения того поколения русских людей, к которому принадлежал и Иван Федоров. Наиболее четко эту теорию сформулировал старший современник Ивана Федорова, псковский монах старец Филофей в послании к московскому великому князю Василию III «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

При Василии III территория Московского княжества за счет продолжения объединения русских земель вокруг Москвы увеличилась в шесть раз по сравнению со временем княжения его отца. Московская Русь,

о которой во времена татарщины на Запад доходили лишь смутные, полуфантастические слухи, становится самым обширным государством в Европе и стремительно выходит на мировую арену. Налаживаются дипломатические связи между Русью и другими странами, завязываются сношения с императором германским, папой римским, с венгерским и датским королями, венецианским дожем, турецким султаном и шахом персидским. Московские великие князья, преисполненные гордости за свою страну, не без надменности взирают на европейских правителей. Так, когда германский император предложил Василию III королевский титул, тот отверг предложение, заявив: «Мы, Божиею милостью, государь в своей земле изначала. От первых своих прародителей поставлены от Бога, <...> а поставления ни от кого не хотели и теперь не хотим!»

Иван Федоров рос и формировался как личность в знаменательную эпоху становления Московской Руси. Несомненно, атмосфера всеобщего подъема, светлых надежд, веры в свои силы, окружавшая Ивана Федорова в годы его детства и юности, оказала решающее влияние на формирование характера будущего первопечатника, на выбор им жизненного пути и в значительной степени определила его судьбу.

МОСКВА ВРЕМЕН ИВАНА ФЕДОРОВА

Столица древняя, родная...

К. С. Аксаков

Место, где родился первопечатник, доподлинно неизвестно, но существует целый ряд гипотез, высказанных разными исследователями по этому поводу.

Согласно самой распространенной из них Иван Федоров родился в Москве. Казалось бы, это подтверждается тем, что во многих официальных документах первопечатника именовали Москвитин^{ом}, и сам он не раз называл себя так же. Однако все эти документы относятся к тому времени, когда Иван Федоров волею судеб оказался в чужих краях, где Москвитин^{ом} могли называть не только уроженца Москвы, но и всякого человека родом из Московского царства, то есть из России.

Другая гипотеза утверждает, что родиной Ивана Федорова был Великий Новгород. Она основана на том, что один из самых влиятельных покровителей Ивана Федорова, московский митрополит Макарий, начинал свою церковную карьеру в Новгороде, где и мог знать семью будущего первопечатника. Эта гипотеза вполне правдоподобна, но каких-либо весомых ее доказательств не имеется.

Согласно еще одному предположению Иван Федоров происходил из Белоруссии. Исследователи заметили сходство между родовым гербом белорусского шляхетского рода Рагоза и печатным знаком Ивана Федорова — профессиональным клеймом, которым он помечал свои издания. Однако в таком случае Иван Федоров должен быть шляхтичем — дворянином, что опровергается образом его жизни и родом занятий. «Настаивать на этой гипотезе мы пока еще не можем», — пишет Е. Л. Немировский.

Высказывалось также предположение, что Иван Федоров родился в селе Николо-Гостунь близ Калуги, поскольку впоследствии он служил дьяконом церкви Николы Гостунского в Московском Кремле. Однако взаимосвязанность этих событий весьма сомнительна.

Таким образом, приходится признать, что документально подтвердить то или иное место рождения Ивана Федорова невозможно, но тем не менее по устоявшейся традиции его родиной чаще всего называют Москву. Связь

Ивана Федорова с Москвой, действительно, была глубокой и крепкой, он жил и работал в Москве, был хорошо знаком со многими московскими общественными и культурными деятелями. Так что и мы будем придерживаться традиционного мнения, что первопечатник был москвичом.

Вопрос о происхождении Ивана Федорова, несмотря на полное отсутствие документальных свидетельств и по этому поводу в отличие от вопроса о времени и месте его рождения, почти не вызывает сомнений. За исключением уже упомянутого предположения о принадлежности первопечатника к белорусскому шляхетскому роду, большинство исследователей сходятся на том, что родители его были простыми, незнатными людьми. «Федоров» — не фамилия первопечатника, а прозвание, означающее «сын Федора», так — по имени с добавлением имени отца — в те времена называли простых людей, а фамилии в современном понимании носила только знать.

Также почти с полной уверенностью можно утверждать, что Иван Федоров происходил из духовного сословия. Документально подтверждено, что впоследствии он служил дьяконом — помощником священника, а профессия церковнослужителя на Руси чаще всего была семейной, сыновья недуховных лиц становились священниками или дьяконами крайне редко.

Видимо, отец Ивана Федорова был простым приходским священником, и в детстве будущего первопечатника окружала обычная, повседневная жизнь Москвы начала XVI века, труды и заботы простых москвичей, их будни и праздники. Приходской священник в силу своих обязанностей каждый день был свидетелем и участником всех основных событий жизни своих прихожан: крестил новорожденных, венчал вступающих в брак, отпевал умерших.

Жизнь самого приходского священника мало отличалась от жизни обычных горожан. Среди священников почти не было богатых людей: они получали ругу — очень небольшое жалованье, которого обычно не хватало, чтобы прокормить себя и свое семейство, поэтому священник обзаводился подсобным хозяйством — разбивал позади дома огород, заводил скотину. Дом священника находился при церкви, в которой он служил, нередко в этом же доме устраивалась школа для детей прихожан, и священник (или дьякон) исполнял должность учителя. Священники не были чужды обычных слабостей и пороков. В правилах церковной службы особо оговаривалось: «А который поп или дьякон которого дни упиется допьяна, ино ему назавтрее не служить», но прихожане относились к подобным

случаям с пониманием и сочувствием.

Приход обычно включал в себя несколько улиц. Особенно яркими событиями в жизни прихода бывали престольные праздники, то есть праздники, посвященные тому святому или той иконе, в честь которых освящена церковь. Около церкви в этот день устраивалось народное гулянье, располагался временный торг. Церквей в Москве было много, и в разных приходах праздники приходились на разные дни, прихожане ждали своего престольного праздника с нетерпением — именно об этом была сложена известная поговорка: «И на нашей улице будет праздник».

Однако детство Ивана Федорова могло проходить и в несколько ином окружении, если принять за истину гипотезу, выдвинутую одним из исследователей жизни первопечатника — Николаем Константиновичем Гаврюшиным, согласно которой отцом Ивана Федорова был не обычный приходской священник, а значительное в тогдашней церковной жизни лицо, протопоп Благовещенского собора в Кремле — домовый церкви московских великих князей — Федор Бармин. В таком случае, детство будущего первопечатника проходило внутри кремлевских стен (впрочем, документально зафиксировано, что Федор Бармин служил в Благовещенском соборе в 1540-х годах, а до этого, то есть во времена детства Ивана Федорова, мог служить в любом другом храме).

Но где бы ни рос Иван Федоров — в Кремле или на Посаде, он сизмала узнал и полюбил Москву.

Москва XVI века была одним из крупнейших, красивейших и многолюднейших городов Европы. По свидетельствам современников, Москва имела более тридцати верст в окружности, иностранцы, побывавшие в Москве, часто сравнивали ее величину с наиболее знаменитыми городами Европы, и всегда сравнение это было в пользу Москвы. Так, польский епископ Матвей Меховский писал, что Москва «вдвое больше чешского города Праги и Флоренции в Тоскане», а англичанин Ченслер — что она «больше Лондона с его предместьями». По своему многолюдству Москва уступала только двум европейским городам — Парижу и Неаполю, населяло ее около ста тысяч жителей, что составляло половину тогдашнего городского населения и один процент населения всей России.

Иностранные путешественники восхищались не только величиной, но и красотой Москвы, отмечали, что она — «самый славный из всех городов Московии как по своему положению, которое считается срединным в стране, так и вследствие замечательно удобного расположения рек, обилия жилищ и красоты своего неприступного замка».

«Неприступный замок» — Московский Кремль — гордо высился на Боровицком холме, который в те времена был гораздо выше, чем сейчас, так что панорама Кремля была хорошо видна даже с окраинных улиц. Кремлевские укрепления времен детства Ивана Федорова отличались от тех, какими мы знаем их сейчас, все башни были значительно ниже, их высота не намного превышала высоту стены, завершались башни деревянными шатрами, ход, идущий поверху стен, был перекрыт двускатной деревянной кровлей.

В наши дни Кремль — заповедное место, символ Москвы и всей России, историческая святыня. Во времена же Ивана Федорова он был жилым, густо застроенным и многолюдным, с улицами, переулками и площадями, центром и окраинами. Центральную часть Кремля, как и сейчас, занимали Соборная и Ивановская площади. С западной стороны на Соборную площадь выходил обширный великокняжский двор, с трех сторон обнесенный стеной, там стояли белокаменные жилые палаты, возведенные при Иване III, разнообразные хозяйственные постройки. С севера к Соборной площади примыкал митрополичий двор, с юга располагались государственные учреждения: суды, приказы, казнохранилище. От Фроловских и Никольских ворот к Ивановской площади шли две главные кремлевские улицы — прямые, широкие, замощенные бревнами. Южная низменная часть Кремля, расположенная вдоль стены, обращенной к Москве-реке, называлась Подолом, через который тоже проходила длинная улица. На территории Кремля располагались два монастыря — Чудов и Вознесенский, два монастырских подворья — Крутицкое и Кирилло-Белозерское, большое количество церквей, стояли боярские, купеческие, поповские дворы.

За исключением каменных храмов и великокняжских палат, застройка Кремля была деревянной, и строения сильно отличались друг от друга в зависимости от достатка своих хозяев. Хотя простой московский люд — мелкие торговцы, ремесленники к тому времени селились в основном уже за пределами Кремля, на Посаде, кремлевское население было достаточно пестрым: великий князь и его семья, бояре, купцы, духовенство всякого чина, монахи и монашки, многочисленная великокняжья, боярская и купеческая дворня.

Многие зажиточные москвичи жили на Посаде, а в Кремле имели «осадные» дворы, куда переселялись, если городу грозил неприятель, чтобы пересидеть осаду с удобствами, на собственном дворе. Вообще же, в случае осады за кремлевскими стенами укрывались все москвичи, а нередко — и жители подмосковных сел. Одну такую осаду, когда под

Москвой стоял крымский хан Магмет Гирей, в раннем детстве должен был пережить и Иван Федоров.

После свержения татаро-монгольского ига Золотая Орда распалась на несколько отдельных, сохранявших враждебное отношение к России государств, в том числе Казанское и Крымское ханства.

В 1521 году крымский хан Магмет Гирей с большим войском, в которое кроме крымцев входили казанцы, ногайцы и литовцы, двинулся на Москву. Василий III выслал навстречу врагу войско, во главе которого стояли младший брат самого великого князя Андрей и князь Дмитрий Бельский — молодые, неопытные в ратном деле, но преисполненные гордыни. Не слушая советов более опытных полководцев, они совершили ряд ошибок, позволили врагам переправиться через Оку, были разбиты и бежали. Враги подступили к самой Москве, оставляя на своем пути полыхающие селения, убивая или уводя в плен мирных жителей. Крымский хан, остановившись в великокняжеском подмосковном селе Воробьево, пил мед из дворцовых погребов и с высоких Воробьевых гор смотрел на Москву, уже считая ее своей добычей.

Василий III поспешно покинул столицу и отправился в Волок собирать новое войско, оставив защитником Москвы своего зятя — Петра. Посадский люд, жители окрестных сел, спасаясь от врагов, устремились под защиту кремлевских стен. Среди них должна была быть и семья Ивана Федорова. Из-за жары и большого скопления людей в Кремле возникла угроза эпидемии. Защитники города рассчитывали на огнестрельное оружие, но неожиданно обнаружилось, что не хватает пороха, положение осажденных становилось угрожающим. Иные стали говорить, что Москва обречена, поскольку москвичи навлекли на себя гнев Божий.

Среди москвичей прошел слух, что одной из монахинь Вознесенского монастыря, что в Кремле, было видение: будто бы при погребальном колокольном звоне распахнулись двери кремлевских соборов и оттуда вышли все почивавшие там святители. Были они печальны и несли образ Владимирской Богоматери — древнюю русскую святыню, заступницу Русской земли. Медленным шагом направились святители к Фроловским воротам. Но вдруг путь им заступили святые Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский, появившиеся со стороны Посада. Стали Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский спрашивать святителей, почему те решили покинуть Москву и оставить москвичей без своей защиты. Святители ответили, что Господь повелел им уйти из Москвы, ибо москвичи забыли страх Божий, погрязли в грехах, и в наказание им Москва будет разорена врагами. Святые Сергей Радонежский и Варлаам

Хутынский опечалились и воскликнули: «Будем молить Господа о прощении!» Стали они усердно молиться, и Господь смиростивился над москвичами, разрешил святителям не покидать Москвы.

И кремлевские стены выдержали осаду, крымский хан ушел восвояси.

Вокруг Кремля располагался Великий посад, далее шли слободы, однако и при Иване Федорове, и долгое время спустя москвичи называли «городом» только Кремль.

Главная площадь Великого посада, образовавшаяся по тем временам сравнительно недавно, еще не носила привычного нам названия Красной, а именовалась Пожаром. Когда-то пространство перед Кремлем было густо застроено, но в 1493 году в Москве случился один из сильнейших за всю ее историю пожар. Загорелось за Москвой-рекой, огонь через реку перекинулся в Кремль, выгорели многие кремлевские постройки, большая часть посада. Иван III, чтобы в дальнейшем хоть в какой-то степени обезопасить Кремль от огня, запретил восстанавливать выгоревшие постройки на расстоянии 109 сажень (сажень — 1,53 метра) от кремлевской стены. Так с восточной стороны Кремля образовалась обширная площадь, в память о своем происхождении и получившая название «Пожар».

Поскольку строиться на Пожаре было запрещено, там расположился главный московский торг, который стал центром всей городской и общественной жизни. Площадь начали называть еще и Великим Торгом. С раннего утра Великий Торг бывал полон народу. Пирожники и золотых дел мастера, сапожники и шапочники, портные и седельники торговали своим товаром каждый в своем ряду, а всего этих рядов было более сотни. Многие иностранцы, побывавшие на Московском торгу, удивлялись изобилию выставленных здесь товаров и восхищались удобством самого торга — любой товар легко было отыскать в специально отведенном для него ряду. Из подмосковных сел и деревень привозили зерно и овощи, молоко и мясо, с Волги везли мед, соленую рыбу и икру, с Севера — меха и ловчих соколов, с Востока — узорные ткани и расписную посуду, из Италии — украшения и бумагу для переписывания книг, из совсем дальних, неведомых москвичам стран — драгоценности и благовония, вина и заморские фрукты. Торговали в лавках и шалашах, с лотков и вразнос. Не случайно сложилась поговорка-благопожелание: «Что на Московском торгу — то бы и у тебя в дому».

На торгу самый разный народ встречался, обменивался новостями, ссорился и мирился; здесь же глашатаи-бирючи трубили в рога и выкликали то, что нужно было знать всем горожанам; пели и плясали скоморохи, водили медведя и показывали кукольные представления;

совершались публичные наказания и проходили праздничные процессии.
Торговали на Московском торгу и книгами.

*

Ивашка шел через Торг, держась за отцовскую руку и боясь потеряться в шумной толпе.

Чего только здесь не было! Торговали хлебом и орехами, домашней птицей и овощами, разнообразной дичью и рыбой, клюквой, медом, уксусом, пряниками, сапогами, меховыми шубами, глиняными горшками, расписными деревянными ложками, заморскими шелковыми тканями, детскими игрушками, драгоценными украшениями — всего и не перечислить! Торговцы, переминаясь с ноги на ногу и охлопывая себя руками, чтобы не замерзнуть, на все лады выхваляли свой товар.

Отец Федор замедлил шаги и свернул в книжный ряд. Так бывало каждый раз, когда он оказывался на Торгу, и Ивашка знал, что отец застрянет возле книг надолго. Прилавки с книгами были укрыты от снега дощатыми навесами, книги в кожаных переплетах разложены на чистых холщовых полотенцах.

Отец Федор бережно перелистывал книги, прочитывал то из одной, то из другой по несколько строк, восхищенно качал головой.

Потом с сожалением сказал торговцу:

— Купил бы я у тебя много чего, да денег в обрез. А книги-то дороги.

Торговец развел руками:

— Вестимо дороги. Мастер-доброписец каждую книгу полгода, а то и год переписывал.

— Верно, — согласился отец Федор. — Ну, счастливо тебе оставаться, хорошо торговать!

Вдруг отца Федора окликнул какой-то полупьяный оборванный мужичонка:

— Постой! Есть у меня книга на продажу, и недорого возьму.

Он вытащил из-за пазухи небольшую книжицу с неровно обрезанными страницами.

Отец Федор посмотрел на нее с сомнением.

— Да ты не думай, не краденая! — угадал его мысли оборванец. — Я сам переписал.

Отец Федор взял книгу в руки и перелистал.

— А это что? — воскликнул он вдруг с возмущением. — Здесь строк

пять пропущено.

— Знаю, — хмуро ответил оборванец. — Ладно уж, раз заметил, бери за полцены.

Но отец Федор сунул книгу ему обратно в руки, отступил на шаг и сказал:

— Не возьму даже и даром! Стыдно должно быть писцу, испортившему книгу, и торговцу, ее продающему, и тому, кто ее купит, позарившись на дешевизну.

Отец Федор круто повернулся и широкими шагами пошел прочь.

Оборванец посмотрел ему вслед и, сокрушенно вздохнув, пробормотал:

— Невезучий я человек! Надо же было книге открыться именно на негодной странице.

— Батюшка, — спросил Ивашка, едва поспевая за отцом, — а за что ты так рассердился на этого пьяницу?

Отец призадумался, как бы попонятнее объяснить сыну, и сказал:

— Умные люди говаривали: «Как птице нужны крылья, как кораблю ветрила, так человеку почитанье книжное». И вот ты подумай: если у птицы сломано крыло, она не сможет летать, есуш у корабля порван парус — он утонет в пучине морской, а если человек прочтет книгу, в которой из-за ошибок доброписца нельзя ничего понять, то он или решит, что в книгах нет никакого смысла и, стало быть, читать их незачем, или поймет все не так, и вместо пользы получится великий вред. Понял?

— Понял! — кивнул Ивашка.

Во все стороны от Кремля и торговой площади разбегались широкие улицы-дороги — на Тверь, на Дмитров, на Калугу, на Ростов, Москва не имела четких границ, привольно раскинувшись среди лугов и рощ. В отличие от западноевропейских городов, в Москве не было тесноты, городские дворы-усадыбы стояли свободно, в каждой текла своя замкнутая жизнь. Жилой дом был окружен просторным двором, со всевозможными хозяйственными постройками — сараями, хлевами, кладовыми. Особую красоту и своеобразие Москве придавало обилие зелени: при каждой усадьбе был плодовый сад, огород, мог быть даже свой собственный рыбный пруд. Каждая усадьба была огорожена, на улицу выходили высокие заборы и ворота, украшенные резьбой и пестрой росписью.

Постройки на богатом боярском дворе отличались разнообразием и живописностью. Над всей усадьбой возвышалась сторожевая башня — повалуша, насчитывающая от двух до четырех этажей.

Верхний ее этаж на выступах-повалах нависал над нижними и служил

дозорной площадкой, в нижних этажах располагалось жилье. Особую выразительность повалуше придавала кровля — она могла быть двускатной, четырехскатной, бочкообразной. Рядом с повалушей стояло еще одно жилое строение — горница на высоком подклете, соединявшаяся с повалушей при помощи перехода — сеней, перекрытых двускатной кровлей. К сеням пристраивалось высокое крыльцо.

На боярском дворе жила многочисленная челядь: домашние слуги, ремесленники разных профессий, которые обеспечивали боярина и его семью всеми необходимыми ремесленными изделиями, крестьяне из принадлежавших боярину деревень, регулярно привозившие на боярский двор съестные припасы. Когда боярин выезжал на улицу верхом, за ним бежало множество слуг и крепостных. Однако не каждый боярин заботился о своих челядинах, нередко, чтобы прокормиться, им приходилось промышлять разбоем на московских улицах. Для охраны своих усадеб бояре нанимали ночных сторожей. Сторож всю ночь расхаживал по двору, ежечасно ударяя колотушкой по деревянной доске.

Не уступали величиной и богатством боярским усадьбам усадьбы дворян — людей, служивших при великокняжьем дворе, и богатых купцов. Усадьбы простых людей — ремесленников и мелких торговцев были меньше и скромнее, вместо повалуш и горниц там стояли обычные избы. В отличие от боярского дома, жилище ремесленника часто располагалось не в глубине двора, а выходило торцом на улицу, перед входом устраивался прилавок, с которого мастер продавал свои изделия.

Москва была почти сплошь деревянной, жилые постройки обычно возводили из сосны, реже — из ели, хозяйственные — из дуба, березы и осины. Площадь внутренних помещений определялась длиной бревна и составляла две-три квадратные сажени. Каменные постройки — из белого камня и из кирпича, который обычно белили, — встречались редко, в основном это были церкви и очень немногие боярские палаты. Дома покрывали двускатной кровлей, на фасаде обычно было три окна, среднее из которых располагалось выше остальных и предназначалось для выхода дыма. Маленькие волоковые окна, по ширине одного-двух бревен, затягивались бычьим пузырем или промасленной холстиной, на ночь закрывались волоковой доской; в богатых домах окна были побольше, имели дощатые косяки (поэтому их называли косячатыми), и вставлялись в них кусочки слюды — слоистого полупрозрачного минерала, добываемого на Русском Севере. (Кстати, слюду русского происхождения тогда использовали вместо стекла и в Западной Европе, европейцы называли ее «Русское стекло» или «Московит». Последнее название, как обозначение

слюды-минерала, до сих пор принято в некоторых европейских языках.)

Планировка Москвы была свободной, причудливой и часто менялась из-за постоянно происходивших пожаров. Названия имели только самые крупные улицы: Великая, Варьская и некоторые другие, большинство же москвичей указывали свой адрес по ближайшей церкви или какой-либо особенности рельефа — Кучково поле, Болото. Центральные улицы были замощены досками, уложенными поверх бревен, такие улицы назывались «мостовыми», немощеные же улицы, расположенные ближе к окраинам, были удобны для прохода и проезда только зимой и летом, а в весеннюю и осеннюю распутицу становились труднопроходимыми. Городская жизнь в то время имела много общего с жизнью сельской. Москвичи держали домашнюю скотину, коз, коров, лошадей. Каждое утро по московским улицам проходил пастух, хозяйки выгоняли свою скотину за ворота, и пастух гнал стадо на городское пастбище.

Москва просыпалась рано. Колокольный звон будил москвичей к утреннему богослужению. После службы начинался трудовой день, ремесленники принимались за работу, купцы отправлялись в свои лавки, дьяки и подьячие — в приказы, бояре — во дворец на государеву службу. Около полудня обедали, после обеда все обязательно спали, улицы в это время пустели, прекращалась торговля. Ночью улицы запирались решетками или положенными поперек бревнами, которые охранялись сторожами, набиравшимися из посадских людей. Если кому-нибудь нужно было выйти из дома в темное время суток, он должен был брать с собой фонарь, это означало, что человек идет не таясь, не замышляя ничего дурного. Прохожего, появившегося на улице в неурочный час без фонаря, почитали за злоумышленника и препровождали в тюрьму. Впрочем, без крайней нужды на улицу по темноте старались не выходить, в Москве было неспокойно, по ночам пошаливали разбойники.

Самым страшным бедствием в старой Москве были пожары. Огонь быстро перекидывался с одной деревянной постройки на другую, с ужасающей быстротой уничтожая целые кварталы, а бывало и так, что весь город выгорал дотла. Для предотвращения пожаров не разрешалось возводить постройки близко одна от другой, и после каждых десяти дворов предписывалось оставлять незастроенный переулок.

Каждый хозяин был обязан держать наготове кадку с водой. В летнее время запрещалось топить течи в домах и банях, огонь можно было разводить только в очаге на дворе, подальше от построек. Весной специально назначенные чиновники — объезжие головы обходили все дома и запечатывали печи восковыми печатями, которые, если развести в печи

огонь, неминуемо таяли, делая очевидным нарушение запрета. Но пожары все равно случались часто, и многим москвичам не раз приходилось отстраивать свои жилища заново. В Москве существовали особые лесные или лубяные торги, на которых можно было купить строительные материалы, целые срубы и даже готовые дома с окнами и крылечками.

Многие иностранцы отмечали нелюбовь москвичей к пешему хождению. Знатные и богатые люди передвигались по улицам верхами или в крытых экипажах, не имевшие же собственного выезда могли воспользоваться услугами извозчика. Извозчики стояли на перекрестках с санями или колымагами и за небольшую плату перевозили желающих, куда им нужно. Подобного явления тогда еще не было в Западной Европе.

КАК ИВАН ФЕДОРОВ УЧИЛСЯ ГРАМОТЕ

Сперва «аз» и «буки», а потом и науки.

Пословица

Иван Федоров был хорошо образованным — «книжным», как говорили в то время, человеком, имел обширные познания в области богословия и религиозной литературы, был знаком с западноевропейской культурой, владел латынью и греческим языком.

А начинал он свое образование, как и все — с освоения грамоты.

Грамотность на Руси издавна была распространена достаточно широко, причем грамотными были не только представители высших сословий, но и простой народ. В XVI веке среди посадских людей — городских ремесленников и торговцев грамотными были, по разным данным, от 25 до 40 процентов.

О том, насколько грамотным было в то время русское духовенство, имеются противоречивые свидетельства. Среди лиц высшего духовного звания встречались широкообразованные люди, мыслители и писатели, среди духовенства рядового — люди самого разного уровня культуры. В ряде документов рассказывается о крайнем невежестве некоторых, особенно провинциальных священников. Так, новгородский архиепископ Геннадий в начале XVI века сокрушался по поводу неграмотности местных претендентов «на поповство»: «А се приведут ко мне мужика, и яз велю ему Апостол дата чести, а он не умеет ни ступити, и яз ему велю Псалтырь дата, и он по тому едва бредет». Когда же архиепископ пытался заставить таких кандидатов в священники выучиться хотя бы начаткам грамоты, то они, «поучившись мало азбуке, да просятся прочь, а и не хотят ее учить».

Но все же большинство священников, особенно в крупных городах, были грамотными людьми, а духовенство московское, по мнению большинства исследователей, было грамотным поголовно. Так что отец Ивана Федорова, несомненно, знал грамоту и позаботился о том, чтобы приохотить к чтению сына.

Как и положено по приметам, на сороковой день после Покрова, в середине месяца грудня, или, как называют его ученые люди, новембрия, в Москве выпал снег.

Утром, когда над побелевшими крышами поднялось в морозной дымке по-зимнему светлое солнце, Ивашка с отцом вышли со двора и бодро зашагали вдоль по улице. Снег весело поскрипывал под их валенками.

— Батюшка, — спросил Ивашка, — а мы далеко ли идем?

— К дяде Дорофею, — ответил отец Федор.

— В гости?

— Нет, по делу.

Дядя Дорофей, давний приятель отца Федора, жил за Москвой-рекой. Он был мастером-доброписцем — переписывал книги на заказ и на продажу. Писал Дорофей красиво и быстро — за день мог переписать сто строк, написанное непременно перечитывал, и если находил ошибку, то всегда исправлял ее, выскабывая ножом и замазывая белилами, а не надеялся, как иные нерадивые писцы, что авось ошибки никто не заметит.

Отец Федор часто навещал приятеля и почти всегда брал с собой Ивашку.

Отец и сын перешли по льду через Москву-реку и, свернув в узкий переулок, подошли к дому Дорофея. Они старательно обмели валенки от снега стоявшим на крыльце веником, и отец Федор потянул дверь за кованую ухватную скобу.

Хозяин сидел за столом у окошка и усердно писал.

Увидев гостей, он отложил перо и потянулся, разминая уставшую спину.

Гости перекрестились на образа и поклонились хозяину.

— Прости, что отрываем тебя от трудов, — сказал отец Федор.

— Да я и сам хотел передохнуть, — ответил Дорофей. — Со вчерашнего вечера пишу, не разгибаясь. Игумен Спасо-Андрониева монастыря заказал Часослов и дал малый срок.

Отец Федор смущенно кашлянул:

— Монастырский заказ — это, конечно, первее всего. А мой-то заказ как же?

— Прости, отче, пришлось его пока отложить. Но ты не тревожься — ко дню святого Наума успею непременно. Тебе ведь раньше-то не надо?

Тут они почему-то посмотрели на Ивашку; а потом понимающе переглянулись между собой.

На обратном пути Ивашка спросил:

— Батюшка, а что дядя Дорофей должен был для тебя переписать?

Но отец сделал вид, что не расслышал Ивашкиного вопроса.

Прошло две недели. Накануне дня святого Наума морозным вечером, когда на дворе завывала вьюга, а от затянутого промасленной холстиной оконца тянуло холодом, Ивашка сидел за столом и при свете лучины, бережно переворачивая листы толстой, переплетенной в кожу книги, любовался узорными заставками и затейливыми буквицами. Книга называлась «Пчела». Читать Ивашка пока неумел, но знал, что на ее первой странице крупными, четкими буквами — отец называл такие буквы уставом — было выведено: «Я же, как пчела трудолюбивая, со всякого цвета писаного собрал в один сот». Рассказывалось в книге о самых разных вещах: о давних временах и дальних странах, об устройстве небесного свода и о Божьем величии, о святых праведниках и отважных героях.

Отец часто по вечерам читал эту или какую-нибудь другую книгу вслух, а Ивашка и матушка слушали. Но сегодня отец после ужина вдруг оделся и куда-то ушел, сказав, что скоро вернется, и чтобы Ивашка не ложился спать, его не дождавшись.

Ивашка вопросительно посмотрел на матушку, но она только покачала головой и сказала:

— Сама не ведаю, куда это отец собрался на ночь глядя.

Ждать пришлось недолго. Вскоре за дверью заскрипел снег под отцовскими валенками и отец вошел в избу. Был он чем-то доволен и улыбался в заиндевевшую на морозе бороду.

Расстегнув тулуп, отец достал из-за пазухи сверток, увязанный в красный платок, и протянул Ивашке:

— Вот тебе, сын, подарок.

Ивашка развернул платок и увидел небольшую книжицу в коричневом кожаном переплете.

— Это Азбука, — торжественно сказал отец. — С завтрашнего дня начнешь учиться грамоте.

На Руси по давней традиции учить детей грамоте начинали 1 декабря — в день памяти святого пророка Наума, которого в народе называли «Наум-грамотник». Пророка Наума считали покровителем учения, благодаря сходству звучания его имени с выражением «наставить на ум». Наиболее подходящим возрастом для начала обучения грамоте считался семилетний.

Будучи сыном священника, Иван Федоров мог постигать премудрости грамоты дома под руководством отца, но мог ходить и в школу с другими

посадскими ребятами.

Начальные школы существовали во многих русских городах. На это есть прямое указание в документе середины XVI века: «А преж сего в Российском царстве и на Москве <...> и по иным градам многие училища бывали, грамоте и писати, и пети, и чести гораздых много было».

Школы устраивались при церквях. Учителями иногда назначались священники, но чаще низшие церковные служители — дьяконы, дьячки, пономари. Чтобы заняться учительской деятельностью, требовалось получить разрешение от церковного начальства. Такое разрешение давалось после экзамена, который устраивался будущему учителю на предмет его познаний. Кроме того, надежные поручители должны были засвидетельствовать, что он человек добрых нравов и хорошего поведения. Особо оговаривалось, что учитель должен не только сам быть грамотен, но и обладать способностью учить — «могущи других пользовати». Учительский труд приравнялся к ремеслу, учителя называли «мастер грамоты».

Школа располагалась в доме учителя или в специально построенной школьной избе. В школу принимались «малые ребята» без различия сословий. В одном старинном наставлении родителям (известном, правда, из несколько более позднего, относящегося к XVII веку источника) содержится пространное рассуждение о пользе обучения «прехитрой словесности» и обращение к читателям от лица самой Мудрости: «Сего ради присно глаголю и глаголя не престану людям благочестивым во слышание, всякого чина же и сана, славным и худородным, богатым и убогим, даже и до последних земледельцев».

Обучение грамоте проходило по определенным этапам, строго следующим один за другим. Самым сложным был начальный этап, который называли «словесным учением» — запоминание букв и освоение навыков чтения. Первое учебное пособие — простейшая азбука — представляло собой перечень букв в алфавитном порядке. В отличие от современного способа обучения, учитель не разъяснял ученикам, что каждая буква обозначает определенный звук, а требовал заучивать наизусть славянские названия букв: «аз», «буки», «веди» и т. д.

Затем переходили к «складам» — отдельным слогам, которые тоже учили наизусть. Конечно, для семилетнего ребенка было отнюдь не простым делом сопоставить на слух название букв и звучание составленных из них слогов, уразуметь и запомнить, что «буки-аз» — будет «ба», «буки-есть» — «бе», «буки-он» — «бо» и так далее до конца алфавита. Еще труднее давались ученикам слоги, состоящие из трех и

четырех букв: «ведирцы-аз» — «вра», «глаголь-рцы-аз» — «гра» и тоже до конца алфавита. Склады учили вслух — громко и нараспев произнося их бесчисленное количество раз, эта особенность учебного процесса описана в поговорке: «Азбуку учат — на всю избу кричат». Из складов составлялись слова. В одном из старинных трактатов приводится такой пример: «Какое будете читать слово славлю. Первое сложи три письмена “слово”, “люди”, “аз” и, отдохнув, рцы (то есть говори) слог “ела”; тако же слагай “веди”, “люди”, “ю”, и, отдохнув, рцы слог “влю”. По сему глаголи все речение купно: “славлю”, тако и прочая по сему учи».

С давних времен сохранились поговорки, сложенные учениками, приходящими в отчаяние от такой «прехитрой словесности»: «Аз и буки — великие муки», «Буки и веде — страшнее медведя».

Но вот буквы и склады благополучно освоены, и ученик переходит к «толковой Азбуке», состоящей из расположенных в алфавитном порядке изречений, относящихся к сюжетам Священного Писания, рассуждений морально-нравственного характера, похвальных слов грамоте, например, «Аз есмь всему миру свет» — на букву «а», «Бог есмь прежде всех век» — на букву «б» и т. д. Учебная программа не была связана с какими-то определенными сроками. Время обучения зависело от способностей и усердия ученика, но, как правило, освоение Азбуки занимало не меньше года.

После Азбуки ученик переходил к чтению следующей книги — Псалтыри — сборника церковных песнопений-псалмов. Здесь ученик мог применить на практике полученные навыки чтения. Читали вслух, причем учитель обращал внимание уже не только на знание букв, но и на выразительность чтения. В старинном руководстве говорилось, что читать Псалтырь следует «...чисто, звонко, ровным голосом, ни высоко, ни низко, не слабети словом, ни на силу кричати, ни тихо (медленно), ни борзо (быстро)». Тексты Псалтыри прочитывались по многу раз, так что, в конце концов, книга заучивалась наизусть, после чего можно было приступить к чтению Часовника — богослужебной книги, предназначенной для церковной службы, приуроченной к определенным часам.

Учитель получал плату от родителей ученика не за время, потраченное на обучение, а за каждую освоенную им книгу: за Азбуку, за Псалтырь, за Часовник. Завершение каждой из книг по традиции отмечалось особым обрядом. Ученик приходил в школу с отцом, который приносил плату учителю и горшок каши для учеников. Они все вместе съедали кашу (отсюда происходит слово «однокашники»), а пустой горшок торжественно разбивали на школьном дворе.

Многие, выучившись читать, считали свое образование законченным и покидали школу. Но некоторые продолжали учение и, кроме умения читать, осваивали умение писать. Покровителем письма считался святой Иоанн Богослов, день памяти которого отмечался 26 сентября по старому стилю. При начале обучения произносили молитву, обращенную к Иоанну Богослову:

Вразуми мя и научи добре писати
Я ко же оного гусаря на песке образ твой изображати.

Упомянутый в молитве «гусарь» (то есть гусиный пастух) — персонаж религиозной легенды, согласно которой в давние времена в одном городе жил бедный юноша, пасший гусей. Каждое утро он гонял свое стадо за город, проходя через городские ворота. На воротах была установлена икона святого Иоанна Богослова, юноша задумал ее списать и стал упражняться, рисуя на песке. Иоанн Богослов, видя усердие гусаря, явился к нему в виде старца и дал письмо к прославленному иконописцу в Константинополь, который взял его к себе в ученики. Юноша стал искусным иконописцем, а Иоанна Богослова стали почитать как покровителя иконописцев и учащихся писать, поскольку письмо в те времена было искусством и требовало не только знания грамоты, но и умения рисовать.

Известна и еще одна молитва-заклинание при начале обучения письму: «Господи, помоги рабу Твоему такому-то научиться писати, рука бы ему крепка, око бы ему светло, ум бы его остер, писать бы ему златом».

Пособием для обучения письму была Скорописная азбука — прописи. Скорописные азбуки бытовали не в виде книг, а в виде столбцов — свитков, склеенных из нескольких листов. В них приводились образцы прописных и строчных букв — от крупных до самых мелких, написанных разными почерками. Каждый ряд букв начинался вычурной, декоративной заглавной буквой — буквицей, такие буквицы украшались растительными орнаментами, могли представлять собой стилизованные изображения людей и животных. Ученик усердно копировал прописи, доводя навык до автоматизма.

Научившись писать отдельные буквы, писали склады и отдельные слова, а затем приступали к переписыванию тренировочных текстов. В Скорописной азбуке, как и в азбуке, предназначенной для обучения чтению, помещались в алфавитном порядке различные душеполезные изречения, например: «Храни свечу свою от ветра, сиречь душу от лености»; «Не ищи,

человече, мудрости, ищи прежде кротости, аще обрящеши кротость, тогда познаешь и мудрость»; «Не тот милостив, кто всегда милостыню творит, тот милостив, кто никого не обидит и зла за зло никому не воздает». Встречались и изречения, имеющие непосредственное отношение к процессу учебы: «Аще кто хочет много знати, тому подобает мало спати, а мастеру угождати»; «Виноград зелен несладок, млад человек умом некрепок»; «Человек мудр, а не книжен — аки птица без крыл, не может мудра и тверда разума имети». Часто и азбуки для чтения, и азбуки-прописи составлял сам учитель, стараясь, чтобы обучение чтению и письму одновременно способствовало и воспитанию ученика. Известный историк, знаток средневекового русского быта И. Е. Забелин писал: «Вообще нужно заметить, что состав древних *скорписей*, или *прописей*, был весьма разнообразен и зависел от усмотрения своего составителя; что ему было любо, то самое он и вносил в свою азбуку-пропись».

Следующим этапом обучения после чтения и письма было церковное пение. Поскольку Иван Федоров впоследствии служил дьяконом, он должен был обладать звучным голосом и владеть певческим искусством.

Обучением чтению, письму и церковному пению исчерпывалась программа средневековой русской школы. Однако известно много учебных пособий XVI века по самым разным предметам: «Грамматики», «Цифирная счетная мудрость», «Хронографы», «Космографии». Судя по этим пособиям, можно предположить, что кроме начальных школ на Руси существовали училища, обучение в которых включало в себя грамматику, арифметику, начатки истории и географии. Путешественник Иоанн Фабр в книге «Религия Московитов», изданной в Тюбингене в 1525 году, писал, что в России имеются немногочисленные училища, где сыновья знатных родителей изучают свободные науки на русском языке, а желающие могут освоить и иностранные языки, преимущественно греческий.

В источниках XVII века сохранились стихотворные и прозаические наставления ученикам, очень живо и подробно описывающие школьный быт и распорядок дня тогдашних школьников. Можно предположить, что эти описания верны и для школьных лет Ивана Федорова.

Итак, школьник просыпается ранним утром и следует (или и не думает следовать) такому наставлению:

В доме своем, от сна восстав, умойся,
Прилунившимся плата краем добре утрися,
В поклонении святым образам продолжися,
Отцу и матери низко поклонися,

В школу тщательно иди
И товарища своего веди,
В школу с молитвой входи.

Занятия начинались в семь часов утра. Войдя в школьную избу, ученик кланялся учителю и всем ученикам — «школьной дружине», клал свою шапку на специальную общую полку — «грядку» и усаживался рядом со своими товарищами. Учеников в школе могло быть от пяти до тридцати человек в возрасте от семи до шестнадцати лет. Разделения на классы не было, все сидели вместе, за одним длинным столом, во главе которого сидел учитель.

Урок, как и в наше время, делился на две части: опрос и объяснение нового материала. Ученики по очереди подходили к учителю и отвечали то, что выучили дома, нерадивым ученикам учитель приказывал «сказывать» урок, стоя на коленях. (Этот момент запечатлен на многих средневековых миниатюрах, изображающих школу.) Перед тем как приступить к изучению нового материала, ученики совершали молитву: «Господи, Иисусе Христе Боже наш, содетелью всякой твари, вразуми мя и научи книжного писания и сим увем хотения Твоя, яко да славлю Тя во веки веков, аминь!»

Конечно, огромная роль в процессе обучения принадлежала книгам. Но книги в то время были большой ценностью, поэтому очень немногие ученики имели собственную Азбуку или Псалтырь. Чаще книги были школьными, хранились у учителя и выдавались ученикам лишь на время урока. Раздавал книги староста из числа старших учеников, он же собирал их по окончании урока. В Наставлении школьникам особое внимание уделяется бережному отношению к книгам:

Книги ваши добре храните
И опасно (то есть осторожно. — *Т. М.*) на место кладите.
... Книгу замкнув, печатью к высоте полагай Указательного же
древца (то есть указки. — *Т. М.*) в нею отнюдь не влагай...
Книги к старосте в соблюдение со молитвой приносите,
Тако же заутро принимая, с поклонением относите...
Книги свои не вельми разгибайте
И листов в них тож не пригибайте...
Книг на седалищном месте не оставляйте,
Но на уготованном столе добре поставляйте...
Книг аще кто не бережет,

Таковый души своей не бережет...

В полдень ученики уходили домой обедать, в два часа пополудни возвращались в школу и учились до вечера. Сигналом об окончании уроков был колокольный звон ближайшей церкви, созывающий на вечернюю службу. По окончании занятий назначенные старостой «дежурные» должны были навести порядок в школьной избе:

Сосуды воды свежая в школу приносите,
Лохань же со стоялой водой вон износите,

(Здесь имеется в виду посудина с водой, которая подставлялась под освещавшую помещение лучину, чтобы упавший с нее уголек не наделал пожара.)

Стол и лавки чисто моются,
Да приходящим в школу не гнусно видятся
Сим бо познается ваша личная лепота
Аще у вас будет школьная чистота.

Как и в наши дни, тяжелой обязанностью учителя было поддержание в школе дисциплины. Учитель следил, чтобы ученики не толкались, не обзывались: «Не потесняй ближнего своего, и не называй прозвищем товарища своего», не озорничали, возвращаясь из школы домой: «Егда же учитель отпустит вас, <...> со всем смирением до дому идите: шуток и кощунств, пхания же друг друга, и биения, и резвого бегания, и камневержения и всяких подобных детских глумлений, да не водворится в вас».

За лень и провинности учеников наказывали, причем самым действенным педагогическим инструментом считалась розга. Популярны были такие изречения: «Розга ум вострит, память возбуждает», «Благослови Боже, оные леса, иже розги родят на долгие времена» и т. п. Лавку, на которой производилась порка, ученики называли «козлом». «Взойти на козла» означало — подвергнуться порке. Однако, при всем уважении к розге, тогдашние педагоги понимали, что она действительна далеко не всегда. Так, с отстающими не по лености, а по отсутствию

способностей учениками учитель занимался дополнительно, советовал им больше молиться и приводил в пример святых подвижников Сергия Радонежского и Александра Свирского, которым учение тоже поначалу давалось очень трудно. Многие учителя считали, что учить детей следует «не яростью, не жестокостью, не гневом, но... любовным обычаем, и сладким поучением, и ласковым утешением».

Неизвестно, как проходили школьные годы будущего первопечатника. Был ли он примерным учеником, в конце концов, назначенным в старосты? Или озорником, часто «восходившим на козла»?

Но в любом случае начальную школьную науку он освоил и захотел учиться дальше.

КАКИЕ КНИГИ МОГ ЧИТАТЬ ИВАН ФЕДОРОВ

Книги — суть реки, напояющие вселенную, ибо они — источники мудрости, в них неисчетная глубина, ими мы в печали утешаемся.

Лаврентьевская летопись

Выучившись грамоте, Иван Федоров окунулся в чудесный источник неизмеримой глубины и притягательности — он начал читать книги.

Поскольку мы знаем, что вся жизнь Ивана Федорова была посвящена книжному делу, не будет большой вольностью предположить, что чтение для него было не просто препровождением времени, а событием, и что он принадлежал к тем людям, для которых прочитанные книги, особенно в детстве и юности, становятся судьбоносными вехами в воспитании ума и чувства.

Какие же книги читал Иван Федоров, будучи отроком и юношей?

Мы можем представить себе круг его чтения, исходя из сведений о литературных произведениях — русских и переводных, — наиболее распространенных в России в первой половине XVI века. Известный историк книги А. А. Бахтияров в одном из своих трудов, изданном в конце XIX века, писал: «Читали: 1) Священное Писание, 2) книги богослужебные Часослов и Псалтырь, 3) разные летописи, 4) всевозможные “жития”, из коих особенно назидательны те, где описываются подвиги святых, подвизавшихся в северных странах: тут им приходилось вступать в борьбу с самою, почти первобытною природою <...>, 5) повести и сказки». К этому перечню можно добавить «Хронографы» — сочинения исторического характера, «Хождения» — описания путешествий, «Физиологи» и «Шестодневы» — книги, содержащие в себе естественно-научные сведения.

Как видим, круг чтения молодого Ивана Федорова мог быть достаточно разнообразным и обширным. Попробуем, хотя бы вкратце, познакомиться с этими книгами.

Как и всякий образованный человек эпохи Средневековья, Иван Федоров читал и перечитывал свод книг, составляющий Священное

Писание — Библию. Полная Библия делится на две части — Ветхий и Новый Завет. Ветхий Завет включает в себя 39 книг, возникших до Рождества Христова и повествующих о «ветхих», то есть давних, временах, предшествующих христианству, Новый Завет состоит из 27 книг, в число которых входят четыре Евангелия, рассказывающие о жизни Иисуса Христа и возникновении христианства, а также сочинения, в которых излагаются основы христианского учения.

Будучи человеком религиозным, Иван Федоров, конечно, воспринимал Библию как Священное Писание, явленное людям по откровению Святого Духа. Но при этом не мог не осознавать, как много в ней по-человечески познавательного, занимательного, трогательного или ужасающего, наводящего на размышления и поэтичного. Библия, как доказали современные ученые и с чем согласились большинство современных богословов, складывалась на протяжении более чем тысячелетия — древнейшие части Ветхого Завета относятся к XII веку до нашей эры, Новый Завет создавался в первые века нашей эры. Библия включает в себя тексты самого разного характера: мифы многих народов, обитавших в древние времена на Ближнем Востоке — иудеев, финикийцев, вавилонян и других, исторические предания, фрагменты хроник, законодательные предписания, религиозно-философские сочинения, нравоучительные притчи, ритуальные песни.

Как и всякого средневекового читателя, воображение Ивана Федорова потрясали картины творения мира и создания прародителей человечества — Адама и Евы, рассказ о их жизни в раю и изгнании в земную юдоль, о Всемирном потопе, едва не уничтожившем все живое на земле, и о чудесном спасении праведника Ноя, от которого вновь возродился человеческий род. С захватывающим интересом Иван Федоров — подросток и юноша — читал изобилующие увлекательными приключениями истории жизни ветхозаветных персонажей: чистого сердцем и по-житейски рассудительного Иосифа, буруемого страстями царя Давида, мудрого царя Соломона.

Царю Соломону приписывается сочинение значительной части библейских текстов. Одна из книг Библии — «Соломоновы притчи» — была излюбленным чтением в Средние века и наверняка была хорошо известна Ивану Федорову. Эта книга написана в виде наставлений, которые отец дает сыну. Умудренный опытом старец внушает юноше, вступающему в жизнь: «Отвергни от себя лживость уст, и лукавство языка удали от себя. Глаза твои пусть прямо смотрят, и ресницы твои да направлены будут прямо перед тобою. Обдумай стезю для ноги твоей, и все пути твои да

будут тверды». Наставления отца охватывают не только общеморальные принципы, но и поведение в обыденной жизни: «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою»; «Не отказывай в благодеянии нуждающемуся, когда рука твоя в силе сделать его. Не говори другу твоему: “пойди и приди опять, и завтра дам”, когда ты имеешь при себе». Многие из этих поучений напоминают народные пословицы, выразительные и меткие: «Труды праведного — к жизни, успех нечестивого — ко греху»; «Все дни несчастного печальны, а у кого сердце весело, у того всегда пир»; «Толки глупого в ступе вместе с зерном, не отделится от него глупость его»; «Что золотое кольцо в носу у свиньи, то женщина красивая — и безрассудная».

Совершенно особое место в Библии занимает также приписываемая царю Соломону книга «Песнь песней» — сборник стихов, посвященных любви царя Соломона к простой девушке Суламите (Суламифи). «Песнь песней» написана то от лица Соломона, то — Суламиты, то — как диалог влюбленных:

Что лилия между тернами,
то возлюбленная моя между девицами.
Что яблоня между лесными деревьями,
то возлюбленный мой между юношами. <...>
Положи меня, как печать, на сердце свое, как перстень
на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь...

Царь Соломон также считается автором книги «Екклесиаст» («Проповедник»), основное содержание которой — философское осмысление различных сторон жизни. «И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их, и вот все суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем! Сердце мое видело много мудрости и знания, <...> но <...> и это — томление духа. Потому что в многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь». Эти пессимистические строки о тщете знания должны были пробудить мучительные сомнения и вызвать множество вопросов в душе Ивана Федорова — будущего просветителя.

В эпоху Средневековья все библейские тексты редко собирались в одну книгу. Первая полная Библия на церковнославянском языке была

составлена и переписана только в конце XV века в Новгороде по инициативе новгородского архиепископа Геннадия Гонозова (ее называют Геннадиевской Библией), объем которой насчитывает 1007 листов большого формата, а ее факсимильное издание, предпринятое в конце XX века, составило десять томов. В обиходе средневекового читателя гораздо чаще встречались отдельные части Библии в виде самостоятельных книг: Псалтырь, Евангелие, Апостол и др. Именно в таком виде должен был познакомиться с Библией и Иван Федоров.

Наряду с каноническими книгами широко бытовали апокрифы — сказания на религиозные сюжеты, официально не входящие в состав Священного Писания. Многие апокрифы по своему строю близки к фольклорным произведениям, канонические сюжеты в них расцвечены яркой народной фантазией, полны метких житейских наблюдений, поэтому они вызывали особый интерес у читателя, особенно юного. Отношение официальной церкви к апокрифам было сложное. В первые века христианства апокрифами называли сочинения, дополняющие Священное Писание и рассчитанные на узкий круг ученых-богословов. Однако со временем, когда начали возникать различные ереси и некоторые апокрифы стали использоваться для критики канонических текстов, церковь объявила часть апокрифов «ложными», или «отреченными», книгами, другая же часть, не противоречащая канону, допускалась к использованию. Тем не менее четкого разграничения между ложными и «допускаемыми» апокрифами не было, различные церковные деятели часто относили один и тот же апокриф то к той, то к другой группе.

Рядовые читатели такими вопросами вообще не задавались, и, несомненно, Иван Федоров в детстве и юности с удовольствием читал апокрифические сочинения, воспринимая их здоровую народную мораль, восхищаясь занимательностью сюжета и поэтичностью изложения.

Например, о сотворении человека в Библии сказано одной фразой: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою». В апокрифе же этот эпизод развернут в красочное, изобилующее неожиданными сюжетными поворотами повествование. В нем рассказывается, как взял Господь Бог от земли — плоть, от камня — кости, от моря — кровь и сотворил человека. Затем пошел к солнцу, чтобы дало оно Божьему творению зрячие очи. Остался человек один лежать на земле. Тут явился окаянный сатана и загадил его своими нечистотами. Воротился Господь, проклял сатану, соскреб с человека сатанинскую пакость, стал человек опять чистым, как зеркало. А из нечистот сотворил Бог собаку и велел ей охранять человека.

Снова отлучился Господь, чтобы взять для человека от ветра — дыхание, от облака — мысли. В это время опять пришел сатана, но собака залаяла, и сатана не решился подойти к человеку близко. Тогда взял сатана длинную палку и истыкал ею все тело человека, сотворив в нем семьдесят недугов. Пришел Господь, увидел, как навредил сатана его творению, и воскликнул: «Проклятый сатана! Зачем вложил ты в человека недуги?» Хитрый сатана ответил: «Здоровый человек и не вспомнит про Бога, а если станет хворать, часто будет просить Божьей помощи». Затем послал Бог ангела со всех четырех сторон света принести буквы: аз, добро, аз, мыслете, составляющие имя, и стал человек прозываться — Адам. Семь дней пробыл Адам в раю — и в память этих семи дней назначено человеку жизни семь десятков лет, а свыше — по Божьему соизволению; миру же — семь тысяч лет существования, а восьмой тысяче не будет конца...

Особой любовью на Руси пользовался апокриф «Хождение Богородицы по мукам». В народном сознании Богородица всегда представляла как милосердная заступница за людей перед Богом, жалеющая всех, даже грешников, мучающихся в аду. В апокрифе рассказывается, как однажды Богородица захотела своими глазами увидеть ад, раскрылись перед ней адские двери, и Архангел Михаил с ангелами повели ее по преисподней — с юга до севера, с запада до востока. Увидала Богородица адские муки, услышала вопли и стоны, залилась горячими слезами и сказала: «Тяжко грешникам! Лучше бы им не родиться на свет». Грешники же, увидев ее светлый лик, воскликнули: «Как случилось, что ты посетила нас? Сын твой благодатный, придя на землю, не спросил о нас, ни Авраам — прадед, ни Моисей — пророк, ни Иоанн-креститель, ни апостол Павел — никто нас не вспомнил, а ты — заступница, плачешь о нас». Еще горше заплакала Богородица и стала просить Михаила Архангела пустить ее мучиться вместе с грешниками, потому что все они зовутся детьми сына ее. Но Михаил Архангел ответил, что ей должно пребывать не в аду, а в раю.

Тогда отправилась Богородица на небеса, к престолу невидимого Бога и стала молить его помиловать грешников, ибо невыносимы их муки. И так горяча была ее мольба, что присоединились к ней и Михаил Архангел, и пророк Моисей, и евангелист Иоанн, и апостол Павел, и все силы небесные. Сначала Бог был неумолим и сурово отвечал, что грешники заслужили свою участь. Но, в конце концов, повелел сыну своему Иисусу Христу, ради слез и молений Богородицы, дать грешникам послабление. С той поры каждый год от Великого поста до Пятидесятницы — восемь недель — грешники в аду не мучаются, а отдыхают от мук.

О хождении Богородицы по мукам Иван Федоров мог не только

читать, но и слышать духовные стихи, в исполнении благочестивых певцов-странников — калик перехожих.

Некоторые апокрифы объединяют в себе религиозные и сказочные мотивы. Так, героями «Сказания о Соломоне и Китоврасе» являются библейский царь Соломон и сказочный получеловек-полуконь Китоврас.

Однажды премудрый царь Соломон задумал построить в городе Иерусалиме храм небывалой красоты и величия. По царскому приказу заготовили огромное количество камней, но вдруг оказалось, что камни эти невозможно обтесать никакими обычными инструментами. Опечалился премудрый царь, но вскоре стало ему известно, что в далекой пустыне живет Китоврас — наполовину человек, наполовину конь. И этот Китоврас может указать, из чего изготовить инструмент, тверже которого нет ничего в мире. Отправил Царь в пустыню своих слуг, приказав им силой или хитростью доставить к нему Китовраса. Царские посланцы тайком наполнили колодец, из которого пил Китоврас, вином и, когда захмелевший получеловек-полуконь крепко уснул, надели ему на шею цепь, на которой было написано заклятие во имя Божье. Китоврас, хоть и обладал великою силой, не мог не подчиниться заклятию. Взялся главный царский слуга за конец цепи и повел Китовраса в город. Шел плененный Китоврас гордой поступью, а царские слуги расчищали перед ним дорогу, снося всё, встававшее на его пути, потому что знали — Китоврас по своей природе ходит только прямо и не может обходить препятствия. Но вот оказался перед Китоврасом дом бедной вдовы. Царские слуги хотели немедленно разрушить лачугу, но вдова взмолилась, чтобы ее не лишали крова. Пожалел Китоврас вдову и, не сходя с прямого пути, изогнулся так, что не задел даже угла бедняцкого дома.

Наконец предстал Китоврас перед премудрым царем Соломоном. Гневно сказал плененный своему пленителю: «Бог дал тебе во владение всю вселенную, но тебе показалось этого мало — ты захватил еще и меня». На что премудрый царь Соломон кротко ответил: «Не для своей потребности велел я тебя привести, а по повелению Господню, потому что без твоего совета не добыть мне инструмент для обтесывания камней и не построить храм в Иерусалиме». Тогда Китоврас поведал премудрому царю, что далеко за морем живет птица-когот, которая владеет камнем-шамиром — алмазом, тверже которого нет ничего на свете, и научил, как этот камень добыть. По совету Китовраса отправились царские слуги за море, отыскивали гнездо птицы-когот, дождались, когда та полетит за кормом для своих птенцов, и закрыли гнездо стеклом. Вернулась птица-когот, а в гнездо попасть не может. Покружилась над гнездом и улетела, а вскоре вернулась, держа в

клюве камень-шамир. Стала она резать камнем-шамиром стекло. Но тут царские слуги ее вспугнули. Уронила птица чудесный камень, а царские слуги подобрали его и отнесли премудрому царю Соломону. Повелел царь изготовить из камня-шамира тесло для обтесывания камней и построил в Иерусалиме храм небывалой красоты и величия...

В круг чтения средневекового читателя непременно входили жития святых. Часть их была переводной с греческого языка — жития Николая Чудотворца, Иоанна Златоуста, Алексия — человека Божия и другие, но были и жития русских святых, написанные русскими авторами. К числу древнейших относятся жития Бориса и Глеба — самых первых русских святых.

Борис и Глеб были братьями, младшими сыновьями великого князя Владимира, крестителя Руси. Владимир любил их больше других своих сыновей и завещал Борису свой престол. Старший сын Владимира, Святополк, сам рассчитывавший после смерти отца стать великим князем, подослал к Борису убийц. Борис знал о грозящей ему опасности, у него была верная дружина, готовая встать на его защиту, но он не захотел начинать войну с родным братом и смиренно принял смерть. Глеб в это время находился в городе Муроме, Святополк обманом зазвал его в Киев и также приказал убить. За свою кротость и незлобивость Борис и Глеб были причислены к лику святых.

Популярны были жития таких замечательных в нашей истории личностей, как Александр Невский, Сергей Радонежский, эти жития рассказывали о недавнем героическом прошлом, пробуждая в читателе не только религиозные, но и патриотические чувства, вызывая интерес к истории.

Наверняка читал Иван Федоров и собственно исторические сочинения. На Руси были хорошо известны различные «Хроники», составленные в Византии. Особой популярностью пользовалась Хроника ученого византийского монаха Георгия Амартола, в которой излагалась история человечества от Сотворения мира и до середины IX века, и сокращенный вариант этой хроники — «Хронограф по великому изложению», в который были включены и отдельные сведения из русской истории.

Вообще же русскую историю Иван Федоров узнавал из летописей и таких исторических повествований, как «Слово о полку Игореве», «Сказание о разорении Рязани Батыем», «Сказание о Мамаевом побоище» и др. Эти сказания были не только познавательным чтением, но, будучи замечательными образцами искусства слова, дарили читателю величайшее эстетическое наслаждение. Читая «Сказание о гибели Русской земли»,

Иван Федоров не мог не восхищаться красотой слов, которые потом не раз называли «жемчужными»: «О, светло светлая, украсно украшенная земля Русская! Многими красотами приудивлена: озерами многими, реками и источниками, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми... Всего ты преисполнена, земля Русская!»

Могли входить в круг чтения Ивана Федорова и естественно-научные сочинения. Прежде всего это были «Шестоднев» и «Физиолог». В «Шестодневе» рассказывается о шести днях творения мира, в «Физиологе» содержатся сведения о животных, камнях и деревьях. Впрочем, в них представлена достаточно фантастическая, чисто средневековая картина мира. Все природные явления в этих книгах истолковываются как аллегории различных христианских понятий. Например, в «Физиологе» говорится, что детеныши льва якобы рождаются лишенными жизни и слепыми, но на третий день лев дует им в ноздри, и они оживают и прозревают. Так и люди: до крещения они мертвы, после же крещения просвещаются святым духом. Наряду с реальными животными в «Физиологе» описаны и фантастические — птица феникс, единорог и др.

Географические сведения Иван Федоров черпал из «Христианской топографии» — сочинения Козьмы Индикоплова (прозвание его означает «плававший в Индию»). Козьма жил в VI веке в Александрии, был купцом и совершил несколько путешествий на Восток, а затем принял монашество и остаток жизни посвятил описанию строения мира. В своей книге он излагает господствовавшую в то время теорию строения вселенной: земля представляет собой прямоугольную плоскость, длина которой вдвое больше ширины, ее со всех сторон омывает океан, а за океаном находится другая земля — райская. Края райской земли поднимаются и закругляются, образуя небесный свод, на нем укреплены солнце, луна и звезды, которыми управляют специально приставленные к ним ангелы. Те же ангелы собирают в трубы воду из океана и проливают ее на землю в виде дождя. Такая картина мира казалась средневековому читателю стройной и правдоподобной, но особенно пытливый ум мог извлечь из книги Козьмы Индикоплова и пищу для сомнений и размышлений, поскольку параллельно, в качестве ложных представлений автор излагал учение Птолемея о шарообразности земли.

Географические и этнографические сведения содержались и в описании путешествий, этот литературный жанр на Руси называли «Хождениями». Хорошо были известны книги «Хождение игумена Даниила», совершившего паломничество в Палестину в начале XII века, «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, во второй

половине XV века побывавшего в Персии и Индии.

Во времена Ивана Федорова существовала и литература, которую мы сейчас назвали бы художественной. Одним из самых популярных произведений этого жанра, которым зачитывались и в Европе, и на Руси, была «Александрия» — повесть, посвященная приключениям Александра Македонского. Сказания об Александре Македонском возникли во II–III веках в Александрии, позже проникли в Западную Европу, а в XI–XII веках попали на Русь.

Однако в повести от реального исторического персонажа были взяты только имя и отдельные эпизоды биографии. В целом же — это увлекательный вымысел, держащий читателя в постоянном напряжении, как и должно быть в произведении приключенческого жанра.

...Царствовал некогда в Египте царь-колдун Нектанеб. Воевал он со многими народами и всегда побеждал. Но вот напали на Египет полчища воинственных персов. Обратился царь к гадалеям, и те сказали, что военное счастье отвернулось от Нектанеба и Египет будет захвачен врагами. Нектанеб ужаснулся грозному пророчеству и бежал из родной страны. Египтяне, покинутые царем, впали в отчаяние. Но бог египтян — Серапис велел им не отчаиваться, а ждать: пройдет время, и царь, обретя новую юность, вернется, чтобы освободить Египет.

Нектанеб нашел приют в Македонской земле. Там правил царь Филипп. Была у него жена — прекрасная царица Олимпиада. Но брак их был бесплоден, и царица опасалась, что муж отошлет ее от себя и возьмет другую жену. Узнав, что в Македонию прибыл египетский царь-колдун, Олимпиада обратилась к нему за помощью. Нектанеб, прельщенный красотой царицы, внушил ей, что она должна соединиться с богом солнца Амоном, и под видом Амона явился к ней сам. Царица зачала и в положенный срок родила сына, у которого были львиная грива и зубы змеи. Ребенка назвали Александром, и царь Филипп стал воспитывать его, как своего наследника. К Александру приставили лучших учителей, которые обучили его разным наукам и искусствам: музыке, геометрии, астрономии и многим другим наукам. Философию ему преподавал знаменитый греческий ученый Аристотель. Царевич отличался также силой и отвагой. В пятнадцатилетнем возрасте он укротил и подчинил себе свирепое чудовище — коня с воловьей головой, пожиравшего людей, одержал победу над воинственным арканским царем.

После смерти царя Филиппа Александр вступил на македонский престол. Но его влекли воинские подвиги, и он отправился завоевывать мир. Во время своих походов повстречались ему различные чудеса:

великаны, птицы, говорящие на человеческом языке, и т. п.

Наконец он попал в Египет. В Мемфисе, где была воздвигнута статуя его настоящего отца Нектанеба, египтяне, видя сходство Александра со своим прежним царем и вспомнив пророчество, признали его новым Нектанебом. Александр построил в Египетской земле большой и красивый город, назвав его своим именем — Александрия. Александр объявил войну персам, чтобы освободить Египет от их владычества. В кровопролитной битве он разбил войско персидского царя Дария, сам Дарий обратился в бегство, его мать, жена и дети попали в плен к Александру. Но Дарий, собрав новое войско, снова выступил против Александра и снова потерпел поражение. Тогда двое изменников-персов, желая заслужить милость Александра, убили Дария. Умирая, персидский царь призвал к себе Александра, простился с ним и предостерег, чтобы тот не обольщался своим счастьем, как некогда обольщался он сам, а помнил, что удача рано или поздно непременно изменит. Он поручил заботам благородного противника своих жену и мать, а дочь — прекрасную Роксану отдал ему в жены.

Александр, жаждущий новых побед, отправляется в Индию и побеждает в единоборстве индийского царя Пора. В Индии он встречается с мудрыми жрецами-рахманами, с которыми беседует о жизни и смерти, о человеческом уделе. Александр говорит, что отказался бы от ратных дел, но к ним понуждает его нрав. И если бы у всех людей нрав был одинаков, то в мире не было бы никакого движения. Затем Александр оказывается в стране амазонок, доходит до Черного моря, где видит людей с песьими головами и совсем безголовых, у которых глаза и рот расположены на груди. После этого он попадает в Вавилон, и там ему является знамение, что жизнь его подошла к концу. И действительно, вскоре на пиру один из врагов Александра отравил его ядом. Чувствуя, что умирает, Александр приказал поставить свое ложе на возвышенности и чтобы мимо прошли все его войска. Тут в небе показалась необычная звезда, а рядом с ней — парящий орел. И Александр умер. Его погребли в Александрии, и было ему в момент кончины 32 года...

Не менее увлекательным чтением была византийская повесть «Девгениево деяние», переведенная на русский язык в XII–XIII веках.

...В Византии жила некая благочестивая вдова-христианка знатного рода. Было у нее трое сыновей и одна дочь, отличавшаяся дивной красотой. Царь Сарацинской земли, язычник Амир, прослышав о ее красоте, вторгся со своим войском в пределы Византии и увез девушку. Братья пустились в погоню за похитителем, нагнали его и хотели убить, но похищенная

красавица заверила братьев, что Амир обращался с нею с великим почтением и не причинил ей никакой обиды и, если он примет крещение, она с радостью станет его женой. Царь Амир окрестился, женился на красавице и поселился с женой на ее родине.

Вскоре у них родился сын, которому дали имя Девгений. Был он лицом бел как снег, румян как маков цвет, глаза его были подобны огромным чашам, а волосы — чистому золоту. Отец подарил Девгению коня белой масти, в гриву которого были вплетены бубенцы, звенящие так мелодично, что услышавший их забывал обо всем на свете. По четырнадцатому году Девгений начал ездить на охоту на всякого зверя, не уступая силой и ловкостью взрослым охотникам. Начал юноша помышлять и о ратных подвигах.

В это время воинственный царь Филиппа решил завоевать греческие земли. До него дошли слухи о силе и храбрости юного Девгения, и он задумал захватить его, упрочив тем свою славу. Хитростью заманил царь Филиппа Девгения на берега Евфрата-реки. У Филиппы было огромное войско, а у Девгения — малый отряд, но юноша с великой отвагой ринулся в бой и перебил врагов, как косец косит траву. Самого царя Филиппу Девгений захватил в плен. Стал Филиппа молить отпустить его с миром. А в обмен на свою свободу открыл Девгению тайну: живет-де в дальних краях царь Стратиг и есть у него дочь — прекрасная Стратиговна — девушка-воин. Много сваталось к ней женихов, но она объявила, что выйдет замуж лишь за того, кто одолеет ее в единоборстве. Однако до сих пор никому этого не удалось и не попытать ли счастья Девгению. Девгений растерялся. Дело в том, что дочь самого Филиппы — Максимиана воспылала к Девгению великой любовью и предложила ему себя в жены. Девгений не мог решить — жениться ли ему на Максимиане или отправиться на поиски Стратиговны. Тогда он заглянул в книгу пророчеств и там прочел, что если его женой станет Максимиана — то жить ему останется шестнадцать лет, а если он возьмет в жены прекрасную Стратиговну, то проживет еще тридцать шесть лет.

Девгений отвез Филиппу к своим родителям, пообещав отпустить его, если рассказанное им окажется правдой, а сам сел на своего белого коня и с небольшим войском отправился в Стратигово царство. Не доезжая пяти верст до столицы, он оставил там свое войско и дальше поехал один. Стратиг и его сыновья были на охоте, прекрасная Стратиговна оставалась дома одна. Увидала она из окна Девгения и подумала: «Этот юноша, судя по виду, не слишком силен и не решится вступить со мной в поединок. Но он красив, и будет жалко, если мой отец и братья его убьют». Стратиговна

послала к Девгению свою мамку, велев посоветовать ему поскорее убраться из города, но Девгений дождался возвращения Стратига с сыновьями и бесстрашно заявил им, что собирается похитить царевну. Царь не поверил дерзкому незнакомцу, но Девгений в тот же день увез Стратиговну, женился на ней и жил долго и счастливо, совершив в жизни еще много воинских подвигов...

Сочинения разных жанров часто собирались в сборники, носившие символические названия, в которых книга уподоблялась драгоценности: «Маргарит» («Жемчуг»), «Измарагд» («Изумруд»). Широко распространен был сборник под названием «Пчела» — собрание кратких изречений из разных источников, преимущественно античных писателей и философов — Плутарха, Пифагора, Аристотеля и др. Название «Пчела» символично: как пчела собирает мед с каждого цветка, так в одной книге собрана мудрость из разных источников. Сборник этот сложился в Византии в XI веке и тогда же был переведен на русский язык, впоследствии «Пчелу» на Руси не просто переписывали, но и дополняли новыми изречениями как переводными, так и русскими. Такие сборники наверняка были хорошо известны Ивану Федорову.

Но где же Иван Федоров мог брать книги для чтения?

Несомненно, в доме его отца-священника были книги, но вряд ли много, поскольку они стоили дорого, и покупка книги считалась серьезным приобретением. Но Иван Федоров мог брать книги во временное пользование. При монастырях и церквях существовали книжные собрания, которыми могли пользоваться не только священники и монахи, но и прихожане. Об этом свидетельствует документ (правда, относящийся к несколько более позднему времени), в котором среди обязанностей пономаря указывается «книг беречи», и чтобы этих книг «по домам без спросу и без ведома никто не брал». Стало быть, получив разрешение, книгу из церковной библиотеки можно было взять домой.

Хорошие книжные собрания имели многие богатые люди. Владеть книгами считалось почетным, и один из составителей «Пчелы» сетовал, что иные богачи держат книги запертыми в ларях, «а о чтении не пекутся. Не душевныя пользы ради стяжают книги, но хотящее явити богатство свое и гордость». Однако среди собирателей книг были и искренние любители чтения. Так что Иван Федоров вполне мог пользоваться книгами из частных собраний своих знакомых и знакомых своего отца.

Хотя на Руси тогда не было высших учебных заведений, любознательный и стремящийся к просвещению человек путем чтения мог получить фундаментальные знания в области богословия, истории,

естественных наук, познакомиться с античными авторами, приобрести вкус к художественной литературе. В юности Иван Федоров мог читать только книги, переведенные на русский язык. Позже он выучил греческий и латынь (о том, что он владел этими языками, есть бесспорные документальные свидетельства) и получил доступ к европейскому образованию.

МАСТЕРА-ДОБРОПИСЦЫ

*По белому полю трое ходят, четвертого водят,
двое согладают, один управляет.*

Загадка^{[\[1\]](#)}

Большинство книг, которые читал Иван Федоров, были рукописными. Теоретически среди них могли попадаться и печатные, в то время уже проникавшие на Русь из Европы, но все же воспитан был Иван Федоров на традициях русской рукописной книги. Переписчиков книг называли тогда доброписцами или книжными писателями.

Работа мастера-доброписца была сложной, тонкой, медленной, требующей немалого таланта и усердия, а также владения многими техническими приемами и обширными познаниями относительно свойств и особенностей разнообразных, применяемых в «деле книжного писания» материалов.

Издавна книги переписывали на пергамене — особым образом обработанной коже. Лучший пергамен — тонкий и мягкий — делали из телячьих и ягнячьих шкур. Из шкур взрослых животных получался пергамен более низкого качества. Один доброписец, работавший в XIV веке, сетуя на доставшийся ему плохой материал, даже сделал сварливую приписку на полях: «Сей коже с 30 лет». Шкуру, предназначенную для изготовления пергамена, несколько дней выдерживали в чане с известью, очищали от шерсти, сушили, натянув на раму, шлифовали пемзой и отбеливали при помощи мела. Затем выкраивали прямоугольные листы по формату книги.

С середины XIV века на Руси появляется и бумага. Ее использовали наряду с пергаменом, иногда в одной и той же книге. Известны книги «в прокладку», в которых листы пергамена чередуются с бумажными. Бумагу привозили из Западной Европы и продавали на торгу. Единицей измерения количества бумаги была стопа, в которую входило 20 дестей, или 480 листов. Бумага во времена Ивана Федорова была достаточно дорога, хотя и дешевле пергамена.

Рабочее место мастера-доброписца не было похоже на современный письменный стол. В Средние века на Руси (впрочем, и в Европе тоже) предпочитали писать «коленным письмом», то есть мастер сидел на скамье,

положив на колени специальную дощечку, на которой размещался лист пергамена или бумаги. Иногда для удобства под ноги подставляли маленькую скамеечку. Справа на невысоком столике с пюпитром лежал образец — книга, с которой списывал мастер. На этом же столике находились письменные принадлежности. В их число входили чернильница с чернилами (называли ее «сосуд писчий»), песочница, перья, перочинный нож, приспособления для разлиновки листа. Организация рабочего места мастера-добрписца известна нам столь подробно благодаря многочисленным изображениям святых Евангелистов на средневековых русских иконах и книжных миниатюрах. Евангелисты по традиции изображаются пишущими, в окружении детально вырисованной рабочей обстановки.

Мастер-добрписец начинал свой труд с того, что тщательно разлиновывал лист, намечая ширину полей и высоту строк. Специальный трафарет в виде рамки, называемый по-гречески «хараксала» или «карамса», русские мастера использовали редко, гораздо чаще поля отчерчивали при помощи обычной линейки. Высоту строк отмеряли циркулем. Линии разметки делали едва заметными, процарапывая их костяной иглой или тупым ножом.

Основным инструментом для письма служили птичьи перья, чаще всего — гусиные. Но иногда писали перьями более дорогими — лебедиными, а в особо торжественных случаях использовали «павьи», то есть павлиньи. Перья предпочитали брать из левого крыла птицы, поскольку их изгиб был более удобен для правой руки. Прежде чем писать пером, его нужно было подготовить. Стержень пера обезжиривали, погрузив его в раскаленный песок, затем кончик его срезали наискось особым ножиком, который мы до сих пор называем «перочинным», и расщепляли. Такой способ очинки пера позволял проводить широкие, жирные линии «с нажимом», а без нажима — тонкие, «волосяные». Опахало — волоски, придающие перу красивую форму, обычно срезали, такое подстриженное перо было хотя и менее декоративным, но более практичным.

Мастер-добрписец, обмакнув перо в чернильницу, мог написать несколько строк, затем перо нужно было обмакивать в чернила вновь. Однако некоторые мастера пользовались пером по принципу авторучки. В старинном руководстве говорится, что залив чернила в полый стержень пера, такой мастер «пишет страницу всю. И как последнее слово на последней строке напишет, то и в перо чернило изойдет все, и не останется ничто ж». (Почему-то этот принцип не получил распространения, и

авторучка была запатентована только в 1884 году.)

Чернила для письма изготавливались разными способами. До наших дней сохранилось несколько старинных рецептов. Один из них таков. Ржавое железо — старые гвозди, замки, ножи и т. п. — ломали на куски («кусьем рассека») и складывали в кувшин, пересыпая подсушенной ольховой корой, затем заливали крепким отваром той же коры, добавляли квас или уксус и выдерживали в теплом месте двенадцать дней. Чернила, приготовленные по этому рецепту, имели за счет железной ржавчины коричневатый оттенок — от темно-коричневого до рыжего и слегка блестели. Делали чернила также из сажи, их называли «копчеными». Чтобы приготовить копченые чернила, битые горшки коптили над огнем, чтобы они покрылись сажой, сажу счищали, смешивали с вином и вишневым клеем, смесь заливали отваром ольховой коры или чернильных орешков — наростов, которые встречаются на дубовых листьях. Кувшин обматывали тряпками и выдерживали в теплом месте. Существовали и другие рецепты изготовления чернил. Вероятно, многие мастера имели свои собственные секреты, придававшие чернилам особую светостойкость. Во всяком случае, в большинстве сохранившихся русских рукописных книг, возраст которых исчисляется веками, чернила почти не выцвели.

Чернила наливали в чернильницы. Чернильницы, обычно в виде небольших кувшинчиков, могли быть глиняными, бронзовыми, стеклянными. У мастера под рукой обычно было две чернильницы: одна — поменьше, — предназначенная непосредственно для письма, стояла на столе, вторая — побольше — с чернилами про запас убиралась на полочку под столешницей.

Чтобы написанное чернилами скорее высохло, лист посыпали мелким песком из особой песочницы — небольшого сосуда с дырочками, напоминающего современную перечницу.

Проанализировав изображения пишущих Евангелистов, исследователи установили несколько различных способов держания пера: четырьмя пальцами с опорой на мизинец — для нанесения вертикальных штрихов — «мачт» букв; щепотью, то есть всеми пятью пальцами — для коротких горизонтальных; тремя пальцами — большим, указательным и средним (так, как пишут сейчас) — для округлых и изогнутых линий.

Мастер-доброписец не то что выписывал, а прямо-таки вырисовывал каждую букву, его работа больше всего напоминала работу современного художника-шрифтовика. Древнейший вид письма, который использовался на Руси для переписывания книг, называли «уставом». Для устава характерны крупные, четкие буквы прямого начертания. В XIV веке

появился менее торжественный вид письма — «полуустав», его буквы мельче и имеют наклонное начертание.

Опытный мастер переписывал в среднем по десять листов в неделю, то есть над книгой, в зависимости от ее объема, он работал от нескольких месяцев до полутора лет.

Кроме чернил при переписывании книг часто использовали красную краску, которой выполняли заголовки и начальные буквы разделов текста. Отсюда появились до сих пор существующие термины — «красная строка» и «рубрика» (от латинского *ruber* — красный). Иногда чернильницы делались с двумя отверстиями — для чернил и для красной краски. Красную краску разных сортов — червонную, киноварь и сурик — изготавливали при помощи разных красящих пигментов. Червонную (или «черлень червцовую») добывали из «червецов» — особых насекомых, поражавших травянистые растения; киноварь делали на основе ртути, или, как ее в то время называли — сурьмы; сурик — из свинцовых белил. Сохранился старинный, предельно простой рецепт приготовления сурика: «Возьми белила и положи в черный железный сосуд и поставь на жар. И как сгорят белила, станут красны. Это и есть сурик».

В особенно дорогих и роскошных книгах заголовки и начальные буквы разделов писали золотом. Издавна для этого использовалось листовое золото, то есть тончайшие золотые пластинки, которые накладывали на участки поверхности листа, предварительно промазанные рыбьим или вишневым клеем.

В XVI веке начали употреблять «твореное» золото. Для этого пластины листового золота растирали в порошок, смешивали — «творили» — с солью, вишневым клеем и медом, полученной полужидкой краской писали поверх киновари, высушивали и выглаживали медвежьим зубом.

Фрагменты, выполненные краской и золотом, добавлялись на оставленных для них свободных местах уже после того, как основной текст был переписан. Часто их выполнял не сам доброписец, а особый мастер, которого называли «златописцем».

Затем книгу украшал художник. В начале особо важных разделов он рисовал узорные заставки и пышно декорированные заглавные буквы — буквицы; в конце — декоративные концовки, а также иллюстрации-миниатюры на всю страницу. (Кстати, слово «миниатюра» в отношении книжного оформления происходит не от латинского слова «*mini*» — «маленький», а от «*minium*» — «красная краска», и соответствует русскому «красный» — «красивый, украшенный».)

После этого книгу переплетали, или, как говорили в то время,

«снаряжали». Книжные переплеты делали из деревянных досок — липовых или дубовых. Доски обтягивали узорной тканью, тисненой кожей, украшали золотыми и серебряными накладками, драгоценными камнями. Даже поговорка бытовала: «Книжное слово в жемчугах ходит». К нижней крышке переплета прикрепляли короткие металлические лапки — жуковины, чтобы во время чтения переплет не терся о стол, кроме того, переплет снабжали особыми застежками, чтобы книжные листы не коробились.

Таким образом, в создании книги принимали участие мастера разных специальностей: доброписец, златописец, художник, переплетчик. Но основная роль принадлежала все-таки мастеру-доброписцу.

Искусство книгописания возникло на Руси очень давно. Еще в XI веке Ярослав Мудрый, большой любитель книг, по свидетельству летописца, «собрал писцов многих» и повелел им переписывать книги «от грек на славянское письмо». Переписывание книг считалось делом благочестивым и богоугодным. Им занимались многие святые праведники, о чем рассказывается в их житиях. Переписывал книги знаменитый подвижник Сергей Радонежский, причем по бедности своего монастыря за неимением бумаги, а тем более пергамена писал «на берестех»; переписывали книги Кирилл Белозерский, Стефан Пермский и многие другие. У иных переписывание книг входило в привычку и превращалось в удовольствие. Так, Нил Сорский в письме к такому же, как и он, любителю книг признавался: «Печаль объемлет мя.... аще не пишу».

Поначалу переписыванием книг занимались в основном монахи, писавшие для своих монастырей, но с XV века (а по мнению некоторых исследователей, и раньше) появились и профессиональные переписчики, работавшие как на заказ, так и на продажу. Встречались и писцы-любители, переписывавшие книги для себя. Так, некий «Самуил диак с Дубкова» в 1494 году списал «Хронограф» «себе на утешение».

Во многих городах существовали книгописные мастерские. Работа в таких мастерских была напряженной и утомительной, каждый мастер должен был выполнить определенную, достаточно большую норму, в мастерских работали допоздна, а то и ночью при плохом освещении, преодолевая усталость и наваливающийся сон. В книгах, выполненных в одной такой мастерской, находившейся в Пскове, сохранились приписки, в которых изнемогающие от тягот своего труда мастера, вероятно, пытаясь доставить себе хоть какое-то развлечение, жаловались будущим читателям: «О горе, хочется спать, ин, ин, ох тошно»; «Вечер уже. Темно»; «Ох, ох, голова моя болит, нет мочи писати, а уже ночь, время спать»; «Ночь скоро

настанет, а пол-листа еще не намазано».

Часто мастера-доброписцы в конце книги указывали свое имя и социальное положение. Исследователи установили, что приблизительно половина их происходила из духовного сословия, а остальные были мирянами. У доброписцев бытовал обычай в конце книги в поэтических словах изъяслять свою радость и гордость от хорошо выполненной работы: «Как радуется мореплаватель, переплывший пучину морскую, так радуется доброписец, окончивший книгу»; «Как радуется жених о невесте, так радуется и писец, видя последний лист».

Книги были дороги и доступны далеко не всем, покупка книги становилась важным событием. На многих старинных книгах сохранились записи о том, кто и у кого приобрел эту книгу, а также указаны свидетели, которые в случае необходимости могли подтвердить сделку и уберечь книгу от незаконных посягательств. Возможных похитчиков предостерегали, грозя им Божиим судом.

Конечно, при переписывании книг вручную были неизбежны ошибки. Это понимали и сами доброписцы. Часто они заранее предупреждали читателя о вероятных промахах, «ибо писал не Дух Святой, не Ангел, а рука грешна и бренна», и просили «не клясть» мастера, а по возможности исправлять допущенные им ошибки. Однако наряду с образованными, любящими книги и уважающими свой труд доброписцами встречались люди недобросовестные и невежественные, которые занимались переписыванием книг лишь ради заработка. Работа таких переписчиков изобиловала ошибками, которые кочевали из книги в книгу, множась и наслаиваясь одна на другую. В конце концов, подобная «порча книг» стала настоящим бедствием и вызвала беспокойство многих книжных людей. Так, митрополит Иоасаф в предисловии к составленному им сборнику с неудовольствием замечает: «Писал с разных списков... и обретох в списках оных много неисправностей. И елико возможно моему худому разуму, сие исправлял, а елико невозможно — сие оставлял, пусть имущие разум больше нашего исправят неисправное и дополнят недостаточное».

Как уже было сказано, над созданием рукописной книги трудилось несколько мастеров, но бывало и так, что один мастер владел несколькими отраслями «книжного рукоделия». С большой долей вероятности можно предположить, что Иван Федоров, впоследствии, уже при создании печатных книг показавший себя как великолепный мастер шрифта и искуснейший художник-орнаменталист, в юности овладел ремеслом доброписца и рисовальщика.

К отцу Федору зашел его давний друг — доброписец Дорофей. Но отца Федора не случилось дома, и занимать гостя разговором пришлось Ивану. Поговорили о погоде, о недавнем приезде в Москву иностранных послов, а потом своротили на книжное рукоделие, которое больше всего занимало старого Дорофея и в чем уже начинал понимать толк шестнадцатилетний Иван.

Похваставшись своими успехами в этом многотрудном деле, Иван показал собственноручно им переписанную и украшенную «Псалтырь».

Дорофей медленно перелистал страницы, одобрительно кивая головой, и сказал:

— Хорошо! Хоть ты и молод, а делу уже новычен. Жаль, что не у меня ты учился. Такой ученик — гордость учителю.

Иван вздохнул:

— Учитель мой, Кузьмич, царствие ему небесное, в прошлую осень помер. Добрый он был человек, хоть и пьяница, не тем будь помянут. Из-за этой его слабости вышла у нас с ним однажды еще в школе история. Рассказать?

— Расскажи, — согласился Дорофей.

— Кузьмич в свободное время подрабатывал переписыванием книг. И вот, как увидел он, что я пишу не хуже его самого и заставки красиво рисую, так приспособил меня помогать ему переписывать книги. Поначалу небольшие, конечно — те, по которым ребят грамоте учат.

И вот как-то раз пришел в школу богатый купец. Важный, весь в соболях и бархате — будто боярин. Привел своего сына.

— Сможешь, — спрашивает, — выучить моего Васюта грамоте?

— Отчего ж не смогу, — отвечает Кузьмич. — Если сам Васюта не будет лениться — выучу.

— Только, — говорит купец, — невместно моему сыну с другими мальчишками по общей Азбуке учиться. Перепиши для него Азбуку, да поскорее. Хочу, чтобы была у Васюты своя книга и непременно с красными буквицами.

— Ладно, — ответил Кузьмич, — перепишу.

Дал купец Кузьмичу задаток за работу, и в тот же день начали мы Азбуку для купецкого сына переписывать. Кузьмич с начала до середины, я — с середины до конца. Писал я дома по вечерам с великим усердием и

недели через две закончил. Получилось так красиво, ровно и чисто, что даже отдавать было жалко. Сутра понес Кузьмичу готовую работу. А был тот день праздничным, и Кузьмич начал его праздновать по своему обыкновению. Когда я пришел, он сидел за столом, а перед ним стоял штоф красного вина, наполовину уже пустой, и его любимая большая чарка.

Взял Кузьмич переписанную мною часть книги, перелистал, положил на стол рядом со штофом, посмотрел на меня и воскликнул: «Ай, молодец, Иванушка! Мне и самому лучше не сделать». Тут потянулся он меня обнять, но поскольку в глазах у него, верно, уже двоилось, повернулся он совсем не в ту сторону и локтем зацепил полную чарку. Красное вино полилось на стол и, к великому моему ужасу; на переписанные листы. Я схватил свою работу, стал отряхивать, но верхний лист был испорчен безнадежно, а два других подмочены с углов.

Кузьмич тоже испугался и даже, кажется, протрезвел немного. «Ничего, — говорит. — Листы не нумерованы, вынем попорченные, никто и не заметит». — «Да как же так можно? — изумился я. — Уж лучше я перепишу еще раз». Но Кузьмич во хмелю становился обидчивым и упрямым. Стукнул он по столу кулаком и закричал: «Ты что, указывать мне вздумал? Как я сказал, так и будет!» Скомкал испорченные листы и бросил в печку; сложил мою часть работы вместе со своей, подравнял края и убрал в поставец на полку. Я не посмел с ним спорить и пошел домой.

Весь день меня мучила мысль, что по нашей вине купецкий сын выучится неправильно и потом будет неправильно учить своих детей, что с нашей порченной книги станут переписывать другие доброписцы, и, в конце концов, все так перепутается, что даже самые ученые люди ничего не смогут понять.

Ночью, когда все в доме заснуло, я потихоньку встал, засветил лучину и, пристроившись в сенях на лавке, до рассвета переписал заново все три испорченных листа. Потом еще по темноте вышел из дому и побежал к школьной избе. Кузьмичева собака меня знала и не залаяла. Окошко по случаю жары было отворено. Я влез в избу, отыскал в поставце на полке нашу Азбуку и вложил вновь написанные листы туда, где им надобно быть. Кузьмич так ничего и не узнал, а я очень был рад, что снял с души такую тяжесть.

Дорофей слушал серьезно, а когда Иван закончил свой рассказ, тяжело вздохнул и сказал:

— А ведь неисправные книги и вправду беда. И ничего с этой бедой не

поделаешь. Всегда будут среди писцов и нерадивые, и ленивые, и невежественные.

— Дядя Дорофей, — спросил Иван, — а правду говорят, что в иных землях книги не переписывают доброписцы, а печатает машина? Такую книгу достаточно один раз выверить, и дальше машина уже не ошибется.

Дорофей с сомнением покачал головой:

— Слышал я, что и впрямь есть такая машина, да только Божеское ли это дело, Священное Писание печатать?

— Почему же не Божеское? — возразил Иван. — Ставят ведь печати на разных важных бумагах. — Затем, подумав, добавил: — И на пряниках узоры печатают.

Дорофей рассердился:

— Ты, парень, думай, что говоришь! То пряники, а то — Священное Писание!

Иван смутился:

— Да я ничего. Просто подумал, что как на пряничных досках режут узоры, так же можно на доске и буквы вырезать.

Дорофей строго сказал:

— Жили мы без печатных книг и дальше проживем!

Иван ничего не ответил, но про себя подумал: «А хорошо бы все-таки сделать так, чтобы в книгах не было ошибок!»

ПРЕДЫСТОРИЯ И НАЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПЕЧАТНОГО ДЕЛА

История ума представляет две главные эпохи — изобретение букв и типографии: все другие были их следствием. Чтение и письмо открывает человеку новый мир — особенно в наше время, при нынешних успехах разума.

Н. М. Карамзин

Процесс книгопечатания в упрощенном виде сводится к следующему: рельефные изображения отдельных букв, отлитые в зеркальном отражении из прочного металла (мастера-печатники называют их «литеры», что по-латыни означает «буквы»), вкладываются в рамку по размеру страницы, так, чтобы получился нужный текст. Этот процесс называется набором. Затем на литеры наносится краска, сверху накладывается лист бумаги и при помощи особого пресса — печатного станка плотно прижимается к литерам. Пресс поднимается, лист снимается — оттиск страницы готов. Таким образом, суть и смысл книгопечатания заключается в том, что при помощи относительно небольшого количества литер, используя их многократно в разных сочетаниях, можно отпечатать любой текст в любом количестве экземпляров.

Путь человечества к этому изобретению начался с незапамятных времен.

Принцип печати — воспроизведение изображения путем оттиска — был известен людям задолго до того, как человечество научилось читать и писать. Древнейшие сохранившиеся до наших дней приспособления для печати относятся к эпохе каменного века. С помощью торцовых и боковых поверхностей различных палочек и косточек, костяных или деревянных гребешков наши далекие предки оттискивали ритмичные орнаменты на глиняных сосудах. Разнообразные штампы, использовавшиеся для разных целей, были широко распространены в эпоху Древнего мира. В Шумерском царстве, Древнем Египте и Вавилоне, Древней Греции и в Риме правители и чиновники скрепляли штампами-печатами документы, мастера-ремесленники ставили свои клейма-штампы на кирпичи, посуду и другие

изделия, чеканщики монет использовали штемпели-чеканы.

О возможности воспроизвести при помощи печати большого объема текстов впервые задумались на Востоке. В VI веке в Китае был изобретен способ печатания текста с резной доски. Текст страницы в зеркальном отображении вырезался на доске и отпечатывался на бумаге. Этот способ получил название «табличного». Самая древняя сохранившаяся до нашего времени книга, напечатанная таким способом, — индийское сочинение «Алмазная Сутра», переведенное на китайский язык. Представляет она собой свиток, склеенный из семи листов, на шести из них напечатан текст, на седьмом — гравюра, изображающая Будду. Надпись в конце книги сообщает, что она была напечатана 11 мая 868 года мастером Ван Чи. Но этот способ был несовершенен. Вырезание текста на досках было делом очень трудоемким, занимавшим много времени, деревянные доски быстро изнашивались, так что с них можно было отпечатать лишь небольшое количество экземпляров, а главное — с определенного набора досок можно было печатать лишь одну определенную книгу.

В середине XI века китайский кузнец Би Шен впервые в истории человечества применил принцип набора отдельными элементами. Из глины он лепил прямоугольные брусочки, на верхней плоскости при помощи заостренной палочки выдавливал иероглифы в зеркальном отображении и обжигал брусочки на огне. Затем вкладывал их в железную рамку, закрепляя при помощи смолы. Так получалась печатная форма. Изобретение Би Шена проникло в Корею, затем — в Японию и другие страны Востока. В качестве диковинки китайские книги были известны и в Европе. Причем итальянец Павло Джовио, живший в XVI веке, утверждал, что китайские печатные книги задолго до начала книгопечатания в Европе попадали на Запад «через посредство скифов или московитов». Если это утверждение справедливо, то Русь увидела печатные книги раньше, чем Европа.

Однако Европа была далека от Востока, и европейцам пришлось изобретать книгопечатание самостоятельно.

Важным моментом, приблизившим открытие принципа книгопечатания в Европе, стало появление штампов, изображение с которых оттискивалось не рельефно на мягком материале — воске, глине и т. д., как в древности, а при помощи краски на плоской поверхности. Когда появились такие штампы — неизвестно, но самый ранний документ с такой печатью, сохранившийся на территории Европы, датируется серединой XIII века. Примечательно, что мастером, изготовившим печать, с которой сделан этот оттиск, был русский человек — золотых дел мастер по имени Кузьма.

В 1245 году папа римский Иннокентий IV отправил посольство к монгольскому хану Куйуку — внуку Чингисхана. Монгольский хан принял папское посольство немилостиво, распорядился не давать послам ни еды, ни питья. «И если бы Господь не предуготовил нам некоего русского по имени Кузьма.... который оказал нам поддержку, мы, как полагаем, умерли бы», — писал один из участников посольства монах Джованни дель Плано Карпини. Шло первое десятилетие татаро-монгольского ига. Вероятно, Кузьма был пленником и хорошо понимал бедственное положение людей, оказавшихся вдали от родины. Он тайком кормил послов, а потом, когда хан все-таки изменил свое к ним отношение, показывал им достопримечательности ханской ставки, в числе которых были вещи, изготовленные Кузьмой. Карпини описывает трон монгольского хана, изготовленный Кузьмой, и восклицает: «Человек, изготовивший эту изумительную вещь, должен быть великим мастером!»

Отпуская послов, хан отправил с ними грамоту папе римскому, скрепленную оттиском золотой печати, также вырезанной Кузьмой. Эта грамота хранится в архивах Ватикана. Она была обнаружена в 1922 году французским историком П. Пеллио и произвела сенсацию: оттиск печати работы мастера Кузьмы — древнейший из сохранившихся до нашего времени аналогичных оттисков.

С XIV века во многих европейских странах получил распространение табличный способ печати. В Германии, Франции, Голландии, Италии с резных досок печатают молитвенники, учебники, календари. Отпечатанные таким способом книги были дешевле рукописных, но все же достаточно дороги, поскольку, как и на Востоке, способ был сложен и трудоемок, а деревянные доски быстро изнашивались, не позволяя сделать большое количество экземпляров.

Прорыв в печатном деле произошел в 1450 году, когда немецкий мастер Иоганн Гутенберг изобрел способ печати при помощи подвижных литер, изготовленных из металла.

Биографические данные о Гутенберге, так же как и об Иване Федорове, достаточно скудны. Датой его рождения условно считается 24 июня (день памяти его небесного покровителя — Иоанна Крестителя) 1400 года. Родился он в городе Майнце, в семье богатого купца. Отец Гутенберга, исполнявший обязанности контролера монетного двора, должен был входить в тонкости чеканки, штамповки, литья и прочих умений, связанных с металлом. Знакомство Гутенберга с этими ремеслами пригодилось ему в его дальнейшей деятельности.

Майнц был вольным городом, важную роль в нем играли ремесленные

цехи, постоянно конфликтовавшие с городской верхушкой, к которой принадлежала семья Гутенберга. В начале 1430-х годов в результате одного из таких конфликтов Гутенберг был вынужден покинуть родной город и обосноваться в Эльзасе, в городе Страсбурге, где, вероятно, и предпринял первые опыты книгопечатания. Как проходили эти первые опыты, можно только догадываться. Сохранились документы, что в Страсбурге Гутенберг с тремя компаньонами основал предприятие по изготовлению зеркал. Однако некоторые исследователи предполагают, что под «зеркалами» он подразумевал нравоучительные книги, в названиях которых в Средние века часто фигурировало слово «зеркало» — например «Зеркало спасения человечества».

Гутенберг сознательно окружал свою деятельность тайной. Дело было новое, и мастер проявлял осторожность, вероятно, опасаясь как неудачи, так и недоброжелательства окружающих. Известно, что Гутенберг заключил соглашение с неким Андреа Дритценом относительно использования какого-то своего секретного изобретения, но Дритцен умер, а с его наследниками Гутенберг не пожелал иметь дела: когда они предъявили свои права, он предпочел выплатить им денежную компенсацию, но не открыл секрета своего изобретения. Естественно предположить, что оно было связано с книгопечатанием. Некоторое время спустя завеса тайны приоткрылась и современники узнали, чем занимается Гутенберг: золотых дел мастер Ганс Дюне, выступая по какому-то делу свидетелем в суде, сообщил, что он работал у Гутенберга над тем, что «относится к печатанию».

С чего именно начинал свою типографскую деятельность Гутенберг — неизвестно. Скорее всего, он печатал небольшие брошюры, календари, листовки. Самое первое произведение, вышедшее из самой первой в Европе типографии, сохранившееся до наших дней — один листок из религиозной брошюры «Сивиллина книга» (в научной литературе он получил название «Фрагмент о Страшном суде») предположительно датируется 1445 годом.

Хотя, как мы уже видели, попытки книгопечатания предпринимались издавна, именно Гутенбергу принадлежит слава первого типографа. Он вывел искусство книгопечатания на принципиально новый уровень благодаря трем своим изобретениям. Во-первых, он начал отливать литеры из металла. Делалось это следующим образом: сначала из твердого металла изготавливался штамп (его называют «пунсон») с рельефным изображением буквенного знака в зеркальном изображении. Пунсон вдавливался в более мягкий металл (медь), получалось углубленное

изображение знака — «матрица». В матрицу заливался расплавленный свинец, когда он застывал, получалась рельефная литера. Отлив достаточное количество литер, можно было приступать к набору из них текста. Искусный наборщик мог набрать до 2500 букв в час.

Во-вторых, Гутенберг изобрел типографскую краску. При печати с деревянных досок использовались краски на водной основе, но на металл они не ложились. Гутенберг создал рецепт новой краски — густой и жирной.

В-третьих, он сконструировал типографский станок, усовершенствовав и приспособив для новых целей пресс, использовавшийся в виноделии. Существует легенда, что когда Гутенберг впервые показал печатный станок одному из своих учеников, тот разочарованно воскликнул: «Да это же обычный пресс, которым давят виноград!» На что Гутенберг ответил: «Из-под этого прессида польется напиток, утоляющий самую высокую жажду человека — жажду знания!» В середине XIX века в подвале дома, где находилась типография Гутенберга, нашли остатки его станка. На поперечном бруске вырезаны инициалы мастера и дата — 1441 год.

Известный немецкий ученый Фриц Функе так определяет историческую роль Гутенберга: «С изобретением Гутенбергом способа отливки литер, наборной техники, печатной краски и печатного станка были созданы основы современного типографского процесса, который применяется во всем мире».

Вскоре Гутенберг вернулся в свой родной Майнц, где продолжал трудиться как печатник. Он печатал небольшие, пользующиеся широким спросом книжки, в частности, выпустил двадцать четыре издания латинской грамматики Элия Доната — самого распространенного в то время учебника, астрологический и медицинский календари. Эти издания выходили без указания даты и имени издателя.

Первой крупной работой Гутенберга стало грандиозное издание полной латинской Библии, к которому он приступил в начале 1450-х годов. Это книга большого формата, насчитывающая 1282 страницы. Гутенберг напечатал 150 экземпляров на бумаге и 35 — на пергамене. (До наших дней сохранилось 48 экземпляров, 12 из них — на пергамене.) Полная страница Библии Гутенберга включает в себя 42 строки, поэтому ученые называют это издание «42-строчным».

Работа над 42-строчной Библией сопровождалась большими трудностями. Гутенберг не имел никакого капитала, а типография требовала денег. Он занял 800 гульденов — очень большие деньги

(хороший дом в городе стоил в то время от 80 до 100 гульденов) — у богатого майнцкого бюргера Иоганна Фуста, на которые закупил материалы и оборудование, нанял рабочих. Работа над Библией продолжалась несколько лет. Два года спустя Фуст пожелал стать компаньоном по «книжному предприятию» и внес в дело свой пай — еще 800 гульденов. Вскоре заимодавец потребовал возвращения долга, причем попытался представить и вторые 800 гульденов данными заимообразно. Вместе с процентами набежала огромная сумма в 2020 гульденов. Компаньоны обратились в суд. Разбирательство длилось долго, суд признал часть требований Фуста неправомерными, но все же Гутенбергу пришлось отдать Фусту в счет долга значительную часть типографского оборудования и почти весь тираж отпечатанной Библии.

На основе типографии Гутенберга Фуст открыл свое издательское дело. Ближайший помощник Гутенберга Петер Шеффер женился на дочери Фуста, покинул своего патрона и перешел на службу к тестю. Вскоре из их типографии вышла книга «Майнцская псалтырь», судя по великолепному качеству печати, начатая еще при участии Гутенберга. Текст предваряли знаменательные слова: «Книга издана с помощью искусного изготовления литер, без какого-либо писания пером». Имя Гутенберга — изобретателя, сделавшего возможным создание книги «без какого-либо писания пером», упомянуто не было.

Потеряв типографию, Гутенберг предположительно на какое-то время перебрался в город Бамберг, где напечатал еще одно издание Библии, которое в отличие от первого называют 36-строчным (также по количеству строк на странице). Средства для работы предоставил тамошний богатый горожанин Альбрехт Пфистер. Но, судя по всему, в Бамберге повторилась та же история, что и в Майнце, — Пфистер отобрал у мастера плоды его труда и основал свою типографию. Во всяком случае, в изданиях Пфистера были использованы шрифты, принадлежавшие Гутенбергу.

О дальнейшей типографской деятельности Гутенберга ничего неизвестно. Возможно, стареющий мастер, устав бороться с недобросовестными компаньонами, нуждой и лишениями, отошел от работы. Последние годы он доживал на пенсию, пожалованную ему архиепископом Адольфом Нассауским.

В 1468 году Гутенберг скончался в своем родном городе Майнце.

Изобретатель книгопечатания не был одинок в своих исканиях. В XV веке идея печатания книг при помощи подвижных литер носилась в воздухе. Одновременно с Гутенбергом в разных странах люди разных профессий, происходящие из разных сословий, увлеченно

экспериментируют в этой области. Имена некоторых таких экспериментаторов история сохранила.

Так, в городе Брюгге не позднее 1445 года (то есть в то же время, когда производил свои первые опыты и Гутенберг) местным книготорговцем была отпечатана набольшая книжечка под названием «Доктринале» («Учение»). В послесловии к ней говорится: «Взгляни, как красиво настоящее сочинение; <...> сопоставь эту книгу со всякой другой; посмотри, как чисто и отчетливо напечатал ее Иоанн Брито, гражданин из Брюгге, который без всяких учителей изобрел достойное удивления искусство и не менее удивительное орудие производства». Не исключено, что Иоанн Брито действительно параллельно с Гутенбергом изобрел свой способ печати.

В Италии книгопечатанием занимался врач и поэт Памфилио Кастальди. В одной из итальянских хроник говорится, что именно он был первым печатником в Европе. Однако документально подтверждено лишь то, что он печатал книги в Милане в конце 1460-х годов, то есть через двадцать с лишним лет после появления типографии Гутенберга. Тем не менее в родном городе Кастальди — Фельтре ему установлен памятник, как изобретателю книгопечатания.

В архиве французского города Авиньона сохранились документы, сообщающие, что в 1444–1446 годах серебряных дел мастер Прокопий Вальдфогель, приехавший из Праги, придумал какой-то метод «искусственного письма». Но был ли этот метод книгопечатанием — неизвестно.

Еще об одном претенденте на роль первопечатника, уроженце голландского города Гарлема, в местных преданиях сохранился красочный рассказ. Однажды гарлемский пономарь Лоренц Янсон Костер гулял в буковой роще со своими маленькими внуками. Дети весело гонялись друг за другом, а Костер, срезав с дерева толстую ветку, присел на траву и стал мастерить для них полезную игрушку — набор кубиков с вырезанными на них буквами. Такие кубики в то время применялись для обучения грамоте. Расшалившиеся дети с криками налетели на дедушку и заплесали вокруг него, не замечая, что втаптывают в землю рассыпавшиеся кубики. Когда Костер, приструнив детей, стал собирать кубики, то обратил внимание, что на влажной после недавно прошедшего дождя земле остались оттиски букв, повернутые в обратную сторону. Костер заинтересовался полученным эффектом и дома вырезал алфавит уже в зеркальном отображении. А затем на его основе отлил набор букв из свинца и напечатал с их помощью небольшую книжку «Зеркало человеческого спасения».

Такая книжка действительно существует, один из ее экземпляров даже оказался в России в царствование Петра I, но дата выхода в свет на ней не указана. Так что невозможно сказать, появилась она раньше первых гутенберговских книг или позже. Тем не менее голландцы считают свою страну родиной европейского книгопечатания, и на одной из главных площадей Гарлема стоит памятник Лоренцу Янсону Костеру, сооруженный в 1823 году.

Несомненно, работа всех этих (и, вероятно, многих других, имена которых остались неизвестными) изобретателей и экспериментаторов в области книгопечатания заслуживает глубокого уважения и памяти потомков, но именно изобретение Гутенберга получило широкое распространение и легло в основу европейского печатного дела.

Хотя первые типографы старались держать свое изобретение в тайне (так, Фуст брал со своих рабочих клятву о неразглашении секретов производства), всего за пятьдесят лет книгопечатание распространилось по всей Европе. Первые типографии в Италии появились в 1465 году, в 1468-м — в Швейцарии, в 1469-м — в Нидерландах, в 1470-м — во Франции, в 1473-м — в Венгрии, в 1474-м — в Испании, в 1476-м — в Англии и Польше, в 1478-м — в Чехии, в 1482-м — в Австрии и Дании, в 1483-м — в Швеции, в 1487-м — в Португалии, в 1493 году — в Черногории. Во всех странах были свои первопечатники, являющиеся гордостью каждой национальной культуры.

Книги, отпечатанные с момента изобретения книгопечатания Гутенбергом и до начала XVI века, называют инкунабулами (от латинского *in cunabulum* — «в колыбели»).

ГОРОД КРАКОВ И ЕГО УНИВЕРСИТЕТ

Эпоха инкунабул в Европе приходится на три последних десятилетия татаро-монгольского ига на Руси и первые десятилетия после освобождения от него. Конечно, развитие книжного дела тогда не могло стоять для нас в числе первостепенных задач, тем не менее до Руси доходили сведения о печатных книгах и, несомненно, вызывали интерес.

В немецких источниках содержится рассказ о «мастере искусных книг» из города Любека Бартоломее Готане, знавшем русский язык и переводившем с немецкого дипломатические документы для московских послов. При Иване III он приехал в Москву, «был в большой милости у великого князя и поставлял ему книги». Однако, по свидетельству тех же источников, Готан намеревался склонить русского князя к печатанию книг на «латинском и русском языках для введения в России обрядов Римской церкви». Пребывание мастера в России закончилось трагически: его обвинили в шпионаже и, если верить рассказу автора хроники города Любека Реймара Кока, «бросили в воду и утопили». Тем не менее в начале XX века В. Я. Уланов высказал предположение (большинством современных исследователей отвергаемое), что именно Бартоломей Готан «мог научить своему мастерству современных ему русских, которые хранили его искусство <...> Из этой-то школы, по всей вероятности, и вышли... Иван Федоров с Петром Мстиславцем».

Согласно одной из современных гипотез, Иван Федоров мог освоить искусство книгопечатания в Кракове. Один из самых авторитетных исследователей жизни и деятельности первопечатника, Е. Л. Немировский, в 1960-х годах обнаружил в списке студентов Краковского университета упоминание некоего Ивана Федорова Москвитина, удостоенного в 1532 году ученой степени бакалавра, и выдвинул осторожное предположение, что это и есть наш первопечатник.

Как же мог оказаться поповский сын из Москвы за тысячи верст от родного дома в Польском королевстве? От кого мог Иван Федоров услышать о древнем городе Кракове и его университете?

Известно, что в конце XV века русские иконописцы-псковичи были приглашены в Краков для росписи часовни Святого Креста на Вавельском холме. После присоединения Псковских земель к Московскому царству Василий III переселил триста псковских семей в Москву. Поселились они на Варварской улице близ Кремля. Среди переселенцев вполне мог

оказаться и кто-то из живописцев, в молодости побывавших в Кракове, и не исключено, что Иван Федоров был с ним знаком.

Так или иначе, будущий первопечатник отправился в дальний путь.

Шел ли Иван Федоров пешком, как многие юноши тогдашней Европы, жаждущие познаний? Пристал ли он к торговому обозу? А может быть, оказался в свите какого-нибудь дипломата? Путь был долгим и многотрудным, но вот перед глазами путешественника предстал возвышающийся на зеленом холме над полноводной Вислой старинный город Краков.

Первое упоминание Кракова относится к X веку. Он был торговым пунктом на знаменитом «Янтарном пути», соединяющем Балтику с Западной Европой. В самом конце X века князь Мешко I, основатель Польского государства, присоединил Краков к своим владениям. В 1320 году король Владислав I Локоток, объединивший разрозненные польские княжества под единой властью, короновался в Кракове, сделав его столицей Польши.

Однако народная фантазия дополнила скудные сведения о начальной истории Кракова поэтическими легендами. Иван Федоров, несомненно, услышал от гордившихся своим городом краковчан много древних преданий.

Согласно одному из них, в давние времена на Вавельском холме в глубокой пещере обитал кровожадный дракон. Храбрый воин по имени Крак победил дракона, выстроил на холме город, назвал его своим именем и стал в нем править. У Крака были двое сыновей и дочь — прекрасная Ванда. После смерти отца сыновья заспорили, кто из них станет правителем, и младший убил старшего, за что был отправлен в изгнание. Правительницей стала юная Ванда. К ней посватался немецкий князь Ридигер, но он не пришелся Ванде по сердцу, и девушка отказала ему. Оскорбленный князь собрал войско и пошел на Краков войной. Силы были неравны, но Ванда дала обет принести свою жизнь в жертву богам, если они даруют ей победу. Обет был услышан. Войско Ванды разбило превосходящих по численности врагов. Ридигер, не вынеся такого позора, пронзил свое сердце собственным мечом, а Ванда, во исполнение обета, бросилась в Вислу. Ее похоронили на берегу и насыпали над могилой высокий курган, до сих пор называемый Могилой Ванды.

Рассказывали Ивану Федорову и другое предание: будто бы вавельский дракон поселился в пещере, когда Краков уже был большим и процветающим городом. Дракон стал требовать от краковчан скот и людей себе на прокорм. Многие смельчаки пытались победить дракона, но все

погибли в неравном бою. Тогда подмастерье сапожника по имени Скуба пошел на хитрость: вместо туши барана он подбросил чудовищу баранью шкуру, начиненную смолой и серой. Дракон сожрал угощение и почувствовал сильный жар во внутренностях. Он принялся пить воду из Вислы, и пил — пока не лопнул. В городе по этому случаю устроили праздник, а Скуба сшил из шкуры чудовища сапоги для всех краковчан.

Во времена Ивана Федорова Краков славился многими архитектурными достопримечательностями. К числу самых древних построек принадлежал костел Святого Андрея, возведенный в XI веке. Тяжеловесные формы, стены метровой толщины, отсутствие украшений придают его суровому облику сходство с крепостью. Действительно, в 1241 году краковчане укрывались здесь от татар, захвативших и опустошивших город.

Иван Федоров мог любоваться знаменитым Мариацким костелом, построенным в XIV веке и украшенным двумя островерхими башнями разной высоты. По преданию, костел строили двое братьев, поспоривших, кто возведет башню выше, и проигравший убил своего удачливого соперника.

Поражал необычностью и великолепием королевский дворец, в начале XVI века перестроенный итальянским архитектором и причудливо соединяющий в себе черты итальянского Возрождения и местных польских традиций. Внутренние покои дворца были расписаны фресками, выполненными Гансом Дюрером — братом знаменитого Альбрехта Дюрера.

Окружали город мощные оборонительные сооружения. Крепостные башни носили имена ремесленных цехов, отряды которых должны были их защищать в случае опасности, — Башня плотников, Башня столяров, Башня позументчиков и т. д. Наиболее внушительно выглядел так называемый «барбакан» — огромная круглая башня, одна из самых массивных в тогдашней Европе, увенчанная целым рядом мелких башенок. Барбакан был возведен в конце XIV века, когда возникла угроза нападения на город турок.

К числу архитектурных достопримечательностей Кракова относится и здание университета. Краковский университет был основан в 1364 году польским королем Казимиром III Великим. В королевском указе определялась цель деятельности университета: «выпускать мужей зрелого разума, украшенных всеми достоинствами», и говорилось: «Пусть же откроется сей животворный источник, а из полноты его да черпает сполна каждый, кто знания жаждет». В 1400 году университет был реорганизован

королем Владиславом Ягайло (в честь этого Краковский университет до сих пор носит название Ягеллонского). Жена Владислава — королева Ядвига, умирая, пожертвовала университету все свои драгоценности, а себя велела похоронить с украшениями из дерева. На вырученные от продажи драгоценностей деньги в центре города было возведено новое величественное здание университета с широкой «профессорской» лестницей, ведущей сразу на второй этаж, где размещались аудитории, и просторным внутренним двором, опоясанным великолепной аркадной галереей.

Обучение в Краковском университете было организовано по образцу других европейских университетов, главным образом Парижского.

В Европе к тому времени существовало уже немало университетов.

Само слово «университет» по-латыни означает «союз» и подразумевает объединение учащихся и учителей. Во многих средневековых европейских городах издавна существовали школы, одни из таких школ владели жалкое и незаметное существование, другие же приобретали всеевропейскую известность, и в них съезжались ученики из самых разных городов и стран. Между приезжими школярами и местными жителями нередко возникали конфликты. Горожане брали со школяров непомерную плату за жилье, втридорога продавали им провизию, городской суд в случае каких-либо недоразумений всегда принимал сторону горожан. Чтобы защитить свои права, учащиеся вместе с учителями стали объединяться в союзы — университеты. Первые университеты появились в XII–XIII веках.

Если до этого столкновения происходили между отдельными школярами и отдельными горожанами, то теперь противостояние двух хорошо организованных сообществ — городов и университетов приобрело такие масштабы, что для урегулирования их взаимоотношений потребовалось вмешательство высшей государственной и церковной власти.

Все началось с обычной драки. В 1200 году в Париже студент-немец послал своего слугу в кабачок за пивом, но пировавшие там горожане поколотили чужака. Студенты явились в кабачок гурьбой и, в свою очередь, поколотили горожан. Горожане послали за городским старшиной, который явился в сопровождении вооруженной стражи, чтобы арестовать студентов. Студенты сопротивлялись, и пятеро из них были убиты. Университет обратился с жалобой к королю, и тот даровал университету особую привилегию, согласно которой университет получал независимость от местной власти. Студенты и преподаватели отныне не подлежали

городскому суду, а лишь церковному.

Постепенно университеты разных стран приобретали общенациональное значение. Парижский университет стал гордостью Франции. Сложилась даже поговорка: «В Италии — папа, в Германии — император, во Франции — университет».

Университеты осознавали свою силу и, случалось, демонстрировали ее властям. Так, в 1229 году в Париже снова произошло столкновение студентов с горожанами, начавшееся также с драки в винном погребе, в результате которой среди студентов оказалось много раненых и изувеченных. Университет обратился с жалобой к королеве на нарушение своих привилегий, а когда она отказалась удовлетворить эти требования, в знак протеста прекратил занятия. Пол года университет был закрыт. Это событие вызвало общественное негодование, королеву обвиняли в том, что закрытие университета приносит «ущерб церкви и государству и позор французской короне». В конце концов в дело вмешался папа римский Григорий IX, который подписал хартию, расширявшую льготы университетов. В числе прочего университетам официально разрешалось в знак протеста против какой-либо допущенной по отношению к ним несправедливости приостанавливать чтение лекций.

Университеты неоднократно пользовались этой привилегией. Так, однажды Болонский университет покинул город на целых десять лет. Это было воспринято как большое несчастье, и когда университет, наконец, вернулся и возобновил занятия, в честь этого радостного события была воздвигнута церковь Марии Мироносицы.

Университетам покровительствовали многие императоры и папы римские. Так, Фридрих Барбаросса выдал Болонскому университету хартию, согласно которой под его покровительством находился всякий, кто «предпринимает путешествия ради научных знаний».

Университетскими привилегиями пользовались и учащиеся, и преподаватели, и те, кто обслуживал учебный процесс, — книготорговцы, продавцы пергамена, переписчики книг, аптекари, содержатели бань, посыльные, трактирщики. Все они имели льготы при найме помещений, освобождались от воинской повинности, дорожных пошлин, обязанности нести в городе караульную службу.

Университеты имели четкую организационную структуру и делились на факультеты. Термин «факультет» образован от латинского слова «способность» и первоначально означал объединение ученых, способных к преподаванию, то есть преподавателей. Но затем факультетами стали называть отдельные отрасли знаний. Парижский университет имел четыре

факультета: богословский, юридический, медицинский и философский, о которых говорили, что они «подобны четырем рекам рая». Преподаватели университета должны были иметь ученые степени доктора или магистра, из своей среды они избирали себе главу — декана.

«Студент» по-латыни означает «занимающийся». В университет поступали юноши четырнадцати-пятнадцати лет и начинали свое обучение с философского факультета, который также называли артистическим (от «артес» — искусство). На нем изучали семь «свободных искусств»: грамматику, риторику, диалектику, логику, арифметику, геометрию и музыку. Артистический факультет считался подготовительным, дающим основы наук, не окончив его, нельзя было двигаться дальше. Окончивший этот факультет получал низшую ученую степень бакалавра. Бакалавр имел право преподавать и одновременно мог продолжать свое образование на одном из высших факультетов. Курс обучения на артистическом, медицинском и юридическом факультетах занимал по пять-шесть лет, на богословском — целых пятнадцать. По окончании высшего факультета давалось звание доктора или магистра.

Яркой особенностью всех европейских университетов, определяющей их быт и нравы, была многонациональность студенчества. Студенты из одних и тех же мест составляли землячества, землячества объединялись в провинции, провинции — в нации. Однако понятие нации было достаточно широким и включало в себя представителей многих народов. Так, студенты Парижского университета делились на четыре нации: галльскую, в состав которой входили французы, испанцы, итальянцы и жители Востока; английскую, включавшую в себя англичан, шотландцев и немцев, пикардийскую и нормандскую. Каждая нация избирала своего главу — прокуратора, а все нации сообща — ректора, который был главой всего университета. Прокураторы следили за порядком — посещением занятий, своевременностью оплаты, поведением студентов. Ректор надзирал за прокураторами.

При университетах создавались коллегии — общежития, содержавшиеся на пожертвования благотворителей.

Учебный год продолжался с 19 октября по 7 сентября. Осенью, на Пасху и летом в самое жаркое время года в занятиях устраивались перерывы. Это время совпадало с появлением в небе созвездия Малого Пса, отсюда появилось слово «каникулы» — «маленькая собака».

Занятия в европейских университетах велись на латинском языке, и даже между собой студенты должны были говорить по-латыни.

Основным видом занятий были лекции, в основу которых были

положены сочинения наиболее авторитетных авторов: на артистическом факультете — сочинения Аристотеля, на медицинском — Гиппократ и Авиценна, на юридическом — сборники декретов болонского юриста XII века Грациана. Средневековая наука была схоластической, то есть опиралась на авторитет столпов той или иной области знаний, который считался непререкаемым. Студенты следили за объяснениями преподавателя по книгам. Как правило, книга была одна на трех — пятерых человек. Часто студенты сами переписывали книги, образец для переписывания можно было за небольшую плату взять на дом. Многие преподаватели составляли учебные сборники — конспекты.

Кроме лекций важной формой обучения были диспуты — отыскание наиболее искусных доказательств тезиса какого-нибудь знаменитого автора. Такие диспуты требовали хорошего знания материала, помогали совершенствовать умение логически мыслить и четко выражать свою мысль. Доказательство велось в основном при помощи цитат. Причем нередко страсти во время диспута накалялись настолько, что дело доходило до драки. Во избежание кровопролития между участниками диспутов стали строить деревянные барьеры и в университетский устав было внесено правило, запрещающее называть оппонента бранными словами. Обычно для диспута задавалась определенная тема. Но раз в четыре года устраивался диспут «о чем угодно». Диспутант брался доказать или опровергнуть любой тезис, причем мог сам выступать и за и против.

Диспут продолжался две недели, на это время отменялись занятия, все с захватывающим интересом следили за ходом мысли диспутанта. Участие в диспуте «о чем угодно» было показателем виртуозного владения искусством логики и риторики.

Среди студентов Краковского университета, как и в других университетах Европы, были представители разных национальностей, в основном уроженцы Восточной Европы: венгры, немцы, чехи, украинцы и белорусы. В начале XVI века численность студентов Краковского университета достигала трех тысяч человек. Представители разных национальностей встречались и среди профессоров. Так, в 1533–1535 годах ректором университета был Станислав Билль, выходец из западнорусских земель, называвший себя — «Русин».

В Краковский университет принимали юношей с четырнадцатилетнего возраста, верхний же возрастной предел не был ограничен. Известны случаи, когда на студенческой скамье рядом оказывались отец и сын.

За обучение вносилась плата — 8 грошей. Плата была не особенно велика (для сравнения — за два гроша можно было купить гуся или пару

сапог). Гораздо дороже — 60 грошей — нужно было заплатить за проживание в студенческом общежитии — бурсе.

Жить на съемных квартирах студентам запрещалось, поскольку университетское начальство хотело держать их под своим постоянным контролем. Исключение делалось лишь для тех, у кого в Кракове были родственники, и изредка — для сыновей особенно богатых и знатных родителей. Причем хозяин, на квартире у которого жил студент, нес ответственность за поведение своего квартиранта. Если же такой студент бывал уличен в пьянстве или каких-либо безобразиях, его принудительно переселяли в бурсу. Правила проживания в бурсе были строгими. За порядком наблюдал «сеньор» — что-то вроде коменданта бursы. Он определял место для каждого студента за обеденным столом и в спальном покое (там особенно ценились места поближе к печке), у него студент должен был отпрашиваться, чтобы выйти в город, сеньор хранил у себя ключи от бursы и лично запирали входную дверь на ночь. Бурсаки носили особый костюм — черные штаны, красный кафтан и черный, коричневый или серый плащ-тунику длиной до щиколоток, застегнутую под подбородком и перепоясанную поясом.

Среди студентов были зажиточные люди, но были и бедняки, вынужденные в свободное от учебы время зарабатывать себе на жизнь. Одни давали уроки в богатых семьях, другие нанимались батраками, а некоторые просили милостыню. И для работы, и для сбора милостыни студент должен был получить разрешение университетского начальства.

Известно, что Иван Федоров поселился в бурсе, называвшейся «Иерусалим» и расположенной неподалеку от университета. Дом для нее был построен в 1453–1456 годах на средства, завещанные кардиналом Збигневым Олесницким. Это была самая крупная из бурс. В доме было пятьдесят девять комнат, библиотека и кухня. В «Иерусалиме» обитало множество народа. «Здесь рядом с обычными школярами жили бакалавры и магистры, рядом со светской молодежью — воспитанники церковных училищ различных законов, рядом с поляками — школяры из Германии, Венгрии и других стран», — писал польский историк А. Карбовяк. Особенно много было здесь выходцев из украинских и белорусских земель. Старшиной бursы «Иерусалим» во времена Ивана Федорова был Томас (Фома) из польского городка Красностава.

По студенческой традиции вселение в бурсу сопровождалось особым обрядом-посвящением, доставлявшим немало веселых минут старым студентам и сильно смущавшим новичка.

Иван Федоров, чуть помедлив, переступил порог бурсы.

Тяжелая дверь гулко захлопнулась за его спиной. Иван Федоров стоял посреди полутемных сеней и в растерянности оглядывался, не зная, куда идти дальше.

Вдруг послышался топот множества ног, и его окружила беснующаяся толпа хрюкающих, блеющих по-овечьи и лающих по-собачьи тварей, больше всего похожих на чертей.

— С нами Крестная Сила, — прошептал Иван и хотел перекреститься, но его с двух сторон подхватили под руки, куда-то потащили и втолкнули в просторный покой. Здесь было светлее, чем в сенях, и Иван разглядел, что окружают его отнюдь не черти, а юноши, примерно одного с ним возраста и состояния, и сообразил, что, скорее всего, это его будущие товарищи по университету. Однако их действия и слова были очень странными. Иван Федоров уже достаточно понимал польски, чтобы разобрать перемежаемые хрюканьем, лаяньем и блеянием громкие выкрики:

— Устроим желторотому баню!

Иван Федоров рванулся, державшие его двое парней убрали руки, и он, потеряв равновесие, во весь рост растянулся на полу. Все громко захохотали.

Красный и злой, Иван поднялся и шагнул вперед, сжав кулаки.

— Эй, не злись! — предостерегающе крикнул тощий веснушчатый парнишка лет пятнадцати. — Злых здесь не любят!

А здоровый детина постарше, с длинными, свисающими усами сказал укоризненным басом:

— Ты ж теперь бурсак, негоже тебе ходить немытым и нечесаным!

Все снова захохотали и принялись плясать вокруг Ивана Федорова, изображая, что трут его мочалками и чешут гребнем. Иван Федоров сделал над собой усилие и тоже засмеялся.

— Ну вот, теперь он и чистый, и причесанный, можно принять его в бурсу, — торжественно провозгласил высокий темноволосый юноша, который, как сразу понял Иван Федоров, был здесь главным.

— Подожди, Фома, — возразили ему сразу несколько голосов. — Надо еще его проэкзаменовать. А то, может, он и грамоты не знает.

— Верно! — согласился Фома. — Несите бумагу, перо и чернила!

Ивана Федорова усадили за стол, положили перед ним большой лист

бумаги, поставили деревянную чернильницу с крышкой, сунули в руки перо. Ожидая какого-нибудь подвоха, Иван пощупал бумагу, внимательно осмотрел перо. Но бумага не была намазана ни воском, ни какой-нибудь другой субстанцией, по которой было бы трудно писать, перо оказалось хорошим и безупречно очиненным. Пожав плечами, Иван хотел снять крышку с чернильницы, чтобы посмотреть, не подброшена ли в чернила шерстинка из кошачьего хвоста, которая, прилипнув к перу, может посадить на бумагу большую кляксу, но чернильница почему-то не открывалась. Иван подумал, что крышка завинчивается, и, отложив перо, принялся с усилием ее отвинчивать. Но та по-прежнему не поддавалась.

— Не выходит? — спросил усатый детина с притворным сочувствием.

Иван посмотрел на чернильницу повнимательнее и понял — вся она вместе с крышкой была вырезана из цельного куска дерева.

— Не выходит, — сказал он сокрушенно. — Сделай милость, помоги — вон ты какой здоровый, у тебя-то, небось, выйдет, — и сунул чернильницу оторопевшему усатому в руки.

Тот растерянно вытаращил глаза, а все опять засмеялись. Иван засмеялся тоже, теперь и ему стало весело.

Фома дружески хлопнул его по плечу.

— Принимаем тебя в товарищи! Поклянись, что не затаил на нас зла за наши нынешние шутки и не будешь никому мстить!

— Да ладно, чего уж там, — отмахнулся Иван Федоров.

— Нет, поклянись! — обиженно потребовал веснушчатый. — Так уж у нас принято — я в прошлом году тоже клялся!

Иван поднял правую руку и сказал:

— Клянусь!

— А теперь слушай! — торжественно провозгласил Фома. — Нет союза крепче, чем студенческое братство! Даже если будут варить тебя в кипящей смоле, не выдавай товарищей! Будь готов поделиться с ними последним куском хлеба, отдать последнюю рубаху! И не сомневайся, что каждый из нас готов пожертвовать за тебя своей жизнью! Один за всех, все за одного!

— Один за всех, все за одного! — закричали студенты во всю силу своих глоток — и Иван Федоров вместе с ними.

Во времена Ивана Федорова Краковский университет переживал период наивысшего расцвета. В программу философского (артистического) факультета, на котором обучался Иван Федоров, входило серьезное

изучение античной литературы, в частности, профессор Антоний из Напаханиа читал лекции по «Илиаде» Гомера, с 1520-х годов началось систематическое изучение греческого языка.

С университетом тесно сотрудничал ряд краковских типографий, выпускавших необходимые для обучения книги. Некоторые студенты подрабатывали, помогая в типографиях. Скорее всего, среди них был и Иван Федоров. Именно в Кракове мог он впервые своими глазами увидеть типографский процесс и освоить начала типографского искусства.

В Кракове, бывшем единственным типографским центром Польши, к тому времени уже сложились достаточно развитые типографские традиции. В последние десятилетия XV века здесь было издано несколько латинских церковных книг, напечатанных немецкими бродячими типографами. Но уже в начале XVI века появилась стационарная типография, принадлежавшая сначала Каспару Гохфедеру, а затем перешедшая к Иоганну Галлеру.

В Польше был принят латинский шрифт, однако именно в Кракове появилась первая печатная книга, набранная кириллицей и рассчитанная на православных. Напечатал ее типограф Швайпольт Фиоль. Слышать о Фиоле Иван Федоров мог еще в Москве. В Московском государстве были известны его книги. Но именно в Кракове наш первопечатник подробно узнал о жизни и деятельности первого кириллического типографа.

Швайпольт Фиоль родился в небольшом немецком городке Нойштадте на реке Айше в шестидесяти верстах от Нюрнберга. Многие исследователи пытались отыскать славянские корни в происхождении Фиоля, но эти попытки оказались безуспешными. Сам же Фиоль определенно называл себя «немцем». В 70-х годах XV века он приехал в Краков. По профессии Фиоль был золотошвеем (в Европе вышивание золотом было исключительно мужским ремеслом), но золотошвейное ремесло было достаточно редким, и в Кракове не было собственно золотошвейного цеха, так что Фиолю пришлось вступить в цех золотых дел мастеров. Золотых дел мастера в числе прочего изготавливали и печати-штампы. Там Фиоль мог освоить технику литья и гравирования по металлу, необходимые для печатного дела.

Вероятно, Швайпольт Фиоль обладал каким-то капиталом и имел явную склонность к предпринимательству. Из документов явствует, что в 1483 году он взял в аренду конюшню и закупил большое количество мебели. Некоторые исследователи видят в этом начало подготовки основания типографии. Однако тогда типография основана не была, а Фиоль занялся совсем другим делом — изобретением машины для откачки

воды из шахт. В окрестностях Кракова издавна велась добыча полезных ископаемых, но шахты часто затопляло. Многие мастера думали над тем, как откачивать из шахт воду, Фиоль удалось придумать удобное и безопасное приспособление. В марте 1489 года польский король Казимир выдал ему привилегию на это изобретение.

Соприкоснувшись с горным делом, Фиоль познакомился с богатым горнопромышленником Яном Турзо, который владел медными и серебряными рудниками. Семья Турзо — выходцев из Словакии принадлежала к числу просвещенных промышленников. Сыновья Яна Турзо учились в Краковском университете, один из них стал впоследствии магистром философии и ректором университета, второй избрал духовную карьеру и стал епископом.

Турзо продавал медь в разные страны, в том числе у него были хорошо налаженные торговые связи с Московским государством. Предприимчивому горнопромышленнику пришла в голову мысль начать печатать богослужебные книги кирилловским шрифтом, которые могли иметь сбыт среди православного населения Польши, граничащего с ней Великого княжества Литовского, в землях Южных славян и конечно же в Московской Руси. Кирилловским шрифтом тогда еще не печатал никто, а потребность в таких книгах была большая.

Устройство типографии Турзо поручил Фиоль, которого знал как человека изобретательного, мастера на все руки.

Рукописные оригиналы для типографии были доставлены из Московской Руси. Возможно, их привезли торговые агенты Турзо, но существует и более интересное предположение — что оригиналы для первых печатных кирилловских книг в Краков прислал знаменитый московский архитектор Василий Дмитриевич Еролин.

Василий Еролин известен как строитель церкви Святого Афанасия и церкви Вознесенского монастыря в Кремле, трапезной в Троице-Сергиевом монастыре. Кроме того, он восстанавливал разрушившиеся древние храмы во Владимире и Юрьеве-Польском, то есть был одним из первых русских архитекторов-реставраторов. Известен он и как скульптор. В 1464 году на воротах Фроловской (ныне Спасской) башни было установлено скульптурное изображение святого Георгия (фрагмент этой скульптуры сейчас можно увидеть в Третьяковской галерее).

Еролин был образованным человеком и большим книголюбом, по его заказу была составлена летопись, которую называют Еролинской. Он состоял в приятельских отношениях и оживленной переписке с писарем Великого княжества Литовского — паном Якубом. В одном из писем пан

Якуб попросил Ермолина прислать ему русских книг, список которых прилагался. Ермолин отнесся к просьбе приятеля с большой ответственностью. В письме пану Якубу он сообщает, что на рынке требуемые книги имеются, но переписаны недостаточно хорошо — «не так сделаны, как тебе хочется», и предлагает заказать новые, качественные списки — «яз многим доброписцам велю таковы книги сделать по твоему приказу с добрых списков по твоему обычаю, как любит воля твоя». Среди книг, о которых идет речь, упоминаются Осьмогласник, Пролог и другие, то есть именно те, которые впоследствии были напечатаны Фиолем. Вряд ли это случайное совпадение.

Шрифт для типографии Фиоля изготовил студент Краковского университета, однокурсник одного из сыновей Турзо — Рудольф Борсдорф из Брауншвейга. Он занимался естественными науками, но одновременно имел склонность и к ремеслу, был знаком с литейным делом. В Краковском университете до сих пор хранится сделанная им астролябия. Рисунок шрифта был, вероятно, разработан мастером из южнорусского окружения Фиоля. Жившие в Кракове белорусы и украинцы стали редакторами, наборщиками, корректорами первой славянской типографии.

Две первые книги — Октоих и Часослов вышли в 1491 году. В кратких послесловиях указывается, что они напечатаны «в великом граде Кракове <...> мещанином краковским Швайпольтом Фиолем, из немец, немецкого роду». Издания подражают русским рукописям, отпечатаны в два цвета — черным и красным. Вероятно, не случайно первой книгой кириллической печати стал именно Октоих или Осьмогласник — сборник молитвословий, составленный Иоанном Дамаскином и некоторыми другими церковными писателями. По преданию, именно эта книга была первой переведена на славянский язык еще Кириллом и Мефодием.

Опыт оказался удачным. Агенты Турзо развозили книги по славянским странам, где их охотно покупали.

Но неожиданно типография привлекла внимание инквизиции, Фиоль был арестован. Что именно послужило причиной ареста — неизвестно. Высказывалось предположение, что католическая церковь с подозрением относилась к печатанию книг на старославянском языке, опасаясь восточнославянского влияния. Однако Турзо, используя свои связи в церковных кругах, вскоре добился освобождения Фиоля под залог в тысячу венгерских дукатов. Суд состоялся в марте 1492 года, Фиоль был оправдан и признан «правоверным и преданным католиком».

К тому времени были отпечатаны Триодь постная и Триодь цветная — сборники молитвословий, предназначенных для пения в церкви, один — во

время Великого поста, другой — во время Пасхальной недели. Опасаясь преследований церкви, Турзо и Фиоль выпустили их в свет анонимно, без выходных данных. Триодь цветная начиналась гравюрой с изображением распятия, отпечатанной с той же доски, что и для Октоиха, но поскольку формат Триоди был больше, Фиоль заполнил оставшееся пространство изображением ленточки, на которой было написано его имя. Чтобы сохранить анонимность, страницу с гравюрой вырвали. Единственный экземпляр, в котором гравюра почему-то уцелела, был найден в 1972 году в румынском городе Брашове.

После 1492 года Фиоль оставил типографскую деятельность. Он уехал в Силезию, затем в Венгрию, где занимался горным делом, служил управляющим шахтами. Под конец жизни он вернулся в Краков, где около 1525 года умер.

Иван Федоров мог встречаться с людьми, лично знавшими Фиоля, и слышать рассказы о первом кирилловском типографе из первых уст.

Слышал Иван Федоров и рассказы о другом знаменитом славянском типографе — Франциске Скорине, которого тоже помнили в Кракове, особенно в Краковском университете, студентом которого он когда-то был.

Франциск Скорина родился в белорусском городе Полоцке около 1490 года. Полоцк входил в состав Великого княжества Литовского и был крупным торгово-ремесленным центром. Отец Скорины — Лука был купцом, торговал кожами и мехами.

Скорина выучился грамоте в местной церковной школе, затем мог изучить латынь при католическом костеле Святого Франциска и Святого Бернарда, открытом в Полоцке в 1498 году.

В 1504 году он приехал в Краков и поступил в университет на факультет «свободных искусств», который закончил в 1506 году, получив степень магистра. Затем много путешествовал по Европе, расширяя свои знания в области философии и медицины. В 1512 году он приехал в Падую с целью получить степень доктора медицины. В церкви Святого Урбана состоялось заседание «Коллегии славнейших падуанских докторов искусств и медицины», на котором до сведения собравшихся доводилось, что «прибыл некий весьма ученый, бедный молодой человек, доктор искусств, родом из очень отдаленных стран», который просит учинить ему испытания в области медицины. Экзамен Скорина выдержал блестяще, степень была присвоена ему единогласно.

К тому времени у него уже созрела мысль о создании славянской типографии. Он переехал в Прагу — один из центров книгопечатания Восточной Европы — и стал готовить к изданию Библию. Книга выходила

частями: в 1517 году была издана Псалтырь, в 1517–1519 годах — еще 22 книги Ветхого Завета. Общее заглавие издания Скорины звучало так: «Библия Руска, выложена доктором Франциском Скориною из славного города Полоцка, Богу ко чти и людем посполитым к доброму научению». К отдельным частям Библии Скориной было написано 25 предисловий и 24 послесловия, книга богато иллюстрирована гравюрами, заставками, концовками, в числе гравюр — портрет самого Скорины.

Около 1520 года Франциск Скорина покинул Прагу и вернулся на родину. Он поселился в Вильне и организовал там еще одну типографию, из которой вышли в 1522 году «Малая подорожная книжица», в 1525-м — «Апостол». «Апостол» стал последней книгой Скорины. Вскоре в Вильне случился большой пожар, от которого выгорели две трети города. Возможно, по этой причине типография прекратила свою работу.

Отойдя от типографской деятельности, Скорина поступил на службу к виленскому епископу в качестве секретаря и врача. В середине 1530-х годов он навсегда покинул родину и переселился в Прагу. В последние годы своей жизни Скорина работал в королевском ботаническом саду. Умер он около 1551 года.

Существует гипотеза (однако большинство исследователей считают ее ничем не доказанной), что в конце 1520-х — начале 1530-х годов Скорина побывал в Москве и пытался наладить книгопечатание на русском языке.

Из всех предшественников Ивана Федорова Скорина был наиболее близок ему по духу. А. А. Сидоров писал о Скорине: «Он не предприниматель, как Фиоль, и не монах, как Макарий. Скорина — *издатель*, а не типографщик, не печатник, не работник станка. Он — ученый, интеллигент, писатель, переводчик, он — идеолог, редактор, языковед и общественный деятель. Он прежде всего патриот и просветитель».

Во времена Ивана Федорова в Кракове работало три типографии — Флориана Унглера, Матвея Шарфенберга и Иеронима Виетора. Живя в Кракове, Иван Федоров, несомненно, бывал во всех этих типографиях. Но непосредственно обучаться типографскому делу он мог, по мнению Е. Л. Немировского, скорее всего, в типографии Унглера. Флориан Унглер, немец из Баварии, переселился в Краков и в 1510 году основал здесь типографию. В типографии Унглера в 1514 году была издана первая печатная книга на польском языке. На связь нашего первопечатника с типографией Унглера указывает то, что одна из заставок, созданных впоследствии Иваном Федоровым, по орнаменту напоминает декоративное украшение «арабеску», использованную в одной из унгеровских книг.

Кроме того, некоторые исследователи усматривают сходство типографского знака, который стал использовать Иван Федоров, с гербом краковского воеводы Петра Кмиты и видят в этом еще одно подтверждение того, что Иван Федоров работал в типографии Унглера. Петр Кмита — большой любитель книг, покровитель поэтов и ученых, оказывал значительную поддержку типографии Унглера. Объяснить сходство типографского знака первопечатника с гербом краковского воеводы можно следующим образом. В те времена существовало право «адаптации», когда дворянин мог «приписать» к своему гербу человека незнатного происхождения, находившегося под его покровительством. Поскольку типография Унглера пользовалась покровительством Кмиты, то Иван Федоров, в числе прочих ее работников, вполне мог получить право использовать его герб. Правда, эта версия вызывает серьезное сомнение, так как типографский знак Ивана Федорова не в точности повторяет, а лишь напоминает герб Кмиты (так же как напоминает и герб рода Рагозы, о чем уже было сказано, когда речь шла о происхождении первопечатника).

Но, так или иначе, если принять за данность, что Иван Федоров жил в Кракове и был студентом Краковского университета, можно не сомневаться, что именно краковские типографы стали его первыми учителями в деле печатных книг.

ВРЕМЕНА МЕЖДУЦАРСТВИЯ

*Тогда народ, вишь, нáдво разделился...
Одни горланят: Телепня-Овчину!
Другие: Шуйских! и пошла катать!*

А. К. Толстой. Царь Федор
Иоаннович

Исходя из того, что Иван Федоров был удостоен звания бакалавра в 1532 году, следует предположить, что он уехал из Москвы в конце 1520-х годов, а вернулся во второй половине 1530-х. За это время Московское государство пережило немало потрясений. Покидал Россию Иван Федоров в правление великого князя Василия III, вернулся же в смутную эпоху междуцарствия.

Василий III скончался в декабре 1533 года.

Незадолго до смерти великого князя, в конце лета москвичи были напуганы грозным знамением: в ясный полдень солнце на небе вдруг потемнело, а верхушку солнечного диска срезало, будто ножом. Ждали беды, но дни шли за днями, а жизнь спокойно текла своим чередом.

25 сентября в день памяти святого Сергия Радонежского великий князь, как обычно, с женой и сыновьями — трехлетним Иваном и младенцем Юрием — отправился поклониться гробу Сергия в Троицкий монастырь, расположенный в семидесяти верстах от Москвы. Усердно помолившись, великокняжье семейство двинулось из монастыря в село Озерецкое близ Волоколамска, где Василий Иванович каждую осень тешился охотой.

Однако на сей раз ему не довелось предаться любимой потехе из-за внезапно приключившейся хвори. На правом бедре у князя образовалась язва величиной с булавочную головку. Поначалу недуг не казался опасным. Призванные лекари стали прикладывать к язве муку, смешанную с медом, и печеный лук. От этого язва воспалилась и стала причинять князю сильнейшую боль, так что он уже не мог подняться с постели. Василий Иванович решил вернуться в Москву. Его уложили в сани и медленно, шагом, чтобы не потревожить недужного, тронулись к Москве. Ехали долго, со многими остановками, иные из которых длились по две недели.

Великому князю становилось все хуже и хуже.

Водворившись в постельных покоях в Кремле, великий князь призвал своего любимого лекаря — немца Люева и сказал: «Много лет служишь ты мне верой и правдой. Я же всегда тебя жаловал и ничем не обидел. Скажи теперь без утайки — можешь ли ты исцелить мой недуг?» Лекарь печально покачал головой и ответил: «Государь! Велики твои благодеяния, оказанные мне, бедному иноземцу. Я никогда их не забуду. Но я не Бог, и не могу исцелить от смерти».

Василий Иванович понял, что дни его сочтены, и поспешил изъявить свою последнюю волю. Великокняжий престол он завещал трехлетнему Ивану, а опеку над юным князем и управление государством на время его малолетства поручил Совету из семерых своих приближенных. В этот Совет вошли: младший брат Василия III — Андрей Иванович князь Старицкий, дядя великой княгини Елены — Михаил Львович Глинский, князья Василий и Иван Шуйские, бояре Михаил Юрьев, Михаил Тучков и Михаил Воронцов.

«Служите сыну моему, как мне служили, — сказал им Василий III. — Да царствует он над землею; да будет в ней правда!» Затем особо обратился к Михаилу Глинскому: «Князь Михаил, за моего сына Иоанна и за жену мою Елену ты, если понадобится, должен охотно пролить всю свою кровь и дать тело свое на растерзание!»

К постели великого князя под руки привели рыдающую жену. Мамки принесли малолетних Ивана и Юрия, чтобы те могли проститься с отцом. «Государь мой, великий князь! — причитала Елена. — На кого меня оставляешь, кому, государь, детей приказываешь?» Князь отвечал: «Благословил я сына своего Ивана государством и великим княжением, а тебе по обычаю отцов наших назначил твой вдовый удел». Елена зарыдала еще горше. «Жалостно было видеть ее слезы и рыдания», — писал очевидец. Однако, как показало дальнейшее, честолубивая княгиня горевала не только о потере мужа, но и о том, что ей назначался лишь «вдовый удел», а не опека над сыном, дающая государственную власть, о которой она втайне мечтала.

В последние минуты жизни Василий III по княжескому обычаю принял монашество. Призванный митрополит совершил обряд пострижения, великого князя нарекли в монашестве Варлаамом — и он скончался.

Через несколько дней после его похорон трехлетнего Иоанна Васильевича торжественно венчали в Успенском соборе на великое княжение.

Назначенные Василием III семеро опекунов приступили к правлению. Главенствующее положение в Совете заняли князья Шуйские. Родовитостью не уступавшие великому князю, честолюбивые и надменные, они упивались полученной властью и боялись ее потерять.

В первые же дни своего правления они почувствовали угрозу со стороны младшего брата покойного Василия III — князя Юрия Дмитровского. Князь Юрий владел независимым Дмитровским княжеством и приехал в Москву на похороны брата. На Юрия поступил донос (по мнению большинства историков, ложный), что он намеревается посягнуть на великокняжеский престол и набирает себе сторонников.

Юрия схватили, заточили в темницу и уморили голодом.

Однако действительную опасность для власти Совета опекунов представлял не Юрий Дмитровский, а не связанный родством с царским домом, но приобретший большое влияние при дворе князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский.

Князь Овчина — доблестный воин и искусный царедворец — возглавлял Боярскую думу и был сердечным другом молодой вдовы — великой княгини Елены. Злые языки утверждали, что связь их началась еще при жизни Василия III, и называли Овчину истинным отцом будущего Ивана Грозного.

Два правительственных органа — Боярская дума и Совет опекунов вступили в конфликт. Боярская дума была недовольна главенствующей ролью Совета. Находившийся в то время в Москве польский агент рассказывал: «Бояре там едва не режут друг друга ножами; источник распрей — то обстоятельство, что делами заправляют лица, назначенные великим князем; главные бояре — князья Бельский и Овчина — старше опекунов по положению, но ничего не решают».

Опираясь на Боярскую думу и пользуясь своим влиянием на великую княгиню, Овчина-Телепнев-Оболенский меньше чем за год смог фактически ликвидировать Совет опекунов и вместе с Еленой стал правителем государства.

Уничтожение опекунского совета началось со ссоры между Овчиной и дядей великой княгини — Михаилом Глинским. Согласно рассказу современника, Михаил Глинский, недовольный греховной страстью Елены к Овчине-Телепневу-Оболенскому, потребовал, чтобы она порвала с любовником. Елена, дорожившая Овчиной и тяготившаяся властью опекунов, сделала вид, что верит ходившим слухам, будто бы ее дядя отравил Василия III, а саму Елену с сыновьями хотел выдать полякам. Несмотря на родство, она позволила Овчине заточить Глинского в темницу,

где тот вскоре умер.

Михаил Юрьев тоже был арестован, Михаил Воронцов выслан из Москвы.

Еще один член Совета опекунов Андрей Старицкий, младший брат покойного великого князя, почувствовав опасность, покинул Москву и уехал в свой удельный город Старицу. Однако Елена тоже опасалась своего деверя. По совету Овчины она потребовала возвращения князя Старицкого в Москву, намереваясь и его заключить в темницу. Князь Старицкий сказался больным. «Неужели велит государь влечь меня отсюда на носилках?» — писал он Елене. Однако сторонники Елены известили ее, что болезнь Андрея притворная и что он задумал бежать в Литву.

Это уже расценивалось как государственная измена. В Старицу было отправлено войско, чтобы захватить князя, как преступника.

На свою беду Андрей Старицкий, желая показать свою покорность юному великому князю, незадолго до этого отправил на государеву службу почти все свои полки и остался без всякой защиты.

Узнав о приближении правительственных войск, князь Андрей с женой и сыном бежал из Старицы в Торжок и попытался взбунтовать новгородцев. «Князь великий мал, — заявил он, — держат государство бояре, а яз готов вас жаловати». Однако очень немногие согласились поддержать Старицкого князя.

Князь Андрей вывел свое немногочисленное войско против явно превосходящего по силе войска Овчины, но вступить в бой не решился, а начал переговоры.

Овчина от лица Елены и юного великого князя торжественно пообещал ему помилование, если он лично покается перед невесткой. Князь Старицкий отправился в Москву. Однако Елена вероломно заявила, что Овчина обещал князю помилование, не спросив ее согласия. Андрей Старицкий был заточен в тюрьму, где через полгода скончался.

Таким образом, большая часть Совета опекунов была ликвидирована. Оставшиеся его члены утратили всякую власть. Наступило время правления Елены Глинской и Овчины-Телепнева-Оболенского.

Правление это было ознаменовано рядом достаточно значительных государственных мероприятий. При Елене Глинской была произведена денежная реформа. (В частности, именно тогда монеты с изображением всадника, вооруженного саблей — «сабляницы», были вытеснены монетами с изображением всадника с копьем — «копейками».)

Во время правления Елены в Москве побывали послы шведского короля Густава Вазы и было заключено шестидесятилетнее перемирие со

Швецией, кроме того, были упрочены связи России с Ливонией, Молдавией, Ногайским и Астраханским ханствами.

При Елене же Глинской в Москве в 1535–1538 годах возвели вторую линию укреплений — Китайгородскую стену, включившую в себя Великий посад.

Бояре ненавидели Елену, называли ее чародейкой. Когда в 1538 году она умерла, ходили слухи, что ее отравили. Карамзин пишет: «Бояре и народ не изъявили, кажется, ни самой притворной горести». Оплакивали княгиню только сын и Овчина.

После смерти Елены власть вернулась в руки оставшихся в живых членов опекунского совета — князей Шуйских, бояр Юрьева и Тучкова.

Шуйские принадлежали к одному из старейших и знатнейших боярских родов. Юрьев и Тучков не обладали равной им знатностью, а выдвинулись благодаря своим заслугам перед Василием III. Шуйские отправили в ссылку Тучкова, а его племянник Юрьев вскоре умер.

Шуйские стали фактическими правителями государства. Первым делом они расправились с ненавистным им Овчиной. На седьмой день после кончины Елены Овчина был схвачен и заточен в тюрьму. Его сестра — Агриппина Челяднина, мамка Ивана — была сослана в Каргополь, хотя юный великий князь со слезами и воплями требовал не лишать его мамки, к которой он был привязан, почти как к матери. Овчина в тюрьме был уморен голодом.

Приход к власти Шуйских вызвал новую распрю между боярами. Одно из главенствующих мест в Боярской думе занимали бояре Бельские, не уступавшие Шуйским в знатности.

Однако еще в начале правления Елены Глинской один из Бельских — Семен — навлек на себя подозрения в сочувствии планам Юрия Дмитровского и, страшась наказания, бежал в Литву. Его брат Иван был заключен в тюрьму, и только старший из братьев — Дмитрий был признан невиновным и оставался в Думе.

Поначалу Шуйских и Бельских объединяла общая ненависть к Елене Глинской. После ее смерти Шуйские освободили Ивана Бельского из заточения. Но вскоре между Шуйскими и Бельскими начались «многие вражды за корысти и за родственников». Иван Бельский выказал притязания на власть, но по распоряжению Шуйских был вновь заточен в тюрьму, его сторонники отправлены в ссылку, а один из них — дьяк Федор Мишурин казнен. Таким образом Шуйские показали, что власть их беспредельна и что они могут казнить и миловать, не спрашивая государя.

В это время скончался старший из князей Шуйских — князь Василий

Васильевич, младший его брат Иван продолжал борьбу против Бельских. Поддерживающий Бельских митрополит Даниил был низложен и сослан в монастырь. На его место Шуйские посадили игумена Троицкого монастыря Иоасафа Скрипицына.

Митрополит Иоасаф Скрипицын обратился с ходатайством к самому великому князю, и Иван Бельский был освобожден. Торжественно именем великого князя его вывели из тюрьмы. Правление перешло к Бельским и митрополиту Иоасафу.

Деятельность Ивана Бельского во время его правления многие историки оценивают положительно. «Князь Иван Бельский, будучи душою правительства, стоял на высшей ступени счастья, опираясь на личную милость державного отрока, уже зреющего душою <...> на успехи оружия, на дела человеколюбия и справедливости. Совесть его была спокойна, народ доволен», — пишет Карамзин.

Однако Шуйские готовили новый заговор.

Бельский, проявив великодушие, ничего не предпринял против Ивана Шуйского и даже дал ему воеводство, отправив с полками во Владимир. Получив в свое распоряжение большое войско, Шуйский двинулся на Москву. В ночь со 2 на 3 января 1542 года Иван Бельский был схвачен, отправлен в Белоозеро и там тайно убит.

Шуйские снова пришли к власти. Они низложили митрополита Иоасафа. Бунтовщики окружили митрополитовы кельи, бросали в окна камнями.

Митрополит, едва избежав смерти, скрылся на Троицком подворье, находившемся в Кремле. Игумен Троице-Сергиева монастыря Дмитрий Палецкий смог защитить свергнутого митрополита только именем святого Сергия.

Новым митрополитом был назначен Макарий, который впоследствии сыграл заметную роль в судьбе Ивана Федорова.

Шуйские во второй раз оказались правителями страны. Юный великий князь в полной мере испытал их пренебрежительное отношение. Много лет спустя Иван Грозный вспоминал: «Бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель покойного отца и положив ноги на стул, а на нас и не смотрит».

Уже в детстве будущий грозный царь проявлял свой неуравновешенный, жестокий нрав. Шуйские поощряли дурные наклонности государя, которые вскоре обратились против них самих.

«Шуйские, — писал Н. М. Карамзин, — <...> старались привязать к себе Иоанна исполнением всех его детских желаний; непрестанно

забавляли, тешили во дворце шумными играми, в поле звериною ловлею; питали в нем склонность к сластолюбию, даже к жестокости <...> Они не думали толковать ему святыя обязанностей Венценосца, ибо не исполняли своих; не пеклись о просвещении юного ума, ибо считали его невежество благоприятным для их властолюбия; ожесточали сердце, презирали слезы Иоанна о князе Телепневе, Белье ком, Воронцове, в надежде загладить свою дерзость угождением его вредным прихотям <...> Шуйские хотели, чтобы великий князь помнил их угождения и забывал досады; он помнил только досады и забывал угождения».

На юного князя начинают приобретать влияние его дядья — Глинские, ненавидевшие Шуйских. Они внушали племяннику, что наступило время свергнуть власть Шуйских. Митрополит Макарий советовал то же.

Осенью по обычаю Иван ездил в Троицкий монастырь, затем на охоту в Волок Дамский. Отпраздновали Рождество.

Великий князь созвал бояр и в первый раз объявил им свою волю. Исчислил вины Шуйских, которые, пользуясь его малолетством, грабят землю, убивают людей, творят самоуправство и беззаконие, сказал, что виноваты все Шуйские, и повелел казнить самого виновного — Андрея. Его тут же схватили псары, выволокли во двор и растерзали. «Шуйские и друзья их безмолвствовали, народ изъявил удовольствие», — пишет Карамзин.

«С того времени бояре начали иметь страх от государя», — говорится в летописи.

Взбалмошный, жестокий от природы и озлобленный обстоятельствами подросток стал правителем государства. Великий князь предпринимает поездки по своей стране, но, как писал Карамзин, единственно ради развлечения, а «не для наблюдений государственных, не для защиты людей от притеснения корыстолюбивых наместников... Окруженный сонмом бояр и чиновников, не видал печалей народа и в шуме забав не слышал стенаний бедности; скакал на борзых ишаках и оставлял за собою слезы, жалобы, новую бедность; ибо сии путешествия государевы, не принося ни малейшей пользы государству, стоили денег народу, двор требовал угощения и даров».

ХРАМ СВЯТОГО НИКОЛЫ ГОСТУНСКОГО

*...Егда кто Николая любит,
Егда кто Николаю служит,
Тому святой Николае
На всяк час помогает.*

Духовный стих

Неизвестно, какой именно этап противостояния боярских группировок застал вернувшийся в Москву Иван Федоров.

Борьба между боярами сотрясала всю Москву, ее отголоски были хорошо слышны всем без исключения. Несомненно, Иван Федоров, как и все простые москвичи, с тревогой и нетерпением ожидал известий о последних событиях при великокняжьем дворе, обсуждал их с соседями и знакомыми, гадал, к добру или к худу может привести та или иная перемена.

(Но его обычная, повседневная жизнь, независимо от политических катаклизмов, текла своим чередом.)

Ивану Федорову в то время было около двадцати пяти — тридцати лет. Вернувшись в Москву, он принял сан дьякона, а перед этим — женился. Женидьба была непременным условием получения сана, ибо по законам православной церкви священнослужитель всякого чина должен был непременно состоять в браке. О жене Ивана Федорова не сохранилось никаких сведений, неизвестно даже ее имя. Вероятно, брак долгое время был бездетным или рождавшиеся дети умирали во младенчестве, поскольку единственный сын Ивана Федорова, дальнейшая судьба которого известна, тоже Иван, родился только в середине 1550-х годов.

Местом дьяконской службы Ивана Федорова стал храм Святого Николы Гостунского в Кремле. Трудно сказать, было ли назначение будущего первопечатника именно в этот — кремлевский — храм знаком отличия. Кремль в те времена не противостоял остальному городу, внутри кремлевских стен наряду с представителями государственной и церковной власти — великим князем и митрополитом жили люди самого разного

состояния — бояре, купцы, их многочисленная дворня, так что приходы большинства церквей в Кремле не слишком отличались от приходов церквей за его пределами.

Дьяконство в храме Николы Гостунского — первый достоверный, документально зафиксированный факт из жизни первопечатника, причем сообщенный им самим — в послесловии к «Апостолу» Иван Федоров называет себя «Николы чудотворца Гостунского диакон».

Храм Николы Гостунского располагался близ Ивановской площади, по левой стороне улицы, идущей от Фроловских ворот к колокольне Ивана Великого.

Изначально этот храм, заложенный в 1477 году, был построен из дерева. Предание рассказывает, что во времена татаро-монгольского ига на месте будущего храма находилось Ордынское подворье, на котором жили представители золотоордынского хана, наблюдавшие за всем, что происходило в Москве, и доносившие об увиденном своему господину. Жена Ивана III, византийская царевна Софья Палеолог, посчитала присутствие соглядатаев близ великокняжьего дворца оскорбительным для великого князя и придумала дипломатичный способ избавиться от соседства с ордынцами. Она отправила лично от себя посольство в Золотую Орду к ханской жене с богатыми дарами и письмом. В письме великая княгиня просила ханшу уступить ей землю Ордынского подворья в обмен на строения, расположенные в другом месте. Свою просьбу Софья объяснила тем, что во сне ей явился Николай-угодник и повелел построить храм именно там, где сейчас стоит Ордынское подворье. Ханша убедила мужа уважить просьбу великой княгини, строения Ордынского подворья снесли, а на их месте построили деревянный — из елового леса — храм во имя святого Николая-угодника. Поскольку храм строился по инициативе великой княгини, особый интерес к постройке проявили женщины, на строительство они пожертвовали много льна и домотканых полотен, из-за чего храм получил народное прозвание Николы Льяного.

В 1506 году Василий III повелел заложить на месте деревянного храма новый — из кирпича. Кирпичная постройка была возведена всего за девять недель. Великий князь поставил в новом храме чудотворную икону Николы Гостунского, привезенную из села Гостуни близ Калуги и по великокняжьему распоряжению украшенную золотом и драгоценными камнями. Василий особенно почитал эту икону и, умирая, пожелал, чтобы именно ею митрополит благословил его перед смертью. По этой иконе храм стали называть храмом Николы Гостунского^[2].

Храм пользовался большой популярностью среди москвичей, от

чудотворной иконы многие страдающие разными недугами получали исцеление; кроме того, Николу Гостунского почитали покровителем вступающих в брак, и помолиться ему приходили сговоренные женихи и невесты со всей Москвы. К храму по тогдашнему обычаю были приписаны свои, «записные» нищие — двенадцать поповских вдов. Протопопом — главным священником храма — был отец Михаил, человек образованный и любящий книги, вероятно, у Ивана Федорова сложились с ним дружеские отношения.

Иван Федоров исправно исполнял свои дьяконские обязанности.

Дьякон (по-гречески это слово означает «служитель») должен был помогать — «сослужить» — священнику. Второстепенная, вспомогательная роль дьякона подчеркивалась еще во время обряда посвящения в сан: во время этого обряда будущий дьякон должен был стоять у Святого престола на одном колене, в знак того, что его служение вдвое менее ответственно, чем служение священника. Тем не менее круг обязанностей дьякона был обширен и разнообразен. Иван Федоров помогал отцу Михаилу в храме, вероятно, исполнял должность школьного учителя, мог заниматься переписыванием богослужебных книг.

Должно быть, в это время произошло знакомство Ивана Федорова с митрополитом Макарием, одним из образованнейших людей своего времени, страстным любителем книг, впоследствии одним из самых энергичных сторонников печатного дела на Руси. Поначалу скромный дьякон мог попасть в поле зрения могущественного митрополита лишь в силу территориальной близости храма Николы Гостунского к митрополичьему двору; но со временем митрополит оценил ум, образованность и способности Ивана Федорова, их сблизил интерес к книжному делу, и не исключено, что Макарий привлек Ивана Федорова к работе над созданием грандиозного литературно-исторического труда — двенадцатитомных Великих Четых миней.

Минеями (от греческого «миней» — «месяц») называли собрание религиозных текстов, расположенных в соответствии с церковным календарем и предназначенных для ежедневного чтения на протяжении всего года. Макарий, по его собственным словам, намеревался объединить в этом труде «все книги чтомые, которые в Русской земле обретаются». Конечно, митрополит несколько преувеличивал свои возможности, но тем не менее Великие Четьи миней по праву называют «энциклопедией» тогдашней русской церковной письменности. В их состав вошли фрагменты из Ветхого Завета, четыре Евангелия с толкованиями, послания и деяния Апостолов, Псалтырь, жития святых и многие другие тексты.

Этот труд был начат Макарием задолго до его приезда в Москву и принятия митрополичьего сана. Хотя Макарий был уроженцем Москвы, но в молодости он покинул столицу, принял постриг в Боровском Пафнутьевом монастыре, а затем уже в зрелых годах стал игуменом Лужецкого монастыря в Можайске. Этот монастырь часто посещал Василий III, с большим уважением относившийся к Макарию. По желанию великого князя Макарий занял новгородскую архиепископскую кафедру и занимал ее на протяжении шестнадцати лет.

Именно в Новгороде по инициативе и под руководством Макария началось создание Великих Четых миней. Для работы Макарий собрал кружок образованных и талантливых людей, в который входили такие выдающиеся личности, как писатель Ермолай-Еразм, дипломат Дмитрий Герасимов, ученый серб Лев Филолог. Митрополит усердно разыскивал подходящих людей в самых разных слоях общества. Так, когда в Новгород из Москвы был прислан для сбора ратных людей боярский сын — «храбрый воин» Василий Тучков, Макарий, узнав, что тот «из детства навыв св. Писанию», привлек и его к работе.

Работа продолжалась двенадцать лет. В предисловии к Великим Четым минеям Макарий писал: «А писал есмь сия святыя великия книги <...> и собирал, и в единое место их совокуплял двенадцать лет многим именем и многими различными писари». Первая редакция была завершена в Новгороде в 1541 году и получила название «Софийский комплект», поскольку Макарий вложил его в храм Святой Софии Новгородской на помин души своих родителей.

9 марта 1542 года, в разгар борьбы между боярскими группировками, шестидесятилетний Макарий прибыл в Москву и через десять дней был возведен на митрополичий престол. Хотя он и был ставленником Шуйских, опала, которой были подвергнуты честлюбивые бояре, не коснулась митрополита. Человек безусловно честный и добросовестный, умеющий во всем придерживаться золотой середины и не впадающий ни в какие крайности, он пользовался большим авторитетом среди духовных и светских лиц и неизменным уважением Ивана Грозного.

В Москве Макарий продолжил работу над Великими Четыми минеями, которые были здесь значительно расширены и дополнены. В них вошли жития целого ряда святых, почитавшихся на Руси лишь в отдельных местностях, но не канонизированных официальной церковью — Петра и Февронии Муромских, Стефана Пермского, Александра Свирского и др. Под руководством Макария была проведена их официальная канонизация. Причисление к лику святых таких чисто русских, любимых народом

праведников и подвижников стало одним из проявлений роста национального самосознания, столь характерного для эпохи, но при этом оно имело не только духовное, но и политическое значение, наглядно продемонстрировав объединение отдельных областей Руси под общей государственной властью.

К написанию житий новых святых для Великих Четых миней Макарий привлек многих московских образованных людей, в числе которых, возможно, был и Иван Федоров. Тут-то могли пригодиться и его обширные познания, и хороший слог, и мастерство доброписца. Новая редакция Великих Четых миней была переписана в двух экземплярах. Один из них, впоследствии получивший название «Успенский комплект», Макарий в 1552 году вложил в Успенский собор Московского Кремля, второй — «Царский комплект» — в 1554 году преподнес Ивану Грозному.

По инициативе и при участии Макария были созданы и другие монументальные рукописные труды. На протяжении 1540—1560-х годов создавался Большой Лицевой (то есть иллюстрированный) летописный свод, охватывающий огромный временной период — от Сотворения мира до середины царствования Ивана Грозного. Этот труд состоит из десяти томов, включает в себя около девяти тысяч листов, украшен шестнадцатью тысячами иллюстраций-миниатюр. Макарий был инициатором также создания «Степенной книги», представляющей собой попытку систематического изложения русской истории. «Степенная книга» разделена на семнадцать «степеней» и охватывает время от княжения Святого Владимира — крестителя Руси до Ивана IV. Она была составлена между 1560 и 1563 годами духовником Ивана Грозного Андреем, который впоследствии под именем Афанасия стал преемником Макария на митрополичьем престоле.

Не исключено, что и в этих трудах, так или иначе, принимал участие Иван Федоров.

ВОЦАРЕНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

*Когда воссияло солнце красное,
Тогда воцарился наш Грозный царь.
А и грозен Иван, сударь, Васильевич,
А и того царя грознее не было...*

Историческая песня

Служба в кремлевском храме и жизнь в Кремле давали Ивану Федорову возможность быть непосредственным свидетелем всех основных событий тогдашней церковной и государственной жизни. Так, 16 января 1547 года Иван Федоров, несомненно, присутствовал на церемонии венчания на царство шестнадцатилетнего Ивана Грозного.

И дед Ивана Грозного — Иван III, и отец — Василий III именовали себя царями, но официально носили титул великих князей Московских, Иван IV первым из русских правителей официально принял титул «царя и великого князя всея Руси».

Слово «царь» представляет собой русское произношение слова «цезарь», так именовали себя римские императоры. Как уже было сказано, после женитьбы Ивана III на Софье Палеолог, московские цари стали считать себя преемниками византийских, а стало быть, и римских императоров-цезарей, но в начале XVI века широкое распространение получила политическая легенда, возводящая род Рюриковичей к роду римских императоров уже не через брак с византийской царевной, а напрямую. Согласно этой легенде, Август — римский цезарь, подчинивший себе весь мир, отдал во владение своему младшему брату — Прусу — далекие земли, лежащие по берегам реки Вислы. По имени Пруса земли эти стали называться Пруссией. По соседству с Пруссией лежали земли славян, и в славянском городе Новгороде жил мудрый муж по имени Гостомысл, который был там воеводою. Приближаясь к концу своей жизни, Гостомысл посоветовал новгородцам призвать себе в правители князя из Прусской земли. На призыв новгородцев откликнулись трое потомков Пруса — братья Рюрик, Синеус и Трувор. Они стали первыми русскими князьями, и от старшего из братьев — Рюрика и пошла династия Рюриковичей.

Как мы помним, Иван Грозный был венчан на великое княжение Московское трехлетним ребенком, теперь же, шестнадцатилетним юношей, он венчался на царство. По мнению некоторых исследователей, идея эта принадлежала митрополиту Макарию, который был не только церковным, но и политическим деятелем и понимал, что царский титул, принятый правителем России, значительно поднимет ее международный престиж. Митрополитом Макарием была разработана торжественная церемония венчания, и именно он изложил легенду о происхождении рода Рюриковичей от Пруса в качестве вступительной статьи к «Чину венчания» Ивана IV на царство. Однако эта легенда была далеко не единственной, обосновывающей право Ивана Грозного на царский титул: многие тогдашние государственные деятели и писатели измышляли цветистые истории, объясняющие, почему пришло время великому князю Московскому объявить себя царем.

Церемония венчания Ивана Васильевича на царство запомнилась москвичам надолго.

*

Утром 19 января 1547 года Иван Федоров стоял на Соборной площади среди празднично одетой толпы.

Еще не совсем рассвело, дул холодный ветер, по небу неслись рваные облака. Слуги торопливо расстилали по снегу алое сукно — от государева крыльца до входа в Успенский собор. Дьяк, ведавший дворцовым хозяйством, суетился и покрикивал на слуг.

Толпа сдержанно гомонила, охваченная радостно-тревожным ожиданием. Всем предстояло зрелище, доселе невиданное.

Гулко зазвонили колокола на Ивановской звоннице. Тяжелые двери государевых покоев медленно распахнулись, на крыльце появился государев духовник — величавый и осанистый протоиерей Благовещенского собора. В руках он держал тяжелое золотое блюдо, на котором сверкала драгоценными камнями золотая шапка, опушенная собольим мехом, рядом с шапкой возлежал так же богато изукрашенный крест и еще какие-то красивые и дорогие вещи.

Благовещенский протоиерей стал медленно спускаться по ступеням, за ним, с почтительно-торжественным выражением на лицах шли бояре и дьяки.

В толпе вытянули шеи, стараясь получше разглядеть золотое блюдо.

Мальчишка лет тринадцати, стоявший рядом с Иваном Федоровым, восторженно присвистнул:

— Ух ты, красота какая!

На мальчишку зашикали.

Тот смутился и шепотом спросил Ивана Федорова:

— Отец дьякон, а что это такое?

Иван Федоров так же шепотом ответил:

— Это — Мономахова шапка, скипетр, держава, крест и бармы.

Потому видя, что мальчишка ничего не понял, стал объяснять:

— Триста лет тому назад княжил в Киеве великий князь Владимир.

— Тот, который Русь окрестил?

— Нет, его праправнук. И вот, задумал князь Владимир воевать Царьград. Собрал он большое войско и отправил в греческие земли. У самого Владимира было много дел на Руси, поэтому он остался в Киеве, но и без него русские воеводы стали брать греческие города один за другим. А в Царьграде в то время правил царь Константин, по прозванию Мономах, что значит единоборец. Созвал он своих советников, стали они думать, как отразить нападение. Думали-думали и решили, что воевать с Русью грекам не по силам, лучше заключить с нею мир. Отправил царь Константин в Киев к князю Владимиру послов с богатыми дарами, и были среди тех даров знаки его царской власти: драгоценная шапка, крест и золотая цепь — бармы. Долго плыли послы по морю и наконец прибыли в Киев. Возложил митрополит на голову князю Владимиру царскую шапку, надел на шею цепь и крест, и стал князь Владимир именоваться Мономахом. Но тогда Русь не была еще царством. Поэтому, умирая, князь Владимир передал знаки царской власти своему шестому сыну — Георгию Владимировичу и велел тайно хранить их, а перед смертью передать своему сыну, чтобы переходили они из поколения в поколение, пока не пошлет нам Господь правителя, достойного стать царем.

Мальчишка слушал рассказ Ивана Федорова, будто сказку, и Иван Федоров невольно подумал, что иные ученые люди считают это предание не слишком достоверным. Но оно было складным, красивым и как нельзя лучше подходило к торжественному моменту.

Колокола зазвонили еще громче, на крыльцо вышел сам великий князь со свитой. Он окинул толпу настороженным и в то же время повелительным взглядом, толпа разразилась приветственными криками.

Торжественная процессия по устланной алым сукном дорожке двинулась в Успенский собор. Толпа повалила следом. Кто смог, заполнили собор, кому не хватило места — остались ждать снаружи. Ивану

Федорову повезло, он оказался в первых рядах и с любопытством наблюдал за тем, что происходило дальше.

В соборе уже ждал митрополит Макарий. Иван Федоров заметил, что старик взволнован, хотя и старается не показывать вида. Великий князь приложился к иконам, подошел к Макарию за благословением.

Отслужили молебен. Великий князь истово крестился и клал земные поклоны. Жесткая золотая парча великокняжеского парадного одеяния отражала пламя свечей, огненные блики играли на лице великого князя, заостряя его юношеские черты и придавая им зловещее выражение.

Иван Васильевич поднялся по двенадцати ступеням на амвон и сел на приготовленное для него сиденье, покрытое золотыми паволоками, митрополит занял такое же сиденье рядом. Перед амвоном стоял аналой, на котором разместилось блюдо с Мономаховой шапкой, крестом и бармами. Архимандриты приблизились к аналою и стали передавать митрополиту знаки царской власти.

Митрополит и великий князь встали, Макарий возложил на Иоанна Васильевича крест, бармы и золотую шапку. При этом митрополит громогласно молился, чтобы Всевышний оградил государя от бед, наделил его сиянием добродетели, сделал его грозным для непокорных и милостивым для послушных.

Грянул многоголосый хор, провозглашая новому государю многия лета. Иоанн Васильевич стоял, вскинув голову в тяжелой золотой шапке, и торжествующе улыбался.

Затем государь слушал Литургию, а по окончании ее отправился во дворец.

При выходе из Успенского собора произошла заминка. Когда государь в сопровождении свиты спускался с крыльца, дядя государя — Глинский вдруг остановился и, ухватив за рукав ближайшего к нему боярина, что-то встревоженно ему зашептал. Боярин заозирался по сторонам и указал на младшего брата государя — глухонемого Юрия Васильевича. Кто-то передал Глинскому большую изукрашенную чернью миску, полную серебряных монет, тот сунул ее в руки Юрию и стал знаками объяснять, что тот должен делать.

Юрий кивнул и, зачерпнув полной горстью серебряные монеты, стал осыпать ими государя, который уже сходил с нижних ступеней. Монеты раскатились по земле, толпа бросилась их ловить.

Одна монетка упала прямо к ногам Ивана Федорова, он поднял ее и подумал: «Наудачу!» Но тут же устыдился такого суеверия, неподобающего духовному лицу.

НАЧАЛО НОВЫХ ПЕРЕМЕН

*Мудрый муж, аще и раб, и нищ, имея страх Божий,
лучше царя.*

«Наставление отца к сыну»

Вскоре после венчания на царство Иван Грозный женился на Анастасии Романовой из рода Захарьиных-Юрьевых. Царица была хороша собой, обладала кротким нравом и, по мнению современников и историков, оказывала благотворное влияние на мужа, смирняя его природное жестокосердие и сдерживая порывы гнева. Народ исполнился надежд на спокойное царствование и доброго государя.

Но уже первый год правления Ивана Грозного был омрачен бедствиями. Летом 1547 года в Москве вспыхнул пожар. Карамзин пишет: «Летописи Москвы часто говорят о пожарах, называя иные *великими*; но никогда огонь не свирепствовал в ней так ужасно, как в 1547 году». Этому — великому — пожару предшествовали два других, поменьше, случившиеся в апреле. Причиненные ими разрушения были очень сильны: выгорел Китайгород, погорели дома от Ильинских ворот до Москвы-реки, сильно пострадало от огня Заяузье. Одна из кремлевских башен, в которой хранился порох, взорвалась и вместе с частью кремлевской стены обрушилась в Москву-реку, преградив ее течение грудой битого кирпича.

Однако худшее было еще впереди.

*

Изнуряюще жаркий летний день клонился к вечеру. Солнце медленно уходило за горизонт, в багровом закатном небе тревожно клубились темно-синие тучи.

На паперти церкви Воздвижения, что на Арбате, обхватив руками костлявые колени, сидел юродивый блаженный Василий и, глядя на закат, горько плакал. Крупные слезы катились из его прозрачных, обращенных к небу глаз, текли по иссохшим морщинистым щекам и терялись в нечесаной бороде. Он всхлипывал, раскачивался из стороны в сторону и бормотал:

— Ох, беда, беда! Огонь и бунт, грабеж и смертоубийство!

Прохожие замедляли шаги, вслушивались в бормотанье юродивого и в страхе говорили:

— Не зря блаженный плачет. Ждут нас великие несчастья.

А ночью в церкви Воздвижения сквозняком опрокинуло свечку, горевшую перед иконой Богородицы. Загорелись от той свечки деревянный пол и стены, вспыхнула вся церковь. Ветер перекинул огонь на соседние улицы, в мгновение ока запылали Кремль и Китайгород, и вскоре вся Москва была полна ревущего огня и черного дыма.

Иван Федоров бежал к храму Николы Гостунского. Деревянная дверь была распахнута, огонь стремительно пожирал толстые доски. Раскалившиеся кованые жуковины светились мрачным темно-красным светом. Горела и деревянная кровля. Охваченный огнем купол с высоким крестом медленно кренился набок.

В растерянности и ужасе стоял Иван Федоров, не зная, что делать.

Вокруг темными тенями метались люди, пытавшиеся спасти хоть что-то из своего добра, голосили женщины, плакали дети.

Поп Михаил, задыхаясь, схватил Ивана Федорова за плечо:

— Надо уходить, дьякон! Ничего не спасешь — ни икон, ни книг.

Вдруг кто-то закричал:

— Митрополит остался в Успенском соборе!

Деревянные паперти Успенского собора тоже горели, сквозь черный дым едва были видны его белые стены.

Макарий, стоя на коленях перед образом Успения, громко молился. Его подхватили под руки, силой подняли с колен и вывели из собора.

Старик был почти без чувств. Пробраться к воротам не было уже никакой возможности.

— Тайник! — воскликнул митрополичий ключник Севастьян.

Его сразу поняли. Все устремились к южной стене, чтобы вывести митрополита подземным ходом, начинающимся на дне сухого колодца внутри Тайницкой башни и ведущим за Москву-реку. Но подземный ход уже был полон дыма.

Митрополита обвязали веревкой и стали спускать с башни. Когда до земли оставалось еще более двух аршин, веревка оборвалась, Макарий упал на землю и остался лежать неподвижно.

— Владыко, ты жив? — закричал Иван Федоров.

Макарий шевельнулся.

— Жив, — ответил он слабым голосом, — только расшибся.

К митрополиту уже спешили люди. Его уложили в повозку и увезли в Новоспасский монастырь.

К вечеру огонь уничтожил все, что мог и, не найдя себе более пищи, сам собою угас.

Государева комната в Кремлевском царском дворце пострадала менее других. Лишь стены ее покрылись черной копотью да свинцовые оконные переплеты расплавились и выпали из окон вместе со вставленными в них кусочками прозрачной розоватой слюды. Сквозняк гулял по всему дворцу, хлопал незапертыми дверями, шевелил обгоревшие лохмотья алого сукна на стенах, кружил в воздухе черные хлопья сажки.

Государь Иван Васильевич быстрыми шагами ходил из угла в угол. Царица Анастасия тихо плакала и молилась перед иконой. Бабка царя, старая княгиня Анна Глинская, опершись на клюку, мрачно смотрела в окно на дымящиеся развалины.

Приближенные бояре в тревоге следили за царем. Ивану Васильевичу было в то время семнадцать лет, царствовал он первый год, но уже не раз успел проявить свой свирепый нрав. Все помнили, как юный царь приказал палить огнем бороды псковским челобитчикам перед своим крыльцом, и лишь неожиданно упавший с колокольни колокол отвлек внимание государя и избавил несчастных от жестокой смерти.

Царь резко остановился.

— Не хочу здесь оставаться, — его передернуло. — Едем в Воробьевский дворец.

В сумерках по разоренным московским улицам в сторону Воробьевых гор потянулся царский поезд.

Среди обгоревших развалин, словно тени, бродили погорельцы, пытаясь отыскать остатки своего имущества.

Женщина с опаленными волосами сидела на пепелище своего дома и плакала.

— Господи, — причитала она, — за что ты нас наказываешь?!

Угрюмый чернобородый мужик, оглядевшись по сторонам, тихо сказал:

— Это не Господь. Это колдовство.

— Колдовство? — женщина вздрогнула и перекрестилась.

— Да не кричи ты! Это дело тайное. — И мужик зашептал ей в самое ухо: — Бабка царя, княгиня Анна Глинская, вынимала сердца из мертвых, клала их в воду и той водой кропила улицы. Оттого и загорелось.

— Ты сам видел? — замирающим шепотом спросила женщина.

— Сам не видел, но от верных людей слыхал. Глинские во всем виноваты.

В это время с ними поравнялся царский поезд. Женщина вдруг

вскочила и, отчаянно закричав: «Глинские во всем виноваты!» — бросилась наперерез. Царский кучер хлестнул ее кнутом. Она упала, выкрикивая какие-то угрозы и проклятия.

Неведомо откуда собралась толпа, пронесся глухой ропот:

— Глинские во всем виноваты!

Царь приказал кучеру погонять быстрее. К ночи прибыли в Воробьевский дворец и, усталые, улеглись спать.

Но царю не спалось. Чуть закрывал он глаза, начинал полыхать перед ним огонь от земли до неба и чей-то суровый голос грозил ему вечным проклятием.

Поутру из Москвы прискакал гонец. Он привез тревожные вести: народ взбунтовался, дядю царя Юрия Глинского убили, дом его разграбили, и сейчас возмущенная толпа идет сюда требовать выдачи старой княгини Анны.

Горестно заплакала добрая царица Анастасия, а царь приказал устанавливать пушки.

Скоро к Воробьевскому дворцу подошла огромная толпа народа.

— Выдай княгиню Анну, государь!

— Она лишила нас крова!

— Она погубила наших детей!

Царь подал знак пушкарям, в воздухе засвистели ядра. Повалились на землю убитые, послышались вопли раненых.

— Хватать бунтовщиков, казнить их на месте! — кричал царь.

Царская стража ринулась на толпу. Многих похватили и тут же учинили над ними скорую расправу. Остальные обратились в бегство.

Царь мрачно расхохотался:

— Вот и конец бунту! Теперь надо зачинщиков отыскать. — Он сжал кулаки. — Узнают они, каков царь Иван Васильевич!

Вдруг, как из-под земли, появился перед ним человек. Был он росту исполинского, глаза его горели грозным огнем, как у древнего пророка. В одной руке держал он Священное Писание, другой указывал на небеса.

Царь вздрогнул и отступил назад.

Неизвестный заговорил, и голос его был, как раскаты грома.

— Суд Божий гремит над твоей головой, царь легкомысленный и злострастный! Огонь небесный испепелил Москву. Вышняя сила взбунтовала народ и исполнила гневом сердца. Покайся и обратись ко благу, пока не поздно!

Он медленно повернулся и пошел прочь.

Царь прошептал побелевшими губами:

— Это Божий глас. Я и раньше видел этого человека, но не помню где. Наверное, он являлся мне в страшных снах.

Вдруг один боярин вежливо кашлянул, поклонился и сказал:

— Не прогневайся, государь, но не во сне ты его видел, а в Благовещенском соборе в Кремле. Это тамошний поп. А зовут его Сильвестр.

— Поп Сильвестр? — краска медленно вернулась на лицо царя, глаза сверкнули. — Бегите за ним! Воротите его! — И, грозно оглядев бояр, царь сказал:

— Отныне он будет моим любимым другом и первым советником.

О драматическом появлении Сильвестра перед царем во время пожара и бунта впервые рассказал князь Андрей Курбский, позже этот рассказ, расцветив его живописными деталями, повторил Карамзин, однако большинство последующих ученых считают его вымыслом. В действительности Сильвестр к тому времени был уже хорошо известен царю и приобретал свое влияние постепенно в силу целого ряда обстоятельств.

Сильвестр был родом из Новгорода и происходил из духовного сословия. В 1540-х годах начал служить в придворном Благовещенском соборе. Ему покровительствовал тогдашний московский митрополит Иоасаф Скрипицын, близкий родственник которого, служивший дьяком в Новгороде, вероятно, походатайствовал за земляка. Тем не менее Сильвестр не сразу смог добиться места благовещенского протопопа, хотя оно дважды оказывалось вакантным: до января 1548 года протопопом был Федор Бармин, затем Яков, затем Андрей.

Наибольшего влияния Сильвестр достиг в 1553–1554 годах, в это время он начал влиять и на церковные, и на государственные дела. Сильвестр был фанатически религиозен и обладал огромной силой внушения, ему бывали божественные видения, слышались небесные голоса. Такой человек не мог не оказать сильнейшего воздействия на неустойчивую психику молодого царя, Ивану Грозному тоже стали являться видения. Позже он писал, что подчинялся Сильвестру «безо всякого рассуждения». Сильвестр использовал свое влияние на государя, стремясь умягчить его жестокий нрав.

Иван Федоров был хорошо знаком с Сильвестром, их связывало соседство Благовещенского собора и храма Николы Гостунского, сходство профессиональных обязанностей, единый круг общения. Вероятно, Ивану Федорову был чужд мрачный мистицизм Сильвестра, но близок его

интерес к просвещению. Образованный, «книжный» человек, талантливый писатель, автор знаменитого «Домостроя» — Сильвестр широко занимался благотворительностью. В своем доме он устроил приют для многочисленных сирот и убогих «мужеска полу и женска», которых кормил, поил и обучал различным ремеслам, причем большинство ремесел были «интеллигентными»: по словам самого Сильвестра, он выучил «многих грамоте, и писати, и пети, иных — иконному письму, иных — книжному рукоделию». В его доме была и книгописная мастерская. Не исключено, что в ней работал Иван Федоров.

Несомненно, у Ивана Федорова была возможность сделать церковную карьеру — хорошее образование и незаурядные способности давали к этому все основания, но, как свидетельствует вся его дальнейшая жизнь, он был глубоко равнодушен к карьере, и скромная должность дьякона его вполне удовлетворяла. Иван Федоров не стремился стать ни протодьяконом — старшим дьяконом, ни священником, однако служба в храме Николы Гостунского все же дала ему определенные преимущества: доставила дружбу и покровительство двух сильнейших лиц в государстве, главных советников царя — митрополита Макария и Сильвестра.

ПОИСКИ МАСТЕРОВ ПЕЧАТНОГО ДЕЛА В ЧУЖИХ КРАЯХ

«Вашему величеству известны силы этого врага (имеется в виду русский царь) и власть, которой он пользуется над своими подданными. До сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образования и искусств».

*Польский король Сигизмунд 11 Август —
английской королеве Елизавете*

И Макарий, и Сильвестр знали, что во всех европейских странах уже сто лет, как печатают книги, и понимали, что создание русского книгопечатания — вопрос не только просвещения, но и государственного престижа. Эту мысль оба они пытались донести до государя. До просвещения народа грозному царю, конечно, не было никакого дела, но он прекрасно осознавал, какую великую роль играют книги в политике и идеологии и как они могут способствовать укреплению его личного престижа. Поэтому книжное дело при Иване Грозном приобретало характер дела государственного.

Царь официально поддерживал деятельность Макария по созданию Большого Лицевого летописного свода, Степенной книги, Великих Четьих миней. Гордился Иван Грозный и своей собственной уникальной библиотекой.

Библиотека Ивана Грозного — одна из самых волнующих исторических тайн, которую до сих пор безуспешно пытаются разгадать ученые исследователи, энтузиасты-любители, авантюристы-кладоискатели.

Основа этой овечьей легенды библиотеки была заложена в Византии, византийские императоры собирали ее на протяжении нескольких поколений. Когда в 1453 году Византию захватили турки, младшему брату последнего императора — Фоме Палеологу удалось вывезти библиотеку в Италию. Книги (а их насчитывалось около трех тысяч томов) были упакованы в триста ящиков, погружены на корабль и доставлены в Рим. Когда дочь Фомы Палеолога Зоя (иначе Софья) стала женой московского великого князя Ивана III, в качестве приданого она

привезла в Москву библиотеку своих предков. По приезде в Москву Софью сразу же беспокоил вопрос сохранности библиотеки. В деревянной Москве не по одному разу в год вспыхивали большие и малые пожары, и византийская царица опасалась, что книги могут погибнуть в огне.

В 1475 году Иван III выписал из Италии знаменитого архитектора и инженера Аристотеля Фиораванти для строительства нового Успенского собора в Кремле. Однако известный ученый, исследователь подземной Москвы — Игнатий Яковлевич Стеллецкий был уверен, что строительство собора было второстепенной задачей, а на самом деле итальянский мастер был приглашен, чтобы соорудить каменный подземный тайник для библиотеки византийских императоров.

Так или иначе, бесценные книжные сокровища были надежно спрятаны.

Сын Ивана III и Софьи Палеолог Василий III, вступив на Московский престол, начал исследовать богатства, доставшиеся ему от отца, и, в числе прочего, осмотрел подземный тайник, где хранилась библиотека. Большинство книг было на греческом языке, Василий задумал их перевести и обратился в Афонский монастырь с просьбой прислать ему опытного переводчика. Вскоре в Москву приехал ученый монах — Максим Грек. Увидев библиотеку, изумленный Максим в восторге воскликнул: «Государь! Ни в Греции, ни в Италии нет такого богатства!» Максим Грек добросовестно перевел часть книг на русский язык, но злые завистники обвинили его в умышленном искажении древних текстов, церковный собор объявил ученого монаха еретиком, и остаток жизни он провел в заточении.

Следующее свидетельство о библиотеке относится ко временам уже Ивана Грозного.

В 1565 году в ходе войны России с Ливонским орденом Иван Грозный захватил город Юрьев (Дерпт) и повелел расселить выведенных оттуда пленных немцев по разным русским городам. Немцев сопровождал пастор Иоганн Веттерман. Иван Грозный, наслышанный о Веттермане как об ученом человеке, призвал его в Кремль и показал ему книги из своей библиотеки. Современник записал со слов самого Веттермана: «Эти книги, как драгоценное сокровище, хранились замурованными в двух сводчатых подвалах». Как и Максим Грек, пастор Веттерман отметил, что в библиотеке московского царя есть такие книги, которых нет в лучших библиотеках Европы. Иван Грозный предложил пастору остаться в Москве и заняться переводом книг на русский язык, но Веттерман, не желая покидать своих соотечественников, отправлявшихся в ссылку, отказался. Современник так заканчивает свой рассказ: «Книги были страшно

запылены, и их снова запрятали под тройные замки в подвалы».

Некоторое время спустя Иван Грозный показал библиотеку еще одному образованному немцу, имя которого осталось неизвестным. Этот немец стал последним человеком, видевшим библиотеку своими глазами. Он составил бесценный документ — опись находившихся в ней книг. Согласно этой описи в царской библиотеке были неизвестные сочинения прославленных античных авторов, представляющие огромный интерес для общечеловеческой истории и культуры.

Видел ли эту библиотеку Иван Федоров?

Кто знает...

Но наряду с потаенной, древней библиотекой Иван Грозный собирал и современные книги, среди которых были не только рукописные, но и печатные, приобретенные на Западе. Мысль о создании русского книгопечатания увлекла царя. Но, не доверяя своему народу, Иван Грозный поначалу возлагал надежды на иностранцев.

*

Солнечным мартовским утром, в день Благовещения после ранней обедни из церкви Николы Гостунского, что в Кремле, выходил по-праздничному одетый народ. Были здесь бояре в тяжелых, до земли, крытых парчой или бархатом шубах и высоких, отороченных мехом шапках, набеленные и нарумяненные боярыни, увешанные драгоценными камнями, румяные боярские дочки со скромно потупленными глазами и длинными шелковистыми косами, люди попроще в смазных сапогах и армяках нараспашку; чтобы были видны праздничные вышитые рубахи, их жены и дочери в цветных платках и стеклянных бусах.

После полутемной церкви, оказавшись на ярком, мартовском солнце, все блаженно жмурились и, вдохнув весеннего, пахнущего талой водой воздуха, щедрой рукой оделяли нищих, толпившихся на паперти.

Последними из церкви вышли поп Михаил и Иван Федоров. Они тоже посмотрели на солнце, враз чихнули, пожелали друг другу здравствовать и разошлись. Поп Михаил отправился домой обедать, а Иван Федоров решил заглянуть на Торг.

Пройдя через Фроловские ворота, он оказался на широком мосту, перекинутом через ров с мутной, но сейчас весело сверкавшей на солнце водой и замешкался возле стоящих по обе стороны моста деревянных лавок, в которых торговали книгами.

— А что, братец, вон то за книга? — спросил он книгопродавца.

— Изборник «Пчела», — ответил тот.

— А дай-ка мне ее посмотреть поближе.

Взяв в руки тяжелый том и откинув обтянутую кожей и украшенную серебряными накладками крышку переплета, Иван Федоров увидел плотный, чуть шершавый желтоватый первый лист с причудливо выписанным красной киноварью заглавием, а дальше ровные ряды строк, временами прерываемые узорным инициалом или замысловатой заставкой, и почувствовал давно знакомый ему и каждый раз заново испытываемый восторг.

— А что стоит?

— Два рубля, четыре гривны и две деньги без полушки, — ответил книгопродавец.

Иван Федоров минуту поколебался, но, пересилив себя, вздохнул и вернул книгу книгопродавцу.

— В другой раз ужю.

— Что, дорого? — услышал он вдруг над самым ухом резкий голос.

Вздрогнув от неожиданности, Иван Федоров обернулся и увидел длинного, тощего иноземца. Иноземец был одет в короткие штаны с пышными буфами, из-за которых он должен был стоять враскоряку, широко расставив костлявые ноги в красных чулках, камзол с большим, круглым воротником, похожим на мельничный жернов, и бархатный берет, украшенный перьями из петушиного хвоста. Иноземец был смуглый, с темными бегающими глазами, крючковатым носом и острыми, как у таракана, усами.

— Что, дорого? — повторил он по-русски, но с немецким выговором.

— А тебе, государь мой, что за забота? — вежливо спросил Иван Федоров.

Немец ослабилась, приподнял свой берет и поклонился:

— Я — саксонский дворянин Ганс Шлитте, посланник при дворе вашего царя Ивана. Интересуюсь книжным делом. У нас в Германии книг много и они дешевы, а у вас мало, и они дороги. Вы — ученый человек, вздыхаете и не можете купить книгу, которая вам понравилась, а у нас любой бюргер или мастеровой может купить их кучу, разумеется, в том случае, если он умеет читать. А почему? — Немец поднял костлявый палец. — Потому что у вас целый год переписчик переписывает от руки одну книгу, а у нас печатают на печатном станке десять штук в день. Вы слышали о господине Гутенберге?

— Изобретателе печатного станка? — Разговор с немцем начал не на

шутку занимать Ивана Федорова. — Слыхал. И книги печатные видел.

— Открою вам тайну, — немец наклонился к уху Ивана Федорова и понизил голос. — Ваш царь поручил мне миссию: привезти в Московию разных иностранных мастеров, в том числе книжных рисовальщиков и печатников, чтобы завести у вас печатное дело. Завтра я уезжаю ко двору императора Карла и скоро буду назад с мастерами. До скорой встречи!

Немец опять приподнял свой берет, повернулся на каблуках и пошел прочь, Иван Федоров задумчиво смотрел ему вслед.

— А ведь немец дело говорит, — сказал высокий, широкоплечий детина с большими и сильными, как у каменотеса, руками. Он остановился поглазеть на диковинный наряд немца и невольно слышал весь разговор.

— Дело-то дело, — ответил Иван Федоров. — Только больно уж у этого немца рожа разбойничья.

— Это верно, — парень засмеялся, но тут же нахмурился. — Впрочем, бог с ней, с его рожей! А вот что государь задумал в чужие земли за мастерами посылать, когда можно и у себя найти — это великая досада!

— Досада, — согласился Иван Федоров. — Верно ты говоришь, могли бы мы наладить печатное дело и без немцев.

Ганс Шлитте — реальный исторический персонаж. Он был уроженцем саксонского города Гослара и прирожденным авантюристом. Шлитте побывал во многих странах и наконец судьба занесла его в Москву. Предприимчивый ум и хорошо подвешенный язык снискали ему доверие такого недоверчивого человека, как Иван Грозный. Шлитте представился влиятельным лицом, имеющим большой вес в глазах германского императора, и в 1547 году царь поручил Гансу Шлитте привезти в Москву из Германии «некоторых докторов и ученых людей, хорошо осведомленных в Божественном писании, правоведении и других свободных науках, а также всяких искусных ремесленников». Шлитте выехал в Германию, добился приема у императора Карла V и пообещал ему от имени московского царя семьдесят четыре бочки золота и помощь в войне против турок. Карл, соблазненный этими посулами, оказал авантюристу содействие, и тот без труда завербовал для поездки в далекую Московию сто двадцать три человека. Среди них были архитекторы, врачи, аптекари, литейщики, в том числе бумажный мастер, переплетчик и типограф.

Однако в Любеке Шлитте был арестован местными властями, как сам он объяснял, «из зависти и ненависти». На самом же деле ганзейские купцы и ливонские рыцари, которым принадлежала власть в Любеке, опасались

усиления военной мощи Москвы, чему могли способствовать завербованные предприимчивым немцем мастера. Пока Шлитте сидел в тюрьме, мастера разбежались кто куда, и миссия Шлитте потерпела полный крах.

Но легкомысленный авантюрист не отчаялся. Он бежал из тюрьмы и, понимая, что в ближайшее время ему лучше не показываться на глаза ожидающему обещанного Карлу V, поехал в Париж к королю Генриху II, которому предложил военный союз с Москвой, а своего соучастника австрийского дворянина Иоганна Штейнберга, назвавшего себя «московским канцлером», отправил в Рим к папе Юлию III с предложением, якобы исходящим от московского царя, объединить православную и католическую церковь под властью римского папы. Это предложение было принято всерьез и наделало переполоху во всей Европе. Перспектива сближения Москвы и Рима кардинально изменяла расстановку сил на международной политической арене; обеспокоенные правители разных стран начали обмениваться дипломатическими письмами и посольствами, и, пока обман не раскрылся, многие европейские государи пережили немало тревожных минут.

Впрочем, все это уже не имело никакого отношения к книгопечатанию.

В связи с началом печатного дела на Руси нередко упоминают имя датского мастера Ганса Миссенгейма по прозвищу «Богбиндер», что означает «Переплетчик». Некоторые авторы именно ему приписывают славу основателя печатного дела в России и называют его «русским Гутенбергом»; другие утверждают, что Миссенгейм был учителем Ивана Федорова и что «Апостол» был напечатан «под смотрением книгопечатного дела мастера датчанина Ганса». Однако это расхожее и до сих пор иногда повторяемое утверждение абсолютно ложно.

Появилось оно благодаря сведениям, почерпнутым из нескольких источников. Так, в «Истории Дании» датского историка Арильда Витфельда, написанной в конце XVI века, говорится, что в 1550 году Иван Грозный отправил письмо датскому королю Христиану III с просьбой прислать в Москву различных мастеров, и прежде всего — печатников. Это письмо Ивана Грозного не сохранилось, а вот письмо Христиана III, которое можно считать ответом на него, хорошо известно ученым. Датский король пишет, что готов помочь наладить печатное дело на Руси, но с одной-единственной целью: распространить лютеранство среди подданных «государя Иоанна, императора всея России». Христиан III с гордостью сообщает, что ему уже удалось распространить лютеранство во многих странах, и откровенно заявляет: «С такою целью посылаем к тебе,

Возлюбленный Брат, искренно нами любимого слугу и подданного нашего Ганса Миссенгейма с Библией и двумя другими книгами, в коих содержится сущность нашей христианской веры. Если приняты и одобрены будут тобою, Возлюбленный Брат, митрополитом, патриархами, епископами и прочим духовенством сие наше предложение и две книги вместе с Библиею, то оный слуга наш поспособствует напечатать в нескольких тысячах экземпляров означенные сочинения, переведя на отечественный ваш язык, так что сим способом можно будет в немногие годы споспешествовать и содействовать пользе ваших церквей и прочих подданных, ревнующих славе Христовой и своему спасению».

Русская церковь одинаково отрицательно относилась как к католичеству — «латынству», так и к лютеранству — «лютеровой ереси», не считая их истинным христианством. Конечно, Иван Грозный с негодованием отверг предложение датского короля, и Гансу Миссенгейму не удалось стать «русским Гутенбергом».

А со временем Е. Л. Немировский установил, что Ганс Миссенгейм не был типографом и никогда не бывал в России. Действительно, в письме датского короля говорится только о намерении отправить к русскому царю своего «возлюбленного слугу». Е. Л. Немировский первым задался целью исследовать биографию Миссенгейма. Ученому удалось выяснить, что Ганс Миссенгейм происходил из знатного рода, во время государственного переворота, который возвел на датский престол Христиана III, сохранил верность его свергнутому предшественнику и отправился в изгнание. Затем, после смерти своего господина, получил разрешение вернуться на родину, но, вероятно, Христиану III было неприятно иметь подле себя человека, считавшего его узурпатором, и он решил отправить Миссенгейма в Россию, как в своего рода почетную ссылку. Слова короля о том, что Миссенгейм «поспособствует» печатанию книг, отнюдь не означали, что датский аристократ владеет ремеслом типографа. Однако поездка не состоялась. Документально зафиксировано, что Ганс Миссенгейм не выезжал из Копенгагена, а к 1564 году, когда был напечатан федоровский «Апостол», он уже скончался.

Таким образом, этот во всех отношениях достойный человек никак не связан с началом русского книгопечатания.

Итак, ни одна из попыток Ивана Грозного найти мастеров за границей не увенчалась успехом. Создание русского книгопечатания должно было стать делом самих русских людей.

Иван Федоров стоял на пороге своего великого поприща.

АНОНИМНАЯ ТИПОГРАФИЯ

Зимой 1551 года для обсуждения целого ряда церковных вопросов в Москве по царскому указу были собраны представители высшего духовенства со всей России. Этот съезд — «собор» — получил название Стоглавого, поскольку принятые им решения составили книгу из ста глав, по числу обсуждавшихся вопросов. Вопросы задавал царь, а представители духовенства отвечали. В числе прочего был затронут и вопрос о «порче книг». Иван Грозный вопрошал: «Божественные книги писцы пишут с неисправленных переводов, а написав, не правят, опись (ошибка. — Т. М.) к описи прибывает <...> И по тем книгам в церквах Божьих чтут и поют, и учатся, и пишут с них. Что о сем небрежении и великом нерадении, <...> будет по божественным правилам?» Собор отвечал: «...Которые писцы по городам пишут, вы бы им велели писати с добрых переводов, да написав правили, потом же бы и продавали, а не правив бы, книг не продавали».

По мнению большинства исследователей, все царские вопросы были подготовлены митрополитом Макарием и Сильвестром.

Хотя о книгопечатании на Стоглавом соборе прямо не упоминалось и с порчей книг было решено бороться усилением контроля над доброписцами, мысль о книгопечатании витала в воздухе, и создание русских печатных книг представлялось делом все более и более реальным и осуществимым.

Некоторое время спустя, предположительно в 1553 году, в доме Сильвестра, наряду с книгописной мастерской, начинает работать первая в России типография, из которой вышло семь печатных книг. Это три Четвероевангелия^[3], две Триоди — постная и цветная^[4], а также две Псалтыри. На этих книгах нет никаких выходных данных, ни года, ни места издания, ни типографии, ни имени печатника. В научной литературе они получили название «безвыходных» или «анонимных», а типография Сильвестра — Анонимной типографии.

О существовании этой типографии ученым стало известно относительно недавно — во второй половине XIX века. К тому времени слава первой русской печатной книги уже прочно закрепилась за «Апостолом» Ивана Федорова. Открытие, что в Москве начали печатать книги за десять лет до появления «Апостола», ломало сложившиеся стереотипы.

На чем же было основано это открытие?

Выдающийся археограф, библиограф, историк книги Алексей

Егорович Виктор, изучивший огромное количество старопечатных книг, выделил в особую группу три Евангелия, две Псалтыри и две Триоди. На них не было выходных данных, но А. Е. Виктор установил, что все они вышли из одной типографии. Некоторые из этих книг уже были известны ученым, и большинство исследователей утверждали, что место их издания — южнославянские страны. А. Е. Виктор на основе анализа текста, заставок, букв и шрифтов доказал, что они были напечатаны в Москве, в середине XVI века. Теперь перед исследователем стоял важнейший вопрос: вышли они до 1564 года — года выхода федоровского «Апостола» или после?

А. Е. Виктору посчастливилось выяснить этот вопрос. В библиотеке московского коллекционера купца Петра Васильевича Щапова он нашел экземпляр Евангелия из числа его интересующих, на котором была сделана надпись: «Лета 7071 (то есть 1563 года) сию книгу новопечатное Евангелие положил на Лампожне стратотерпцу Христову Георгию в дом Кирилло Михайлов сын Офутин с братею, а подписал Кирилло сам, своею рукою апреля в 23 день». Это означало, что некий Кирилл Офутин пожертвовал книгу в храм Святого Георгия в слободке Лампожне на северной реке Мезени, и произошло это 23 апреля 1563 года — то есть за год до выхода «Апостола» Ивана Федорова.

Некоторое время спустя в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре Виктор обнаружил экземпляр Триоди, также с надписью, в которой сообщалось, что книгу пожертвовал старец Севастьян в 1562 году — то есть за два года до «Апостола». (Кстати, старец Севастьян — это ключник митрополита Макария, что еще раз подтвердило московское происхождение книг.)

В 1874 году на Третьем Археологическом съезде в Киеве А. Е. Виктор сделал доклад «Не было ли в Москве опытов книгопечатания прежде первопечатного “Апостола” 1564 года?». Доклад был принят скептически. Нежелание маститых ученых отказаться от традиционных представлений привело к тому, что открытие Виктора не было введено в научный обиход. Лишь в середине XX века его исследование, посвященное Анонимной типографии, было найдено и в 1976 году опубликовано в ежегоднике «Федоровские чтения». Но к этому времени существование Анонимной типографии было уже заново доказано крупными книговедами Александром Александровичем Гераклитовым, Антониной Сергеевной Зерновой, Татьяной Николаевной Протасовой, труды которых выходили в 1940—1950-е годы.

Относительно того, где и под чьим покровительством работала

Анонимная типография, высказывались разные мнения. Лингвист и историк Г. И. Коляда предполагал, что типография располагалась на митрополичьем дворе, академик М. Н. Тихомиров — что при храме Николы Гостунского. В 1964 году Е. Л. Немировский выдвинул гипотезу, что первая русская типография находилась в доме Сильвестра. Сейчас эту гипотезу можно считать доказанной.

Не вызывает сомнения и то, что Иван Федоров принимал активное участие в создании анонимных книг. В пользу этого утверждения говорит прежде всего здравый смысл. Будучи печатником по профессии и по призванию, находясь в дружеских отношениях с Сильвестром, живя через площадь от его дома, он никак не мог остаться в стороне от работы в Анонимной типографии. Участие Ивана Федорова подтверждает также сравнительный анализ техники печати «безвыходных» книг и книг, напечатанных Иваном Федоровым уже с указанием его имени.

Мастера Анонимной типографии применяли ряд технических приемов, неизвестных в Европе: способ перекрещенных строк, орнаментальное слепое тиснение, двухкрасочная печать с одной формы. Е. Л. Немировский предполагает, что именно Иван Федоров «был изобретателем этих приемов или части из них».

Способ перекрещенных строк состоит в следующем. Многие буквы имеют надстрочные и подстрочные элементы — хвостик буквы «у», стойка буквы «ф» и др. Кроме того, средневековая русская орфография требовала применения особых значков, проставляемых над строкой. В рукописных книгах эти элементы, заполняя пространство между строками, создавали живой, легкий узор. В начале своей работы мастера Анонимной типографии четко располагали подстрочные элементы верхней строки выше надстрочных нижней. Это придавало странице жесткий вид с чересчур большим расстоянием между строками. В последующих изданиях мастера стали печатать так, что надстрочные и подстрочные элементы свободно входили в межстрочное пространство. Этот прием технически сложен, но красив, он создает более пластичный и компактный облик страницы.

Способ слепого тиснения заключается в особом приеме для получения пробелов в тексте. Обычно для этого в наборную форму вкладывают специальный «пробельный материал» — гладкие бруски, высота которых меньше высоты литер. Мастера Анонимной типографии на больших пробельных участках вместо пробельного материала использовали обычный шрифт, на который не наносилась краска.

Все издания Анонимной типографии отпечатаны в две краски:

основной текст — черной, а заголовки, буквицы и другие элементы, которые должны быть выделены, — красной киноварью. Достигалось это способом однопрогонной двухкрасочной печати. Такой способ — оригинальное изобретение московских первопечатников, нигде ранее не встречавшийся. Заключался он в следующем. На всю печатную форму наносится черная краска, затем с элементов, которые должны быть красными, черная краска стирается тряпкой и тонкой кисточкой наносится красная. После чего на форму накладывается лист и получается оттиск сразу в два цвета. Правда, этот способ был трудоемким и давал не очень качественный результат — вытереть черную краску дочи́ста не всегда удавалось и она подмешивалась к красной. Мастера очень скоро отказались от этого способа, но уже то, что они его придумали, говорит о творческом поиске, одушевлявшем их работу.

Другой способ двухцветной печати, опробованный в Анонимной типографии, — двухпрогонный с одной формы. Под киноварные элементы подкладывались особые плашки, так что они приподнимались над уровнем всей печатной формы, покрывались красной краской и отпечатывались. Затем их убирали, а оставшуюся форму покрывали черной краской и вторично накладывали бумагу. Именно этим способом пользовался впоследствии Иван Федоров.

В типографии было два печатных стана: один, рассчитанный на полный формат, то есть на нем можно было напечатать разворот из двух страниц, второй — половинного формата, на одну страницу.

Создавая анонимные книги, русские печатники осваивали новое для себя дело, отрабатывали профессиональные приемы. Одним из показателей типографского мастерства является выключка строк — выравнивание текста по правому краю. В первых изданиях Анонимной типографии выключки не было вообще, в последующих — она выполняется уже вполне умело. Издания Анонимной типографии украшены орнаментальными заставками, отпечатанными в технике ксилографии — гравюры на дереве. До той поры эта техника на Руси не использовалась. В одном из Четвероевангелий в орнамент заставки, предваряющей текст Евангелия от Матфея, включено изображение самого евангелиста. Эта заставка — первый портрет в истории русской гравюры.

Конечно, вместе с Иваном Федоровым в Анонимной типографии работали и другие мастера. Имя одного из них известно. Это — Маруша Нефедьев. Однако упоминается он в документах в связи с работой, не относящейся к книгопечатанию, хотя в какой-то степени затрагивающей Ивана Федорова. В непосредственной близости от храма Николы

Гостунского располагался двор Юрия Васильевича, младшего брата Ивана Грозного. Юрий родился глухонемым, был слаб умом, и старший брат заботливо его опекал. В 1556 году по приказу Ивана Грозного для Юрия начали строить новую белокаменную домовую церковь, которую предполагалось украсить искусной резьбой. Камень для строительства заготовили в Новгороде, и Маруша Нефедьев был отправлен туда, чтобы «досмотрети камени» и определить, пригодны ли они для нанесения на них изображений. Вероятно, Маруша был квалифицированным резчиком по камню.

Но в документах, связанных с поездкой Маруши в Новгород, он назван «мастером печатных книг» и — «печатным мастером». «Именно так, черным по белому — “мастер печатных книг” и “печатный мастер”!» — изумляются все авторы, цитирующие эти документы. То есть для московского дьяка Андрея Васильева, который вел записи по поводу заготовки камня, книгопечатание уже не было в диковинку, типография Сильвестра к 1556 году стала частью московской жизни.

В тех же документах упоминается новгородский мастер Васюк Никифоров, который «умеет резати резь всякую». По рекомендации Маруши он выехал в Москву, чтобы принять участие в работе по строительству церкви.

Естественно предположить, что и Маруша Нефедьев (почти наверняка), и Васюк Никифоров (возможно) работали в Анонимной типографии.

Не раз высказывалась мысль о том, что первопечатником следует считать не Ивана Федорова, а Марушу Нефедьева. Действительно, его имя в связи с книгопечатанием упоминается раньше, чем имя Ивана Федорова. Однако упоминание Маруши Нефедьева не подкреплено никакими конкретными работами, а плоды труда Ивана Федорова видимы и осязаемы. Но, конечно, и Маруша Нефедьев, и Васюк Никифоров, и другие мастера, имена которых остались неизвестными, заслуживают нашей благодарности и славы сотрудников и соратников первопечатника.

Организационными вопросами в работе типографии наряду с самим Сильвестром занимался и его сын — Анфим (кстати, именно для него Сильвестром был написан знаменитый «Домострой»).

Поскольку книги, отпечатанные в типографии Сильвестра, не датированы, ученые устанавливают последовательность их выхода в свет, изучая приемы печати, шрифты, бумагу и т. д. Три Четвероевангелия в соответствии с начертанием шрифта ученые называли узкошрифтным, среднешрифтным и широкошрифтным, две Псалтыри — среднешрифтной

и широкошрифтной. По мнению Е. Л. Немировского, наиболее ранним, отпечатанным около 1553 года является узкошрифтное Четвероевангелие, по мнению Зерновой — среднешрифтное.

Хотя книги, вышедшие из Анонимной типографии, отпечатаны достаточно качественно, их создание все же считается лишь предысторией русского книгопечатания.

ИОСИФЛЯНЕ И НЕСТЯЖАТЕЛИ

*Знал бы я, ведал, человеке,
Про свое житье вековечно,
Не имел бы я большого богатства,
Я бы роздал все свое именье...*

Духовный стих

Начало работы Сильвестровой типографии совпало с очередным обострением борьбы между двумя течениями русской религиозной и общественно-политической мысли — иосифлянством и нестяжательством, причем книгопечатанием интересовались представители обоих направлений. Так, митрополит Макарий принадлежал к числу иосифлян, а Сильвестр — нестяжателей. Правда, оба они избегали крайностей, присущих и тем и другим, и, несмотря на расхождение во взглядах, относились друг к другу с уважением.

Борьба иосифлян и нестяжателей началась еще до рождения Ивана Федорова и растянулась более чем на полстолетия, захватив самые широкие круги русского общества на протяжении двух поколений. Одни принимали решительное участие в борьбе, другие — лишь сочувствовали тому или иному лагерю, но в стороне не оставался никто. Большинство исследователей предполагают, что симпатии Ивана Федорова, скорее всего, были на стороне нестяжателей.

Иосифляне и нестяжатели появились в самом начале XVI века. Причиной конфликта между ними стали два чрезвычайно в то время актуальных, хотя и не связанных друг с другом вопроса — отношение к монастырскому землевладению и отношение к еретикам. Эти вопросы выявили два противоположных мировоззрения, включавших в себя религиозные представления, моральные принципы, политические убеждения.

Идейный вождь иосифлян — Иосиф Волоцкий, в миру — Иван Санин, родился в 1440 году в селе Язвище близ города Волока Ламского. Отец его был служилым человеком князя Бориса Васильевича Волоцкого — брата великого московского князя Ивана III. В двадцатилетнем возрасте Иосиф принял постриг в Боровском монастыре. Игумен монастыря — Пафнутий

Боровский заметил незаурядный практический ум молодого монаха, его деловую хватку и стал давать ему различные ответственные поручения, касающиеся монастырского хозяйства. Однако способности Иосифа не ограничивались хозяйственной областью. Он усердно читал книги, обладая блестящей памятью, знал наизусть чуть ли не все Священное Писание и всегда мог привести нужную цитату, что снискало ему славу человека благочестивого и ученого.

Иосиф обратил на себя внимание Ивана III, неоднократно посещавшего Боровский монастырь, и когда прежний игумен скончался, великий князь назначил на его место Иосифа. Однако вскоре между новым игуменом и братией обнаружились расхождения во взглядах по поводу монастырского устава. Иосиф с семерыми поддержавшими его монахами покинул обитель и отправился к себе на родину, во владения князя Волоцкого. Там, в тринадцати верстах от города Волока Дамского, у слияния рек Сестры и Струги он основал новый монастырь, впоследствии известный под названием Иосифо-Волоколамского.

В те времена многие монастыри владели обширными земельными угодьями. Иосифо-Волоколамский монастырь тоже стал обрабатывать землями. Князь Волоцкий, с самого начала покровительствовавший новому монастырю, подарил ему несколько десятков сел и деревень с пашнями, лугами и крепостными крестьянами. Монастырь превратился в богатейшее вотчинное хозяйство и продолжал богатеть. Иосиф, пользовавшийся большим авторитетом в округе, убеждал многих богатых бояр и купцов жертвовать монастырю земли, деньги, скот, ценные вещи. Значительные богатства приносило монастырю и то, что среди его братии было немало родовитых людей, имущество которых тоже переходило в монастырское владение. Первая монастырская деревянная церковь во имя Успения Божьей Матери была заложена 6 июля 1479 года, но уже несколько лет спустя благодаря щедрым пожертвованиям была заменена каменной и украшена росписями прославленного иконописца Дионисия с учениками.

Иосиф Волоцкий, как рачительный хозяин, не пренебрегал никакой возможностью увеличить богатства монастыря и расширить его владения. Он ввел в монастыре строгий устав, и сам, по свидетельству современников, вел жизнь аскетическую, но, дорожа знатными и богатыми монахами, допустил неравенство между иноками, которых разделил на три категории — «узаконения»: к первому принадлежали монахи из простых «черных» людей, они должны были питаться хлебом и водой, носить ветхое рубище, обуваться в березовые лапти; монахи второго узаконения получали горячее варево, носили лучшую одежду и кожаную обувь; и,

наконец, монахи третьего узаконения могли есть рыбное кушанье и калачи, иметь по две одежды всякого рода и зимнюю шубу.

Слава богатого и многолюдного Иосифо-Волоколамского монастыря распространилась далеко за пределы Волоцкого княжества. Иосиф Волоцкий пользовался расположением самого великого князя, имел большой вес в среде духовенства, его сочинения, посвященные монастырскому уставу и различным вопросам веры, воспринимались как образцы благочестия. Очень большое значение Иосиф Волоцкий придавал внешнему благообразию и благочинию. В одном из своих сочинений он писал: «Ступание имей кроткое, глас умерен, слово благочинно <...>, будь в ответах сладок, не излишествуй беседою, да будет беседование твое в светлое лице, да даст веселие беседующим тебе».

Вероятно, уже тогда многочисленные почитатели и подражатели Иосифа Волоцкого стали называть себя «иосифлянами» или «осифлянами».

В 1503 году в Москве проходил очередной церковный Собор, на котором присутствовал и Иосиф Волоцкий. Собор был посвящен достаточно узкой житейской проблеме: церковных иерархов волновало, что многие священнослужители, овдовев и не имея права по церковным законам жениться вторично, заводят себе наложниц, подавая дурной пример пастве. Собор принял радикальное решение — во избежание соблазна запретить вдовым попам и дьяконам отправлять церковную службу.

Но когда основной вопрос был решен и некоторые участники Собора, в том числе и Иосиф Волоцкий, уехали из Москвы, неожиданно попросил слова монах из далекого Белозерского монастыря Нил Сорский. Его горячая речь не имела никакого отношения к распутству попов, а обличала стремление монастырей к накоплению материальных богатств. «И нача старец Нил глаголити, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием». Выступлением старца Нила заинтересовался Иван III. Великий князь и сам уже давно задумывался о том, что монастыри владеют огромными земельными угодьями, уменьшая тем самым государственный земельный фонд. Но открыто выступить против монастырского землевладения означало вступить в конфликт с такой могущественной силой, как церковь, а на это великий князь не решался. Теперь же интересующий его вопрос поднимался внутри самой церкви. Иван III приказал продолжить заседание Собора, чтобы обсудить предложение Нила Сорского. Всполюшившиеся иосифляне, которых на Соборе было большинство, немедленно послали за Иосифом Волоцким. Тот вернулся и вступил в диспут с Нилом Сорским.

Так произошли первое открытое столкновение направлений и первая встреча их идейных вождей.

Нил Сорский к тому времени был не менее известен, чем Иосиф Волоцкий, но во многом являлся его прямой противоположностью — и как человек, и как мыслитель, и как церковный деятель. Нил Сорский родился в Москве около 1433 года и в миру носил имя Николай Федорович Майков. В молодости он служил в каком-то приказе (учреждении, соответствующем современному министерству), был, по его собственным словам, «скорописцем», но карьера государственного чиновника его не прельщала, и он принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре.

Нил был прекрасно образованным человеком, очень много читал и называл книги «величайшим наслаждением своей жизни». Однако, обладая пытливым и беспокойным умом, он, в отличие от Иосифа Волоцкого, запоминая прочитанное наизусть, много размышлял и делал на основе прочитанного собственные выводы. «Писания бо много, но не все Божественная суть, — говорил он. — Ты же истинное известие испытай от чтения, сих держися, и бесед разумных и духовных мужей — понеже не вси, но разумнии разумевают сих». Обуреваемый жаждой новых познаний Нил на время покинул монастырь и отправился в Грецию, в паломничество по святым местам. Он побывал на Афоне и в Константинополе, проведя там несколько лет, изучил греческий язык, прочел в подлиннике сочинения раннехристианских мыслителей — Отцов Церкви и стал горячим приверженцем исихазма^[5] — религиозно-мистического течения, распространенного среди византийских монахов.

Вернувшись на родину, Нил не пожелал оставаться в монастыре, а построил себе келью в пятнадцати верстах от Кирилло-Белозерской обители, в глухом лесу на берегу речки Соры и основал там скит, в котором вместе с ним поселилось еще несколько иноков, «которые были его нрава» — его учеников и последователей. Для них Нил Сорский написал «Устав о жительстве скитском», в котором изложил свои взгляды. Он призывал удалиться от мира с его «злосмрадием» и посвятить свою жизнь внутреннему нравственному усовершенствованию. Нил Сорский проповедовал отречение от суетных помыслов: «не люби хвалы от человека, ни почести, ни добрые одежды»; полное невмешательство в окружающую действительность — он советовал не осуждать грешников и не пытаться их исправить: «не мни себя свята и спасена, и не укори человека ни о каком грехе»; идеал человеческой жизни Нил Сорский видел в том, чтобы «душою и телом, словом и делом и помышлением в деле Божиим пребывати, елико по силе».

Слава о благочестивом старце разошлась по всей Русской земле, его Устав распространялся в огромном количестве списков, обеспечивая ему новых сторонников. Современник писал, что Нил Сорский «сияше тогда яко светило в пустыни на Бело озеро».

Главным пороком Нил Сорский считал «стяжание» — присвоение плодов чужого труда. «Стяжания <...>, иже по насилию от чужих трудов собираема, вносить несть на пользу нам». Конечно же Нил Сорский не мог одобрить стяжательскую политику монастырей. Накопление материальных благ, подменяющее стремление к богатству духа среди иноков, то есть людей, более всех других долженствующих следовать евангельским заветам бедности и смирения, настолько возмущало и огорчало благочестивого старца, что он нарушил свою собственную заповедь ни во что не вмешиваться и выступил на Соборе.

Возможно, он сделал это под влиянием своего нового ученика Вассиана Косого.

Вассиан Косой происходил из знатного рода князей Патрикеевых, был в родстве с самим Иваном III. Человек способный и энергичный, он занимал видные государственные посты, был талантливым дипломатом и храбрым военачальником, возглавлял посольство в Великое княжество Литовское и ходил походом на шведов. Но, втянутый в придворную борьбу, развернувшуюся в последние годы правления Ивана III, оказался в проигравшей партии, впал в немилость, был насильно пострижен в монахи и попал в скит к Нилу Сорскому. Учение праведного старца произвело на Вассиана сильнейшее впечатление. Ему оказалась близкой мысль о равенстве всех людей перед Богом, в том числе и о «дружбе народов». Вассиан Косой писал: «Вси люди едино суть у Бога, и татарове, и немцы, и прочие языци; глаголет бо апостол Петр: “во всяком языке бойся Бога и делай правду прият ему есть”. Однако позиция невмешательства была совершенно чужда его деятельной натуре. С присущей ему энергией он смог превратить учение Нила Сорского в орудие политической борьбы.

На Соборе 1503 года разгорелась бурная дискуссия между иосифлянами и сторонниками Нила Сорского, которых стали называть нестяжателями. В ответ на призыв Нила Сорского к монастырям отказаться от владений землями и крестьянами Иосиф Волоцкий возразил, что монастырские богатства необходимы для украшения храмов, содержания священнослужителей, благотворительности и никак не связаны с личным обогащением иноков, которые и в богатом монастыре ведут аскетический образ жизни. Но тут же привел еще один довод в пользу монастырских богатств, противоречащий только что сказанному. «Аще у монастырей сел

не будет, како честному и благородному человеку постричься?» — вопрошал Иосиф Волоцкий, тем самым признавая, что только в богатых монастырях соглашаются принимать постриг знатные и привыкшие к достатку люди. А поскольку, продолжал Иосиф Волоцкий свою мысль, на высшие церковные должности назначаются знатные и богатые люди, то если таковых не будет среди монахов, «отколе взятии на митрополию, или архиепископа, или епископа?», и утверждал, что тогда «ино вере будет поколебанием».

На Соборе присутствовали в основном сторонники Иосифа Волоцкого, и предложение Нила Сорского было отвергнуто. Великий князь, хотя и заинтересованный в уничтожении монастырского землевладения, был вынужден согласиться с решением большинства. В окончательном решении Собора по этому вопросу говорилось: «Стяжатели церковные — Божии суть стяжатели».

Однако столкновение на Соборе стало лишь началом борьбы. Между иосифлянами и нестяжателями завязалась оживленная полемика, и те и другие писали обличительные сочинения и послания, которые распространялись во множестве списков.

Хотя в вопросе о монастырском землевладении великий князь был на стороне нестяжателей, Иосиф Волоцкий сумел сохранить его благосклонность. В своих сочинениях он начинает активно выступать с теорией божественного происхождения великокняжеской власти и в конце концов становится одним из создателей государственной идеологии, иосифляне приобретают большое влияние в государстве.

Кроме вопроса о монастырском землевладении иосифляне и нестяжатели разошлись и по вопросу о еретиках. В конце XV века широкое распространение получает ересь, зародившаяся в Новгороде, а затем проникшая в Москву. Новгородские еретики выступали против церковной иерархии и некоторых обрядов, отрицали святость икон, подвергли критике догмат о троичности божества. В Москве новгородская ересь приобрела более светский характер, включив в себя и гуманистические идеи, в частности мысль о свободе воли — «самовластии души», достигаемой путем просвещения ума. Среди приверженцев ереси оказалось много образованных людей, видных церковных и государственных деятелей. Поскольку новгородско-московские еретики поддерживали идею великокняжеской власти, они пользовались сочувствием Ивана III.

Ортодоксальная церковь решительно выступила против любой критики основных догматов православия. В 1490 году на церковном Соборе новгородско-московская ересь была осуждена, однако ее

сторонники не были подвергнуты каким-либо репрессиям. Но некоторое время спустя воинствующие церковники, в том числе Иосиф Волоцкий, потребовали не просто осуждения, а физического уничтожения еретиков, даже тех, кто уже отошел от ереси. Нестяжатели, также отрицательно относившиеся к еретическим взглядам, выступили с призывом к милостивому отношению к заблуждающимся. В 1504 году был созван новый церковный Собор, решением которого многие еретики были сожжены. Жестокая расправа вызвала возмущение нестяжателей. Иосиф Волоцкий в ответ на их возмущение пишет «Слово об осуждении еретиков», где оправдывает свою позицию ссылками на Священное Писание, а кроме того, высказывает мысль, что попустительство вольнодумству, к которому призывают нестяжатели, подрывает государственную власть.

Таким образом, иосифляне снова одержали верх над нестяжателями.

Нил Сорский скончался в 1508 году, Иосиф Волоцкий — в 1515-м. Но противостояние между их сторонниками продолжалось еще не один десяток лет и во времена Ивана Федорова было по-прежнему актуальным.

Спор иосифлян и нестяжателей коснулся и вопроса о книгах. Нестяжатели были сторонниками книгопечатания, они критиковали рукописный способ создания книг, считали многочисленные ошибки, допущенные переписчиками, одним из видов «нестроения» современной церковной и светской жизни. Иосифляне же относились к книгопечатанию настороженно, опасаясь широкого распространения книги в народе, утверждая: «Грех простым чести Апостол и Евангелие!»

Первой книгой, вышедшей из Анонимной типографии, стало Евангелие, возможно, выбор именно этой книги для печати был своего рода полемическим ходом. «Нестяжатели проповедовали евангельские идеи, противопоставляя их ветхозаветным устремлениям иосифлян», — пишет по этому поводу Е. Л. Немировский.

Таким образом, противостояние иосифлян и нестяжателей непосредственно затрагивало деятельность Ивана Федорова и его сподвижников. Вопрос о еретиках также должен был сильно занимать первопечатников, поскольку возникновение ересей многие считали одним из последствий «неисправности» книг.

В 1553 году был осужден еретик Матвей Башкин. Этот процесс особенно близко коснулся Ивана Федорова. Скорее всего, Матвей Башкин и Иван Федоров были знакомы, Матвей Башкин, «сын боярский», был прихожанином Благовещенского собора, то есть должен был жить по соседству с первопечатником.

Однажды в Великий пост Матвей Башкин явился в Благовещенский собор к попу Семену, служившему под началом Сильвестра, и «с великим молением» стал просить, чтобы тот исповедовал его. Молодого боярского сына мучили сомнения по поводу несоответствия реальной жизни евангельским заповедям. В частности, его беспокоил вопрос об отношении господ к холопам, «как нам самим житии и людей у себя держать нетомительно». «В “Апостоле” сказано, — говорил Башкин, — “возлюби ближнего как самого себя”, а мы у себя христиан рабами держим. Христос называл всех братьями, а мы закабаляем ближних своих». Башкин рассказал Семену, что сам он отпустил на волю своих холопов: «а я, де, благодарю Бога моего, у меня, де, что было кабал и полных, то, де, есми все изодрал, да держу, де, государь, своих добровольно; добро, де, ему, и он живет, а не добро, и он куды хочет».

Вероятно, поведав на исповеди о своих сомнениях, он получил какой-то совет, облегчивший его душу. Прощаясь с Семеном, Матвей Башкин сказал: «Великое ваше дело, сказано ведь в Писании: нет больше любви, как положить душу за други своя, и вы души свои за нас полагаете и бдите о душах наших». Но беспокойный разум и деятельное нравственное чувство порождали все новые и новые вопросы. Матвей Башкин еще не раз беседовал с попом Семеном, то приезжая к нему «на подворье», то приглашая к себе домой. Читая и перечитывая духовные книги, Матвей Башкин задавался все новыми и новыми вопросами. Растерявшийся поп Семен не находил ответа. «Пришел на меня сын духовный необычен <...> и многие вопросы мне простирает, все ж недоуменны, — простодушно рассказывает Семен в своей «жалобнице», — у меня де поучения требует, а иное и меня сам поучает; и яз тому удивился и недоумеюся и вельми усумнехся в сем». Матвей Башкин принес Семену «Апостол» с многочисленными пометками, сделанными воском — «на треть извощенный», и стал задавать вопросы по тексту — «А сам толкует, толкует, только не по существу, превратно».

Поняв, что Семен не может разрешить его сомнения, Башкин попросил его передать свои вопросы Сильвестру. Сильвестр уже слышал о Башкине и его сомнениях, которые официальная церковь не могла воспринять иначе как ересь. «Каков тот сын духовный будет, — сказал Сильвестр, — слово про него недоброе носится». Скоро «недоброе слово» дошло до самого царя, кто-то услужливо доставил Ивану Грозному «Апостол» с пометками Башкина. Башкин был арестован и посажен в царскую «подклеть». В заточении он сначала «стал бесноваться», а затем признал «злую свою ересь» и сообщил, что перенял ее у «латынников» —

литвина Матюшки аптекаря и некоего Андрюшки Хотеева. Вскоре по царскому повелению был созван церковный Собор для изобличения ереси Матвея Башкина.

Основные положения этой ереси очень четко изложил сам Иван Грозный в письме Максиму Греку: «Единочадного Сына Божия раболепна, а неравна отцу поведуют; <...> святое тело Господа нашего Иисуса Христа и честную Его кровь ни во что же полагают, но токмо прост хлеб и просто вино сиа вменяют; тако же и церковь отрицают, глаголющее, яко верных собор сий есть, токмо церковь, а сиа зданаа (то есть постройка. — Т. М.) ничто же есть; та же и божественныя плоти Христовы воображение, и пречистыя его Богоматери, и всех святых его воображения, идолы окаянные наричют; та же и покаяние ни во что же полагают, глаголющее: как престанет грех творити, аще у священника и не покаялся, то несть ему греха; отеческая предания и их жития баснословие вменяют, и на седьмь вселенских соборов гордость возлагают, глаголющее, яко все себя для писали, чтоб им всем владети, и царским, и святительским, а спроста рещи: вси божественные писания баснословием наричут, Апостол же и Евангелие неистинно излагают».

Царь вытребовал в Москву игумена Троице-Сергиева монастыря старца Артемия, чтобы тот, как знаток богословия, вступил с еретиком в диспут о вопросах веры и доказал несостоятельность еретических взглядов.

Старец Артемий — видный церковный деятель и публицист, один из идеологов нестяжателей, с которым Иван Федоров также, скорее всего, был знаком. В молодости Артемий стал монахом Псково-Печерского монастыря близ Пскова на границе с Ливонией. Человек образованный и мыслящий, он стремился составить собственное мнение обо всем. Так, однажды он отправился в ливонский город Нейгауз, чтобы побеседовать там с ученым мужем и уяснить разницу между католической и православной верой. Около 1536 года Артемий обосновался в Порфирьевой пустыни, где сошелся с последователями Нила Сорского, и стал горячим почитателем его учения, чем нажил себе много врагов среди иосифлян.

Иван Грозный был наслышан об Артемии, как образованном человеке, несколько раз вызывал его в Москву для бесед на богословские темы и в конце концов предложил ему стать игуменом Троице-Сергиева монастыря.

Во время следствия по делу Башкина свидетели из числа троице-сергиевских монахов-иосифлян показали, что слышали от самого Артемия еретические высказывания, непочтительные речи о сочинениях Иосифа Волоцкого, и, что узнав про арест Башкина, Артемий сказал: «Не ведают того, что ересь: сожгли Курицына да Рукавого (имеются в виду еретики,

сожженные по приговору церковного Собора 1504 года) и нынче сами не знают, за что их сожгли».

Артемий, поняв, что ему угрожает опасность, бежал из Москвы в Белозерскую пустынь, но там по царскому приказу был арестован и в оковах снова доставлен в Москву. Его судили, лишили сана и сослали в Соловецкий монастырь «на вечное заточение, аж до смерти».

Матвей Башкин был также осужден и сослан в Волоколамский монастырь.

Во время заседания Собора, посвященного ереси Башкина, в храме Николы Гостунского произошло чудо. Боярский сын из Тулы Григорий Сухотин, «расслабленный руками и ногами», оказавшись в храме у чудотворной иконы, «в един час здрав стал, якоже ничем вредим». Протопоп храма Николы Гостунского Амос, сменивший в середине 1550-х годов прежнего протопопа Михаила, тут же привел исцеленного на Собор и «богохульных еретиков посрамиша». Иван Федоров наверняка при этом присутствовал и, вероятно, знал — действительно ли произошло чудо, или исцеление было инсценировкой, призванной наглядно продемонстрировать чудотворную силу икон, отрицаемую Башкиным и другими еретиками.

О дальнейшей судьбе Матвея Башкина ничего не известно, а вот со старцем Артемием Ивану Федорову еще довелось встретиться. Правда, произошло это много лет спустя и далеко от Москвы...

Видным идеологом нестяжательства был греческий монах Максим, который прибыл в Москву с Афона в год смерти Иосифа Волоцкого. Впоследствии он оказался причастным к созданию русского книгопечатания и лично знал Ивана Федорова.

Ученый монах Максим, получивший на Руси прозвание Грек, родился около 1470 года в знатной и богатой семье в городе Арте в Албании. Мирское его имя — Михаил Триволис. Образование он получил в Париже и во Флоренции, где изучал древние языки, богословие и философию. Ему довелось познакомиться со многими видными деятелями эпохи Возрождения в Западной Европе, в том числе со знаменитым венецианским типографом Альдом Мануцием. В Италии он услышал проповеди знаменитого монаха-проповедника Джироламо Савонаролы, которые произвели на него сильнейшее впечатление, сформировав в его душе строгий религиозно-аскетический идеал. Вернувшись из Италии около 1507 года, Михаил Триволис принял постриг в афонском Ватопедском монастыре, приняв монашеское имя Максим.

В 1515 году московский великий князь Василий Иванович задумал перевести на русский язык греческие книги, бывшие в великокняжеской

библиотеке. Великий князь был наслышан, что на Афоне есть ученый монах и искусный переводчик — старец Савва, и обратился к настоятелю Афонского монастыря с просьбой отпустить Савву на Русь. Однако Савва был уже очень стар и, убоившись дальнего пути, отказался. Тогда братия решила отправить на Русь Максима, обладавшего обширными познаниями и блестящими способностями. Хотя Максим не знал русского языка, монахи в послании к великому князю выражали полную уверенность, что он «русскому языку борзо навьикнет».

Максим Грек прибыл в Москву в марте 1518 года. Великий князь и митрополит приняли его с большим почетом, приезжего поселили в кремлевском Чудове монастыре близ царского дворца и назначили хорошее содержание от казны. Приезд ученого грека, которому предстояла большая и серьезная работа, стал важным событием в культурной жизни Москвы. Иван Федоров был в то время ребенком, но и он мог услышать от кого-нибудь и запомнить имя Максима Грека.

Когда Максим познакомился с книжным собранием великого князя, то был поражен обилием редких греческих книг, которых он не видел даже в самой Греции. Максим составил список книг, не переведенных на русский язык, и приступил к переводу первой из них — Псалтыри. Но поскольку русского языка он еще не знал, в помощь ему были даны двое толмачей из Посольского приказа — Дмитрий Герасимов и Влас Игнатов. Максим Грек переводил с греческого языка на латынь, толмачи — с латыни на славянский. Переписывали перевод набело писцы Михаил Медоварцев и монах Троице-Сергиева монастыря Силуан. Дмитрий Герасимов в письме приятелю так описывает их совместную работу: «Максим Грек переводит Псалтырь с греческого <...>, а мы с Власом у него сидим переменяясь: он сказывает по латыни, а мы сказываем по-русски писарям».

Псалтырь была переведена за год и пять месяцев и представлена великому князю и митрополиту, которые торжественно одобрили перевод. Максим Грек, получивший за работу «сугубую мзду» от князя, продолжал трудиться над переводами.

К тому времени он уже в совершенстве освоил русский язык, великий князь поручил ему сверить с греческими оригиналами существующие переводы целого ряда богослужебных книг — Триоди, Часослова, праздничной Минеи, «Апостола». Ученому монаху сразу бросились в глаза многочисленные ошибки, допущенные прежними переводчиками и переписчиками, и он рьяно принялся за их исправление. «Ины богодуховные книги овых убо переводох, овых же исправив много перепорченых бывших от переписующих», — рассказывал он

впоследствии. Однако сама мысль об исправлении текстов, долгое время считавшихся каноническими, у многих вызывала недоумение и неодобрение. Даже помощник Максима Грека, Михаил Медоварцев, признавался, что, когда он вносил в книги поправки, его «дрожь великая объяла, и ужас напал». Многие представители церкви обвиняли Максима Грека в том, что он «портит» древние книги, по которым «спаслись Святые Отцы Российские». Началась жаркая полемика между книжными людьми. Максима Грека поддерживали нестяжатели. Вассиан Косой писал: «а до Максима мы по тем книгам Бога хулили, а не славили, не молили, а ныне мы Бога poznали Максимом и его учением».

Не только по вопросу о богослужебных книгах разошелся Максим Грек со значительной частью русского духовенства. Человек строгих нравственных правил, Максим Грек открыто осуждал образ жизни многих духовных лиц и монахов. Невежество, лихоимство, распутство, суеверия вызывали у него искреннее негодование. В полемике между нестяжателями и иосифлянами Максим Грек безоговорочно принял сторону нестяжателей. Единомышленники Максима Грека стали видеть в нем учителя, преклоняясь перед его нравственным и научным авторитетом, иосифляне же видели в нем опасного противника.

Однако покровительство митрополита и великого князя служило Максиму надежной защитой, и до поры до времени он продолжал спокойно жить и работать.

Но тучи уже сгущались над его головой. Доверие и уважение, с которыми относились к ученому монаху великий князь и митрополит, у многих вызывали зависть и озлобление. На четвертом году пребывания Максима Грека в Москве на митрополичьем престоле сочувствовавшего нестяжателям Варлаама сменил убежденный иосифлянин — Даниил. Максим Грек и новый митрополит разошлись во взглядах по ряду религиозных вопросов, и Даниил обвинил его в ереси.

В это же время Максим Грек навлек на себя гнев и великого князя. Василий III искал у церкви поддержки своего решения развестись с бесплодной первой женой Соломонией Сабуровой и жениться на молодой Елене Глинской, чтобы иметь наследника. Большинство церковников одобрили намерение великого князя, и лишь немногие, в том числе и Максим Грек, объявили такое решение противным законам Божеским и человеческим.

В 1525 году состоялся Собор, на котором Максим Грек был осужден как еретик. В вину ему ставились и исправление текстов богослужебных книг, и сочинения, обличающие нравы духовенства. Максим Грек настаивал

на своей правоте, приводя убедительные доводы, но предвзятые судьи осудили его. Он был сослан в Иосифо-Волоколамский монастырь — главный оплот иосифлян и заключен в темницу, «обращения ради и покаяния и исправления». Ему было запрещено заниматься литературным трудом и с кем-либо переписываться. Однако Максим Грек продолжал сочинять. Известен созданный им «Канон Молебен к Божественному и поклоняемому Параклиту (Св. Духу) воспеваемый», который он записал углем на стене своей темницы.

Такое поведение узника раздражало митрополита, и в 1531 году Максим Грек был вызван на новый соборный суд. На сей раз он признал, что в его переводах могли быть «некии малые описи», однако настаивал, что произошли они не от ереси или злого умысла, а случайно, из-за спешки, или даже «по излишнему винопитию». Но эти объяснения не смягчили митрополита Даниила, ненавидевшего ученого монаха и открыто сводившего с ним на Соборе личные счеты. Собор отлучил Максима от причащения Святых Тайн и в оковах отправил его в заточение в Тверской Отроч монастырь. После смерти митрополита Даниила условия, в которых находился узник, были несколько смягчены. Ему разрешили ходить в церковь и причащаться Святых Тайн. Кроме того, тверской епископ Акакий, сочувствовавший Максиму Греку, дал ему возможность заниматься литературным трудом.

Максим Грек провел в заточении более двадцати лет. О его освобождении и отпущении на родину просил сам Константинопольский патриарх, но его просьба оказалась тщетной.

Шло время. На российский престол взошел Иван Грозный, митрополитом стал Макарий. Максим Грек жаловался на свою участь и тому и другому, но царь оставил жалобу без ответа, а Макарий написал в письме: «узы твоя целуем, яко единого от святых, пособити же тебе не можем». Но в 1553 году он неожиданно был переведен из тверского заточения в подмосковный Троице-Сергиев монастырь по ходатайству тамошнего игумена — старца Артемия, который согласился принять игуменство только при условии, что в монастырь «на покой» переведут Максима Грека.

Артемия и Максима объединяли любовь к книгам и вера в великую пользу просвещения. Артемий ратовал за распространение книжного учения среди всех сословий и утверждал, что «от учения бо разум прилагается, якоже в святых людях глаголется, еже и до смерти учиться подобает». И Артемий, и Максим Грек живо интересовались развитием печатного дела в России.

СТАРЕЦ МАКСИМ

Как мы помним, в том же году, когда Максим Грек поселился у Троице-Сергия, в Москве была основана Сильвестрова типография. Многие исследователи предполагают, что первые московские печатники не раз обращались за советом к Максиму Греку, как к человеку книжному и ученому, а кроме того, в молодости жившему в Венеции и наблюдавшему работу венецианских типографий.

Возможно, в Троице-Сергиевом монастыре Максима Грека посетил и Иван Федоров. Е. Л. Немировский пишет: «Готовя к печати свои первые книги, Иван Федоров, несомненно, руководствовался советами Максима Грека. Не исключено, что они были знакомы. Это лишь предположение, так как документальных свидетельств тому нет. Но для многих исследователей факт знакомства Максима Грека и Ивана Федорова очевиден».

*

В тихий предзакатный час, когда каждая травинка светится теплым зеленым светом, пронизанная последними лучами уходящего за горизонт солнца, а в противоположной от заката стороне уже сгустились сумерки и потемнела полоска далекого леса, возок Ивана Федорова, подпрыгивая на ухабах и поднимая нагретую за день пыль, подъезжал к Троице-Сергиевой обители. Монастырь стоял на зеленом холме, от его белых стен, голубых и золотых куполов веяло миром, тишиной и покоем.

Иван Федоров отпросился у митрополита Макария к Троице-Сергию на богомолье, тот отпустил его охотно. И даже попросил передать поклон тамошнему настоятелю старцу Артемию, но на самом деле Ивана влекло сюда совсем другое. Он хотел поговорить со старым греческим монахом Максимом, недавно выпущенным из многолетнего заточения и доживающим свои дни в Троице-Сергиевом монастыре.

Перекрестившись на надвратный образ, Иван Федоров отправился прямо к настоятелю, передал ему поклон от митрополита, отстоял вечерню в Троицком соборе, приложился к раке Святого Сергия Радонежского, устроился на ночлег на монастырском подворье, а потом пошел узнавать, примет ли его старец Максим.

Когда Иван Федоров вошел в келью и, низко поклонившись,

остановился у порога, Максим Грек что-то быстро писал при свете одинокой свечи. Он был очень стар, худ, изнурен годами и несчастьями, его длинные волосы и борода были совершенно белыми.

Старец обернулся, и Иван Федоров увидел темный, изборожденный морщинами лик, как на иконах старинного греческого письма. Но смотрел старец Максим не с суровой скорбью, как иконные лики, а живо и с нескрываемым любопытством.

— Давненько не было у меня гостей из Москвы. Кто ты таков и зачем пожаловал?

Иван Федоров назвал себя и сказал:

— Отче Максиме, я пришел поговорить с тобой о печатном деле. Ведь ты, я слышал, бывал в молодости в Венеции и знал тамошних типографов?

— Венеция! — медленно, наслаждаясь самим звучанием этого слова, произнес Максим Грек. — Да, я бывал там, но как давно это было!

Иван Федоров почтительно молчал, понимая, что, прежде чем приступить к разговору по существу, старик пустится в пространные воспоминания.

— Венеция! — повторил Максим Грек. — Что за прекрасный город! Впрочем, — перебил он сам себя, — я был тогда молод, и мне все казалось прекрасным. Ты хотел узнать о венецианских типографах. А что тебе в них за нужда?

— Божьим соизволением, начали мы в Москве печатать книги. Великое прилагаем к тому усердие, но многого еще в печатном деле не знаем и рады всякой крупнице нового знания.

— Печатные книги! — воскликнул Максим. — Благое дело! А показать что-нибудь привез?

Иван Федоров вынул из-за пазухи завернутое в полотенце Евангелие и, развернув, подал старцу.

Максим бережно принял книгу и начал медленно листать.

— Что ж, изрядно! — промолвил он, закрывая книгу. — Расскажу тебе все, что знаю о венецианских печатниках, Бог даст, извлечешь из моего рассказа пользу для своего дела. Садись и слушай.

Иван Федоров опустил на лавку, и старец Максим повел свой рассказ.

— Был в Венеции некий философ, весьма искусный, имя ему Альдус, а прозвище Мануций, родом итальянец, отечеством римлянин, древнего римского рода, большой знаток греческого и римского языка и словесности. Я к нему часто хаживал по книжным делам.

Приехал тот Альдус Мануций в Венецию в лето 1490-е, намереваясь открыть там школу древних языков. А чтобы иметь в своей школе все потребные для обучения книги, основал типографию, собрал вокруг себя знатоков греческого языка и стал готовить издания древнегреческих писателей. Издал он целую библиотеку: и сочинения Аристотеля в пяти фолиантах, и Аристофана, и Фукидида, и Софокла, и Геродота, и Ксенофонта, и Еврипида, и Демосфена, и Плутарха, и Платона, и многих других философов и ораторов. Всего из типографии Альдуса Мануция вышло сто пятьдесят три книги.

Для редактирования текстов собрал он вокруг себя ученых людей, — в Венеции их содружество называли — академия Альдуса. И сам он был ученым, написал несколько сочинений по древней филологии.

Много нового ввел Альдус Мануций в типографское дело: научился отливать мелкие шрифты, ввел в употребление особый наклонный шрифт — курсив, первым начал издавать книги небольшого формата — в одну восьмую листа. Такую книгу можно читать не кладя на стол, а просто держа в руках.

Искусство печати поднял он на небывалую высоту, его издания — их называли «альдины» — вызывали всеобщее восхищение. Многие типографы, а типографий в городе было около полутора сотен, стали ему подражать, а некоторые — подделывать альдины. Чтобы обезопасить себя от таких подделок, Альдус Мануций начал ставить на всех своих книгах особый знак: дельфин, обвивающий якорь. Якорь означает незыблемость и твердость веры, а рыба-дельфин — душа человеческая, удерживаемая якорем веры от зла и нечистоты^[6].

— Отче Максиме, — попросил Иван Федоров, — а нет ли у тебя какой-нибудь книги Альдуса Мануция, чтобы мог я увидеть альдину своими глазами?

Максим Грек усмехнулся.

— Когда я приехал в Москву, то привез с собой немало книг, были среди них и альдины, подаренные мне самим незабвенным моим другом Альдусом Мануцием. Но за годы мытарств, что пришлось мне здесь перенести, библиотека моя сильно поредела. Однако кое-что мне удалось сохранить.

Максим Грек отпер кованный сундучок и достал небольшой, изящно переплетенный томик.

— Вот сочинения Плутарха издания Альдуса Мануция.

Иван Федоров взял томик в руки, открыл первую страницу и увидел дельфина, обвивающего якорь.

Венецианские типографские традиции оказали несомненное влияние на работу наших первопечатников. Иван Федоров в предисловии к своему «Апостолу», рассказывая о начале печатного дела в Москве, пишет, что царь «начал помышляти, како бы изложите печатные книги, яко же в греках, и в Венеции, и во Фригии и в прочих языцех». А неизвестные авторы «Сказания о воображении книг печатного дела», написанного в XVII веке, рассказывая о начале деятельности Ивана Федорова и его помощника Петра Мстиславца, говорят: «Глаголют нецыи о них, яко от самих Фряг то учение прияста». (Фрягами на Руси называли иностранцев, преимущественно выходцев из Италии.)

Об итальянском влиянии свидетельствует и то, что типографские термины, принятые в России в XVI–XVII веках («штанба» — печатня, «тередорщик» — рабочий у печатного станка, и другие), итальянского происхождения.

Интерес русских типографов вызывало и то, что в Венеции существовали и типографии, издававшие книги, отпечатанные кириллицей. Из захваченной турками Византии в Италию бежали многие образованные греки, пробуждавшие интерес к греческой культуре. Много было в Венеции и беглецов из также пребывавших под турецким игом югославянских стран. Славяне в Венеции селились на одной из самых красивых городских набережных, которую так и называли — «Славянский берег».

В Венеции обучался печатному делу основатель первой типографии в землях южных славян — Макарий Черногорский. Он был книгописцем в цетиньском монастыре Рождества Богородицы, но, заинтересовавшись печатным делом, уехал учиться в Венецию. Освоив ремесло типографа, Макарий вернулся на родину. Черногория в то время оставалась последним оплотом независимости славян на Балканах. Черногорский владыка Джурдж Црноевич в своей столице городе Цетинье решил издавать славянские книги и привлек к работе Макария. Из Венеции привезли типографский станок и шрифт, отлитый также по рисункам Макария. Первая черногорская книга — Октоих — вышла 4 января 1494 года. Но вскоре Черногория, как и другие Балканские страны, была захвачена турками. Владыка Джурдж Црноевич с семьей бежал в Венецию, с ним уехал и Макарий. Однако типограф не задержался в Венеции, а переселился в Валахию, где основал типографию и напечатал несколько книг. Окончил свои дни Макарий Черногорский на Афоне, игуменом монастыря Хиландар.

Первую в Венеции типографию кирилловского шрифта основал в 1519

году также выходец из Черногории Божидар Вукович (в Венеции его стали называть Дионисио делла Веккио). После того как его родная Черногория была захвачена турками, он бежал в Италию и обосновался в Венеции. Здесь увидел печатные книги, заинтересовался издательским делом и стал печатать для своих земляков «душеполезные книги, угодные всякому прочитающему». Книги из его типографии шли во многие славянские страны, в том числе и на Русь. Вукович был только издателем, типографским же ремеслом сам не владел, и печатником в типографии работал его земляк — монах Пахомий с Черной Горы. В конце 20-х годов XVI века Пахомий умер. Другого типографа, знающего славянский язык, в Венеции не нашлось, и издательская деятельность Вуковича прекратилась. Лишь в 1535 году появился новый печатник — Моисей из Сербских земель, а затем мастера Феодосий и Геннадий — монахи Милешенского монастыря. Издательская деятельность Вуковича пользовалась большим уважением. Император Карл V даровал ему дворянство и герб с изображением идущего льва. Вукович умер в 1540 году. Похоронить себя завещал на родине — в монастыре Старчево на Скадарском озере.

Венецианские книги продавались по всему миру в числе прочих товаров, которыми славилась Венеция. Торговые пути, по которым они могли попадать в Москву, шли через Амстердам, Гамбург, Любек и Новгород, или же через Венецию, Цетинье, Молдавское княжество, Львов и Киев. Иван Федоров мог слышать и о Макарии, и о Вуковиче и видеть их книги.

КАЗАНСКОЕ ВЗЯТИЕ

Одной из причин возникновения русского печатного дела сам Иван Федоров называл присоединение к России Казанского ханства. В предисловии к «Апостолу» первопечатник пишет, что «в новопросвещенном месте, во граде Казани» было возведено много христианских церквей, и для них потребовалось большое количество богослужебных книг.

Казанское ханство образовалось в первой половине XV столетия в Среднем Поволжье. Когда-то здесь располагалось сильное, обладающее высокой культурой государство — Волжская Болгария, но в XIII веке она была завоевана и разорена татаро-монголами и вошла в состав Золотой Орды, как вассальное княжество. В 1436 году в Золотой Орде произошел дворцовый переворот, вследствие которого золотоордынский хан Улу-Мухаммед лишился престола. Свергнутый правитель ушел в земли волжских болгар, убил княжившего там правителя — вассала Золотой Орды и основал собственное государство с центром в городе Казани — Казанское ханство. Наследники Улу-Мухаммеда расширили границы ханства, подчинив своему влиянию земли поволжских народов — марийцев, удмуртов, чувашей и мордвы.

Казанское ханство занимало выгодное географическое положение, оно находилось на скрещении важнейших торговых путей: Волга вела в Каспийское море, Кама — в Зауралье, Ока — в Северо-Восточную Русь. Казанские купцы торговали с Персией, Азербайджаном, среднеазиатскими городами — Бухарой и Хивой, русскими и сибирскими землями. Ежегодно посреди Волги на гостинном острове устраивалась многолюдная ярмарка, на которую с Востока привозили драгоценные ткани и украшения, из Сибири — пушнину, с Руси — соль. Обретя богатство и силу, Казанское ханство вступило в борьбу с Москвой за преобладание в Среднем Поволжье. Казанцы совершали набеги на русские земли, доходя до Костромы и Устюга, разоряли селения, угоняли пленных. Московские князья не раз выступали против Казанского ханства. Борьба была ожесточенной — однажды пленником в Казани оказался сам великий князь Московский Василий Темный и был освобожден за большой выкуп.

К середине XVI века в Казани находилось более шестидесяти тысяч русских пленных. Казанские набеги представляли постоянную угрозу для Руси, их отражение требовало большой затраты сил, тем более что татар

поддерживали турки. Кроме того, Казань держала в своих руках Волжский торговый путь, препятствуя русской торговле. При Иване Грозном борьба с Казанью стала одной из важнейших внешнеполитических задач Русского государства. В 1547–1548 годах Иван Грозный предпринял поход против Казани, однако поход этот закончился неудачей. В 1549–1550 годах был предпринят второй поход, тоже неудачный. И лишь в конце августа 1552 года после тяжелой полуторамесячной осады Казань была взята штурмом, Казанское ханство присоединено к России, казанский хан Едигер Магмет пленником увезен в Москву.

В Москве Едигер согласился принять крещение. Иван Федоров был непосредственным свидетелем, а возможно, и участником этого события, поскольку крестил Едигера протопоп храма Николы Гостунского Амос, и Иван Федоров должен был помогать ему в качестве дьякона. Крещение пленного хана произошло в феврале 1553 года. Купель была прорублена во льду Москвы-реки, принимал из купели новоокрещенного, в крещении получившего имя Симеона, митрополит Макарий. При этом присутствовали царь, его брат Юрий Васильевич, Владимир Андреевич Старицкий «и весь собор, архимандриты, и игумены, и протопопы и множество бояр».

В память казанского взятия Иван Грозный повелел возвести в Москве новый, небывалой красоты храм, который на протяжении последующих веков восхищенные зрители сравнивали то со сказочным городом, то с чудесным цветком. Это — знаменитый храм Покрова Богородицы, что на Рву, сейчас более известный под народным названием храма Василия Блаженного. Храм не случайно был посвящен Покрову Богородицы: именно в день Покрова — 1 октября — был начат штурм Казани. Строительство продолжалось с 1555 по 1559 год и проходило на глазах Ивана Федорова. В одном из старинных документов говорится, что для строительства храма Бог даровал Ивану Грозному «двух мастеров русских по реклу Барма и Постник», которые были «премудры и удобны таковому чудному делу». Однако ученые спорят, действительно ли мастеров было двое, или это был один человек — Постник Яковлев по прозвищу Барма, известный из других документов. А Иван Федоров наверняка не раз видел строителей (или строителя) знаменитого храма, с восхищением наблюдал за их работой, возможно, разговаривал с ними...

Вероятно, присутствовал Иван Федоров и на похоронах почитаемого московского юродивого Василия Блаженного, скончавшегося 2 августа 1557 года и похороненного под стеной еще недостроенного храма.

В Казани была учреждена епархия, и в 1555 году протопоп Амос, а

стало быть, и Иван Федоров принимали участие в еще одном событии, связанном с присоединением к России Казанского ханства — в поставлении игумена Селижарова монастыря Гурия архиепископом Казанским. Проводы Гурия в новоприсоединенные, совсем недавно бывшие чужими и враждебными земли были торжественными. В Успенском соборе отслужили молебен, царь, митрополит Макарий, духовенство и множество народа вместе с Гурием вышли за Фроловские ворота. Гурий благословил провожающих и покидаемую им Москву, спустился к Москве-реке и взошел на корабль. Путь его лежал по Москве-реке, Оке и Волге до самой Казани.

С учреждением Казанской епархии по царскому указу был начат сбор богослужебных книг по разным монастырям и церквям России для отправки в Казань. Попали в Казанские земли и некоторые книги из типографии Сильвестра.

*

Поздним морозным вечером Иван Федоров возвращался из печатни домой. Сегодня закончили печатание Псалтыри, и он испытывал блаженное чувство завершенной работы, которая в последние дни была особенно напряженной, предвкушал, что сейчас он ляжет спать, завтра встанет поздно и целый день будет отдыхать, неспешно занимаясь домашними делами.

Поужинав с женой и сыном, он улегся на лавку, накрылся с головой старым тулупом и мгновенно уснул. Однако поспать ему удалось не более часа. Внезапно его разбудил настойчивый стук в дверь.

Жена, все еще гоношившаяся по хозяйству, настороженно спросила:

— Кого это Бог посылает в такую поздноту?

Из-за двери послышался надтреснутый старческий голос:

— Пусти, хозяйюшка, переночевать!

— А ты кто таков?

— Да ты не бойся. Я человек смирный, поп Анисим из прихода Святого Николы в селе Малые Кундыши.

— Не слыхала я никогда про такое село. Где это?

Голос за дверью взмолился:

— Хозяйюшка, мороз до костей пробирает, дух захватывает! Впусти поскорей, ради Бога!

— погоди, сейчас мужа разбужу.

Но Иван Федоров уже не спал. С досадой зевнув, он слез с лавки и пошел открывать дверь.

С улицы пахнуло холодом, через порог переступил маленький, сухонький старичок с заиндевевшей на морозе седой бородой. Он истово перекрестился на образа, низко поклонился хозяевам, кряхтя, снял тулуп, скинул валенки и, оставшись в поношенной поповской рясе, стал с наслаждением греться у печки, поворачиваясь то одним, то другим боком и приговаривая:

— Ох, хорошо!

Жена поставила на стол миску еще теплых, оставшихся от ужина щей и положила краюху свежей, утром испеченной ююбы.

— Садись, батюшка, поешь.

Отец Анисим не заставил себя упрашивать, уселся за стол и быстро выхлебал щи, заедая их душистым хлебом.

Наевшись, он поблагодарил хозяйку и, видя, что все смотрят на него выжидательно, стал рассказывать.

Почти всю свою жизнь отец Анисим жил в городе Великом Устюге и служил в одной из тамошних церквей. Прихожане его уважали, был он всем доволен и думать не думал, что в его жизни могут произойти какие-нибудь перемены. Но однажды его вдруг призвал к себе отец благочинный и, усадив напротив себя, спросил: «Скажи, отец Анисим, ведомо ли тебе, что государь наш Иван Васильевич в нынешнее лето ходил войной на Казанское ханство, присоединил к России Казанские земли, и строятся теперь в тех землях многие православные храмы?» Отец Анисим удивился такому вопросу и ответил: «Кому же про то неведомо?» «Так вот, — продолжал благочинный, — повелел государь отправлять в Казанские земли хороших священников, чтобы служили они в новых храмах». Отец Анисим слушал, еще не понимая, к чему клонит благочинный. А тот торжественно объявил: «Вот и решил наш митрополит отправить тебя, отец Анисим, служить в церкви села Малые Кундыши, что в тридцати верстах от Казани».

В растерянности вышел отец Анисим от благочинного. Не хотелось ему покидать родные места, страшно было ехать в далекую, еще недавно бывшую чужой, сторону. Но, проведя ночь в размышлениях и молитве, к утру он ободрился, решил, что и в Малых Кундышах люди живут, а если Богу угодно, чтобы он служил делу Божью именно там, надобно собираться в Малые Кундыши.

Увязав и уложив на телегу свое нехитрое имущество, отец Анисим зашел проститься к благочинному и, уже простившись, спросил: «А

довольно ли в новой церкви святых книг и честных икон?» Благочинный, немного смутившись, ответил: «Иконы, кажется, есть, а вот книг пока нету. Церквей-то новых много, для всех книг не хватает».

Церковь в Малых Кундышах оказалась маленькой, деревянной, срубленной из свежих, еще пахнущих смолой бревен. Иконы в ней были написаны не слишком умелым, но старательным деревенским живописцем, а книг, действительно, не было.

Отец Анисим вскоре обжился на новом месте, привык, стал пользоваться среди новых прихожан таким же уважением, как прежде в городе, но очень не хватало ему книг. Без церковных книг не было истинного благолепия в службе. В селе подрастали ребятишки, нужно было учить их грамоте, а без книг — какое учение? Да и просто душа просила чтения.

Несколько раз отец Анисим писал благочинному, смиренно вопрошая, нельзя ли прислать ему книг, но благочинный отвечал, что книг по-прежнему нет, а то и вовсе не отвечал.

Тогда отец Анисим решил сам накопить денег и купить хотя бы Псалтырь — книгу, пригодную и для церковной службы, и для обучения ребят грамоте, и для чтения в часы отдохновения. Урезывая себя во всем, начал он откладывать в глиняную кубышку полушки, деньги, а иногда и копейки. Многие из прихожан, узнав о благом намерении отца Анисима, стали приносить ему, кто сколько может, и наконец в кубышке накопился рубль с гривною. На Псалтырь, если она будет без рисованных украшений и в переплете попроще, должно было хватить.

За Псалтырью отец Анисим решил отправиться в самую Москву, поскольку не раз слышал, что московские доброписцы — самые искусные и ученые, и, стало быть, московские книги — самые лучшие и правильные.

Едва установился санный путь, отец Анисим пересыпал деньги из кубышки в кожаный кошель, спрятал его на груди, простился с прихожанами, пообещав вернуться как можно скорее и непременно — с книгой, и пустился в дорогу.

Большую часть пути отец Анисим прошел пешком, иногда добрые люди подвозили его на санях, и вот, наконец, нынешним утром он оказался в Москве. У первого встретившегося ему москвича отец Анисим спросил, как пройти на знаменитый Московский торг, на котором, как известно, можно купить все, что душа пожелает, стало быть, и книги тоже.

Приветливый москвич подробно объяснил отцу Анисиму дорогу, но, оказавшись среди многочисленных, разбегающихся во все стороны, причудливо извивающихся улиц и переулков, он заблудился и проплутал до

самых сумерек. Тут поднялась метель. Усталый, проголодавшийся и промерзший отец Анисим присел на лавочку у чьих-то ворот. Вдруг из метели вынырнул долговязый детина в щегольском, крытом лазоревым атласом, но не по росту коротком и тесном в плечах тулупчике.

Детина шел торопливым шагом, склонившись навстречу ветру, однако, увидев отца Анисима, остановился и спросил: «Ты что тут сидишь? Верно, нездешний?» Отец Анисим, перекрикивая вой метели, коротко рассказал, кто он таков и зачем в Москве. «Так тебе нужно на Торг? — обрадовался детина. — И деньги при тебе? Идем, провожу!» Он крепко взял отца Анисима под руку, довел до ближайшего угла, потом остановился и сказал: «А дальше сам найдешь», — засмеялся и пошел прочь.

Сбитый с толку отец Анисим посмотрел ему вслед, потом сунул руку за пазуху — кошель с деньгами не было.

— Вот такая беда со мной приключилась, — закончил свой рассказ отец Анисим. — И ладно бы только мои деньги были, а то ведь всем селом собирали...

— Ладно, отец, — сказал Иван Федоров, — сейчас ложись спать, а завтра попробую пособить твоей беде.

Наутро Иван Федоров и отец Анисим вышли из дому. Метель за ночь унялась, пушистый снег весело искрился на солнце. Они направлялись к Сильвестровой избе.

Отец Анисим, оказавшись перед лицом премудрого царского советника, о котором он много слышал, оробел и не смог вымолвить ни слова. Иван Федоров сам пересказал Сильвестру историю казанского попа и попросил:

— Отец Сильвестр, сделай милость, подари ему Псалтырь из тех, что мы вчера печатать закончили.

Отец Анисим долго любовался подарком, горячо благодарил Сильвестра и Ивана Федорова и призывал на них благословение Божие.

На следующий день отец Анисим, бережно спрятав за пазуху завернутую в чистую холстинку Псалтырь, отбыл к себе в Малые Кундыши, и Иван Федоров с радостью подумал, что тамошние ребяташки будут учиться грамоте уже по печатной книге.

ГОРЕСТНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Царь не огонь, а ходючи близ него опалишься.

Пословица

Еще в первые годы правления Ивана Грозного при молодом государе сформировался совет из узкого круга приближенных к нему людей — Избранная рада. В ее состав входили митрополит Макарий, Сильвестр, князь А. М. Курбский и некоторые другие. Во главе Избранной рады стоял Алексей Федорович Адашев. «Имея нежную и чистую душу, нравы благие, разум приятный, основательный и бескорыстную любовь к добру, он искал Иоанновой милости не для своих личных выгод, а для пользы отечества», — писал об А. Ф. Адашеве Н. М. Карамзин.

Избранная рада имела сильное и благотворное влияние на царя, время ее существования историки считают самым светлым и блистательным периодом правления Ивана Грозного. Фактически Избранная рада стала неофициальным правительством государства.

Осенью 1552 года в царской семье произошло радостное событие: у Ивана Грозного родился долгожданный сын и наследник — царевич Дмитрий. Известие об этом царь получил, находясь в пути из Казани в Москву. Грозный царь залился радостными слезами, обнял и расцеловал вестника и тут же подарил ему одежду со своего плеча и коня из-под себя. Когда Дмитрию было около полугода, в начале марта царь неожиданно занедужил горячкой. Болезнь оказалась настолько тяжелой, что ни сам Иван Грозный, ни его приближенные не сомневались в скорой кончине государя. Иван Грозный написал завещание, объявив своим наследником — единственным и самовластным правителем России младенца Дмитрия. Но он не был уверен, что завещание его будет исполнено.

Иван Грозный знал, что многие бояре ненавидят родственников царицы — Захарьиных-Юрьевых, забравших при дворе большую силу, он помнил боярские смуты времен своего собственного малолетства и не сомневался, что они начнутся снова после его смерти. Существовал и реальный претендент на престол — князь Владимир Андреевич Старицкий, двоюродный брат Ивана Грозного, сын Андрея Старицкого, вероломно погубленного Еленой Глинской. Хотя со времен Дмитрия Донского Московский престол неизменно передавался по наследству от отца к сыну,

многие помнили более древний порядок престолонаследия, согласно которому наследником становился старший по возрасту мужчина в роду. Таким образом, Владимира Старицкого вполне могли признать более законным государем, нежели Дмитрия, и в таком случае у Ивана Грозного были основания тревожиться не только за благополучие, но и за саму жизнь своих жены и сына.

Полный мрачных опасений, Иван Грозный собрал бояр для принесения присяги — крестного целования — Дмитрию. Опасения его тут же подтвердились — часть бояр присягнула, но многие отказались целовать крест царевичу-младенцу, или, как они его называли, «пеленочнику». Иван Грозный пытался их увещевать: «Или вы уже не помните, что я — единый ваш государь? Что клялись вы верно служить мне и детям моим? Сын мой Димитрий и в пеленках для вас законный государь!» Бояре смутились, но окольный Федор Адашев, отец Алексея Адашева, откровенно ответил: «Государь! Тебе и сыну твоему мы — верные слуги. Но ведь сын твой пока мал и бессловесен, и владеть нами будут Захарьины. А им мы служить не желаем!» Иван Грозный был в отчаянии. Карамзин пишет: «Самодержец чувствовал себя простым, слабым смертным у могилы; его любили, оплакивали, но уже не слушались».

Меж тем многие бояре действительно начали выступать за Владимира Старицкого. И во дворце, и на площади громко звучали призывы: «Лучше служить старому, нежели малому, и покоряться Захарьиным!» Многие искренне верили, что Владимир Старицкий будет лучшим государем и его избрание на царство послужит ко всеобщему благу. Такой уверенности придерживался и Сильвестр, к тому же связанный с князем Старицким дружескими отношениями.

Царь призвал к себе самого князя Старицкого и потребовал, чтобы тот присягнул на верность Дмитрию. Владимир Старицкий отказался. На другой день Иван Грозный снова собрал у своего ложа бояр и обратился к тем из них, кто поклялся в верности Дмитрию: «Вы поклялись умереть за меня и сына моего, другие же не хотят его на государстве видеть. Если я по воле Божией отойду в мир иной, не забудьте же своей клятвы, не дайте злодеям известить сына моего, и, если придет крайность, бегите с ним в чужие земли, куда Бог укажет вам путь!» Эти слова напугали непокорных бояр. Одно дело — желание избежать смуты, совсем другое — обвинение в замысле убийства невинного младенца, государева сына, к тому же услышанное из уст умирающего государя. Непокорные были деморализованы — и присягнули Дмитрию. Владимир Старицкий особо поклялся не думать о царстве и в случае кончины царя повиноваться его

сыну как законному государю.

Но Иван Грозный неожиданно выздоровел.

Многие со страхом ожидали, что царь подвергнет ослушников наказанию или хотя бы опале, но никаких гонений не последовало. Иван Грозный всячески подчеркивал свою родственную любовь к Владимиру Старицкому и расположение к его сторонникам. Однако злопамятный царь ничего не забыл, и с этого времени началось его охлаждение к Сильвестру и Адашеву и всей Избранной раде.

В благодарность за свое неожиданное исцеление царь решил отправиться на богомолье в далекий Кирилло-Белозерский монастырь вместе с царицей и сыном. Момент для отъезда царя из столицы был неудачным, беспокойство в только что завоеванных Казанских землях требовало присутствия государя. Однако царь с семейством отправился в путь. По дороге он заехал в Троице-Сергиев монастырь и имел там беседу с Максимом Греком. Старец Максим попытался отговорить царя от путешествия: «Обеты безрассудные угодны ли Богу? Вездесущего не должно искать только в пустынях, весь мир исполнен Его». Ученый монах посоветовал царю лучше позаботиться о вдовах и сиротах воинов, погибших в Казанском походе, но царь продолжал упорствовать в своем намерении. Тогда Максим Грек высказал опасение, что путешествие может быть вредным для младенца Дмитрия. Это вполне здравое предупреждение впоследствии стало восприниматься как пророчество. К великому горю царя и царицы, царевич действительно скончался в дороге.

Во время «Кирилловского езда» Иван Грозный посетил Песношский монастырь на реке Яхроме, где обитал бывший епископ Коломенский Вассиан. Когда-то он был одним из ближайших советников Василия III, но во времена междоусобицы лишился епархии. Царь захотел посоветоваться с ним об управлении государством, и Вассиан подал царю недобрый совет: «Аще хочеши самодержцем быти, не держи себе советника ни единого мудрейшего себя, понеже сам еси всех лучше; тако будеши тверд на царстве и всех иметь будеши в руках своих». Иван Грозный усмотрел здесь нарек на Сильвестра и Избранную раду, слова Вассиана оказались созвучными мыслям и самого Ивана Грозного. К концу 1550-х годов Иван Грозный начал выходить из-под влияния Сильвестра. Этому способствовало и то, что благовещенского попа не любили царица Анастасия и ее родичи Захарьины.

Летом 1560 года в июльскую жару в Москве вспыхнул пожар, который, по словам Карамзина, «стоил битвы». Загорелось на Арбате, затем ветер перебросил огонь на Кремль. Царица Анастасия была в то время больна и

лежала в кремлевских палатах. Царь немедленно отправил жену из пылающей Москвы в свое подмосковное имение Коломенское, но от пережитого испуга царица совсем разболелась и в начале августа умерла. Иван Грозный любил Анастасию. Она одна могла умерять его злобу, сдерживать приступы ярости, успокаивать болезненную подозрительность. Со смертью Анастасии грозный царь утратил те немногие добрые начала, которые были в его душе.

Захарьины пустили слух, что Сильвестр и Адашев извели царицу колдовством или отравой. Царь, может быть, в такой навет и не поверил, но воспользовался предлогом, чтобы избавиться от своих советников. Адашев был отправлен воеводой на границу с Ливонией, Сильвестр заключен в далекий Кирилло-Белозерский монастырь. Удалив Сильвестра и Адашева из Москвы, царь созвал Собор для суда над ними. Сильвестр и Адашев обратились к царю с просьбой дать им возможность встретиться с обвинителями лицом к лицу и оправдаться, но их послания были перехвачены Захарьиными и не дошли до царя. Митрополит Макарий тщетно пытался убедить царя, что такой заочный суд несправедлив, митрополита поддержали многие бояре, но все было тщетно. Собор осудил Сильвестра и Адашева как «ведомых злодеев» и «чаровников».

Адашев, находившийся в пограничном городе Юрьеве, был взят под стражу и вскоре умер, Сильвестр переведен в Соловецкий монастырь и приговорен к вечному заточению. Их сторонников заставили принести присягу прервать всякие сношения с недавно всесильными советниками царя.

*

Вечерело. Темно-багровая полоса заката тускло мерцала из-под косматых фиолетовых туч. Кремль высился темным силуэтом.

Иван Федоров с утра сказался больным, попросил дьячка заменить его сегодня в церкви и отправился бродить по подмосковным лугам, пытаясь успокоить мысли и чувства.

Великая несправедливость совершилась у него на глазах. Как мог государь, дарованный самим Богом, так жестоко покарать безвинных, не дав им даже оправдаться? Как мог в одночасье забыть все благое и полезное, что совершили Сильвестр и Адашев, и лишить отечество того, что они могли бы еще совершить?

Когда он последний раз видел Сильвестра в печатне, тот постоял

возле печатного станка и сказал: «Я вот думаю, отец дьякон, без меня печатня будет работать или все пойдет прахом?» Но Иван Федоров был тогда увлечен работой — нужно было с филигранной точностью вложить в верстатку литеры перекрещенных строк, слушал вполуха и рассеянно спросил: «Как это без тебя?», а что ответил Сильвестр, и ответил ли что-нибудь — не расслышал.

А на другой день узнал, что Сильвестра увезли в Белозерск. Потом был суд, теперь Сильвестр в Соловках, и Бог весть, жив ли?

Иван Федоров корил себя, что ничем не помог своему другу и покровителю, хотя чем он мог помочь? Раз уж всеильному Макарию не удалось склонить царское сердце к милости и справедливости, где уж ему? Но он мог хотя бы проститься с Сильвестром, сказать ему спасибо, пообещать, что дело его не пойдет прахом! Хотя как можно это обещать? Кто знает, что теперь будет?

В полном смятении бродил он целый день, сам не зная где, и вот теперь возвращался домой.

Торг уже опустел. Последние торговцы запирали свои лавки и расходились по домам. Сторожевые собаки, перелаиваясь и гремя цепями, закрепленными на длинной проволоке, бегали вдоль рядов.

Пройдя Фроловскими воротами, Иван Федоров направился к своему дому.

Сумерки все большие сгущались, в окнах загорались желтые огоньки. Вот засветились окошки его избы, затем отворилась дверь, жена вышла на крыльцо и с тревогой стала вглядываться в наступающую темноту.

Иван Федоров ускорил шаги.

За ужином жена рассказывала ему последние новости. Благовещенским попом теперь вместо Сильвестра будет Леонтий, но дом Сильвестра пока остается за его сыном Анфимом.

Закончив ужин, Иван Федоров перекрестился на икону, поблагодарил жену и, отводя глаза, сказал:

— Я уйду ненадолго.

— Куда это ты собрался на ночь глядя? — вскинулась жена, но тут же осеклась: — Неужто к Анфиму?

— К нему.

— Ох, наживешь ты себе беды!

Иван Федоров развел руками:

— Может, и наживу, но как его не проведать? Ведь такая у парня беда.

Сильвестрова изба светилась всеми окнами. То ли Анфим пытался

светом разогнать темные думы, то ли разбирал отцовские бумаги.

Иван Федоров поднялся на крыльцо и хотел постучать.

Вдруг кто-то его окликнул:

— Эй, отец дьякон!

Иван Федоров обернулся. К нему спешил тощий монах в обвисшей рясе. Иван Федоров хорошо его знал — это был дьяк Мисаил Сукин, который проводил следствие по делу Сильвестра.

— К кому это ты, отец дьякон, в гости идешь? К сыну колдуна и отравителя?

— Сильвестра оболгали, — хмуро сказал Иван Федоров. — И кому как не тебе это знать. Ты против него на суде выступал, а отцу митрополиту не дал и слова сказать в его защиту.

— Я — человек маленький. Что мне велели говорить, то я и говорил.

— И зачем же ты теперь сюда пожаловал?

Дьяк усмехнулся.

— Сильвестру теперь ничего из его добра не нужно, а новому попу Леонтию, может, что из книг или утвари и пригодится. И я внакладе не останусь. Давай, отец дьякон, стучи в дверь. Вместе пойдем в гости к Анфиму Сильвестровичу.

Иван Федоров расправил плечи. Скинуть тощего дьяка с крыльца не составило бы труда, но он сдержался. Дьяк потом по судам затаскает.

Анфим, вероятно, услышав их голоса, подошел к двери и настороженно спросил:

— Кто там?

— Мы с отцом дьяконом, — ответил Сукин. — Отворяй!

Загремели засовы. Верно, Анфим сидел, крепко запершись.

Иван Федоров заметил, как побледнел и осунулся сын Сильвестра. Увидев гостей, он растерялся. Станным и опасным показалось ему, что они пришли вместе.

— Мы только что встретились, — угадав его мысли, поспешил сказать Иван Федоров.

Анфим спохватился, пригласил гостей в горницу. Везде были видны следы поспешного отъезда. Хозяин и Иван Федоров присели на лавку, Сукин стал расхаживать по горнице, беря в руки и рассматривая то одну, то другую вещь.

— Эй, что это ты здесь расхозяйничался! — укорил его Иван Федоров.

Анфим махнул рукой:

— Пусть его! Теперь все равно.

— А что будет с печатней?

— Не знаю. — Анфим тоскливо смотрел перед собой. — Ничего теперь не знаю.

Мисаил Сукин с довольным видом сунул за пазуху большую книгу.

Украденную книгу — среднешрифтное Четвероевангелие, отпечатанное в типографии Сильвестра, Мисаил Сукин — «прелукавый мних», «издавна преславный в злостях», как писал о нем современник, в 1561 году продал новому благовещенскому попу Леонтию Устинову. Эта книга с надписью «Лета 7070-го месяца сентября 1 купил сие Евангелие тетро благовещенский поп Леонтий Устинов сын устюжанин у старца у Мисаила у Сукина» — сохранилась до наших дней.

ПЕЧАТНЫЙ ДВОР. «АПОСТОЛ»

Пошло дело, как по бархату.

Поговорка

Иван Грозный почему-то не приказал разгромить типографию сразу после ссылки Сильвестра. То ли забыл, то ли был отвлечен другими делами. Какое-то время она еще продолжала работать, выпустив две книги под руководством Сильвестрова сына — Анфима. Но Иван Грозный уже не интересовался ее делами и не оказывал ей бывшего покровительства.

Царь решил взять печатное дело в свои руки, для чего отдал распоряжение о создании нового государственного учреждения — Московского печатного двора. Место для Печатного двора было отведено на Никольской улице, напротив церкви Жен-Мироносиц, к названию которой с тех пор, по московскому обычаю, стали прибавлять — «что у Печатного двора».

Никольская улица, расположенная вдоль дороги, ведущей от Кремля на Ростов Великий, Владимир и Суздаль, свое название получила от древнего Никольского монастыря, который москвичи называли «Николой Старым» или «Николой Большие главы». Печатный двор занимал обширную территорию со множеством разнообразных строений, не сохранившихся до наших дней. Однако в XIX веке было обнаружено основание одной из первоначальных построек Печатного двора — глубокий кирпичный подвал, который датируется концом XV — началом XVI века. Верхняя часть этой постройки поначалу была деревянной, во второй половине XVII века ее заменили каменной. Известно, что в XVII веке и позже здесь располагалась «правильная палата», то есть кабинет редактора и корректорская, где выверяли и правили тексты. Вряд ли это помещение получило свое назначение лишь после перестройки, скорее всего, правильная палата находилась здесь с самого начала. А поскольку доподлинно известно, что Иван Федоров сам редактировал выпускаемые им книги и сам держал корректуру, можно с достаточной долей уверенности утверждать, что единственный подлинный кусочек первоначального Печатного двора, сохранившийся до наших дней — обнаруженный археологами подвал — является частью именно той постройки, в которой непосредственно работал Иван Федоров.

В XIX веке здание правильной палаты было отреставрировано, надстроено и декорировано в «русском» стиле, после чего москвичи стали называть его «Теремком». В начале XX века там находился музей типографского дела, впоследствии, к сожалению, упраздненный. А сам Теремок и его подвал, помнящий Ивана Федорова, стоит по-прежнему, но сейчас он находится в глубине двора, за запертыми воротами и — увы! — недоступен взорам.

Иван Федоров был поставлен во главе Печатного двора особым царским указом. Это еще раз подтверждает, что он работал в типографии Сильвестра и был хорошо известен Ивану Грозному как наиболее опытный и искусный мастер печатного дела. С благословения митрополита Макария Печатный двор начал свою работу. Первой русской точно датированной печатной книгой, как уже не раз говорилось, стал «Апостол».

«Апостол» — сокращенное название книги «Деяния и Послания апостолов», входящей в состав Нового Завета. Эта книга была очень популярна на Руси. Впервые «Апостол» перевели на славянский язык Кирилл и Мефодий, и его списки появились в русских землях сразу же по принятии христианства.

Апостолы — ученики Иисуса Христа после Воскрешения своего Учителя и Вознесения Его на небо отправились проповедовать христианское учение по всему миру. По-гречески «апостол» означает «посланник». «Апостол» включает в себя три части: первая — «Деяния святых апостолов» рассказывает о деятельности апостолов Петра и Павла, ее автором считается апостол Лука; вторая часть состоит из семи Соборных (то есть совместных) посланий апостолов, третья — из четырнадцати Посланий апостола Павла. Во времена Ивана Федорова существовало большое количество рукописных списков «Апостола», вероятно, проникали на Русь и его печатные издания. Печатных изданий было три: первое в 1525 году осуществил Франциск Скорина в Вильне, второе — в 1547-м Дмитрий Любавич в Валахии, третье — в 1563 году Примож Трубер в немецком городе Тюбингене.

Прежде чем приступить к печатанию «Апостола», нужно было проделать большую предварительную работу: сконструировать и построить печатный станок, изготовить шрифты, вырезать гравюры, подготовить, сверить и отредактировать тексты, с которых предстояло печатать. Здесь в полной мере проявились разносторонние дарования Ивана Федорова. Для изготовления типографского оборудования требовались техническое мышление и мастерство искусного ремесленника, для разработки рисунка шрифтов и создания гравюр — талант художника; для подготовки текста —

обширное гуманитарное образование и тонкое филологическое чутье.

Громадная, кропотливая работа, проделанная Иваном Федоровым в связи с подготовкой текста, позволяет говорить о нем как об ученом-энциклопедисте и просветителе. Для создания окончательного варианта он использовал латинские и греческие тексты, сверяя с ними различные варианты славянского перевода, добавляя фрагменты, пропущенные в русских списках «Апостола». Целью Ивана Федорова-редактора было сделать текст предельно ясным и понятным для современного читателя. Он заменил устаревшие слова на более употребительные заимствования из древних языков — на их русские эквиваленты, привел правописание к современным нормам. Вероятно, подготовительная работа заняла один-два года.

Живший в то время в Москве немец Генрих Штаден упоминает Печатный двор, как что-то уже само собой разумеющееся: «Никольские ворота ведут из Кремля в город... У этих ворот стоял слон, прибывший из Аравии. Дальше общий судный или Земский двор и цейгауз, за ним друкарня или Печатный двор». Любопытно, что Штаден описывает тот путь, который каждый день проделывал Иван Федоров, идучи к месту своей работы и обратно. Можно представить себе, как по утрам первопечатник здоровался со слоном и угощал его захваченной из дома морковкой.

Впрочем, может быть, Иван Федоров ввиду своих новых обязанностей был освобожден от дьяконской службы и переселился из Кремля поближе к Печатному двору — в Богоявленский монастырь.

В первые годы советской власти этот монастырь был занят под недавно созданную организацию — Ассоциацию художников революционной России. Многие художники, не имевшие жилья, поселились здесь же. Один из них — П. А. Радимов пишет в воспоминаниях: «Я занял комнату, похожую на склеп, в трапезной церкви Богоявленского монастыря <...> В моей комнате никто жить не решался, были сырость и затхлый запах, шедший снизу из склепа <...> Через церковную дверь была комната, где четыре года жил первопечатник Иван Федоров». Неизвестно, на чем основана уверенность художника, что Иван Федоров жил с ним по соседству и именно «четыре года», вероятно, на каком-нибудь местном предании. А в каждом предании обычно бывает хоть маленькое зернышко исторической правды...

19 апреля 1563 года Иван Федоров приступил к печатанию «Апостола».

Иван Федоров называет имя своего главного помощника или, как

говорили в те времена, «клеветра» — Петр Тимофеев Мстиславец. О Петре Мстиславце известно очень мало. Судя по прозвищу, происходил из белорусского города Мстиславля. Некоторые исследователи высказывали предположение, что до приезда в Москву он, как и Иван Федоров, мог побывать в Польше и познакомиться там с печатным делом. Существует также гипотеза, что Петр Мстиславец жил в Вильне и мог быть учеником Франциска Скорины. (Правда, в таком случае он должен был быть значительно старше Ивана Федорова годами.) Однако документальных подтверждений этих гипотез нет. Почти доказанным в отношении Петра Мстиславца может считаться лишь то, что был талантливым художником и искусным резчиком гравюр.

Известны имена еще двух учеников и помощников первопечатника — Невежа Тимофеев и Никифор Тарасиев.

Широко распространен рассказ о том, что в первый день печатания «Апостола» Печатный двор посетил Иван Грозный. Без описания этого эпизода не обходится ни одно беллетристическое произведение, посвященное Ивану Федорову, он включен в художественный кинофильм, снятый в 1941 году, запечатлен на многих живописных полотнах. Хотя документально этот эпизод не зафиксирован, ничего невероятного в нем нет.

***

Увидеть начало работы пожелал сам государь Иван Васильевич.

Государь прибыл на Печатный двор в сопровождении митрополита Макария и знатнейших бояр. Мастера склонились в низком поклоне. Царь уселся в кресло и приказал:

— Начинайте.

Никифор Тарасиев раскрыл на первой странице выверенный и исправленный список «Апостола», и Иван Федоров, сверяясь с текстом, стал выкладывать литеры одну за другой на узкую железную полосу с загнутыми краями — верстатку. Когда одна верстатка заполнилась, взял следующую. Каждая заполненная верстатка — набранная строка. Петр Мстиславец аккуратно вставлял верстатки в особую раму. Так строка за строкой была набрана вся страница. Иван Федоров специальной кожаной подушечкой, прикрепленной к деревянной рукоятке — мацой нанес на литеры краску, положил сверху лист бумаги, закрепив его деревянными гвоздиками, и Петр Мстиславец задвинул раму под пресс. Андроник

Невежа налег на рычаг, поворачивающий винт, пресс медленно опустился, прижимая лист к набору.

Потом пресс поднялся. Все затаили дыхание. Иван Федоров осторожно снял лист с набора и, держа за уголки, поднял над головой, чтобы все могли увидеть четкие, блестящие влажной краской ряды букв. Первый лист «Апостола» был напечатан.

Иван Федоров с поклоном поднес лист царю. Царь подался вперед в своем кресле, сверкающими глазами пробежал по строкам и сказал:

— Хорошо!

Иван Федоров вернулся к станку, протянул только что отпечатанный лист мальчишке-подручному. Тот бережно взял лист и торжественно повесил сушиться на веревку.

Царь, сказав еще несколько милостивых слов, удалился со своею свитой, и работа потекла своим чередом. Мерно опускался и поднимался пресс, мальчишка-подручный рядками развешивал отпечатанные листы на веревке.

Весна сменилась летом, лето — осенью, пришла и прошла зима, и вот — 1 марта 1564 года тысяча экземпляров «Апостола», отпечатанных, украшенных печатными же буквицами и заставками, переплетенных, высоким штабелем лежали в печатне.

Иван Федоров заметил, что мальчишка-подручный, подметавший пол вокруг сложенных книг, вдруг остановился и, опершись на метлу, о чем-то задумался.

— Эй, не бездельничай! — окликнул его Иван Федоров. — Что замер, как соляной столп?

Мальчишка очнулся.

— Отец дьякон, — сказал он. — Я вот что думаю: сколько бы времени понадобилось мастеру-доброписцу, чтобы переписать все эти книги?

Иван Федоров рассмеялся:

— А вот посчитай — мы отпечатали тысячу экземпляров по 534 страницы в каждом. Хороший доброписец пишет по четыре страницы в день, стало быть, ему бы понадобилось...

Мальчишка, сосредоточенно нахмутив брови, считал в уме.

— Триста с лишним лет! — закричал он наконец с ужасом и восторгом. — А мы — меньше чем за год!

«Апостол» Ивана Федорова вышел в свет 1 (по новому стилю И) марта 1564 года. Каков был его тираж — точно не известно. Исходя из того, что на работу ушло чуть меньше одиннадцати месяцев, и учитывая среднюю

производительность труда при ручном наборе, разные исследователи пытались высчитать возможный тираж и пришли к выводу, что он достигал одной-двух тысяч экземпляров — огромного количества по тем временам. 64 экземпляра сохранились до наших дней и находятся в различных музеях и книгохранилищах.

Митрополит Макарий не дожид до выхода «Апостола» двух месяцев. Он скончался в конце декабря 1563 года.

«Апостол» Ивана Федорова — признанный шедевр мирового типографского искусства. Академик Д. С. Лихачев пишет, что в этой книге «до сих пор не найдено ни одной типографской погрешности (плохих оттисков, непрочно закрепленных строк, нестойкой типографской краски) и ни одной опечатки, без которых не только в России, но и в Западной Европе не обходилось во все последующие века книгопечатания ни одно издание».

Безупречно и художественное оформление «Апостола». Его украшает фронтиспис с гравированным изображением апостола Луки, 48 гравюр-заставок, 22 декоративные буквы.

Изображение святого Луки предваряет книгу не случайно, именно он, как уже было сказано, считается автором «Деяний апостольских». Гравюра эта замечательна в художественном отношении. Лука изображен сидящим на низкой скамеечке, на коленях — книга. Перед ним на столе принадлежности для письма: наклонный пюпитр — «горка», чернильница с пером, песочница и развернутый свиток с начальными словами «Деяний апостолов»: «Первое убо слово...» Образ Луки лаконичен и исполнен удивительной внутренней силы. Упругие линии, смелый, энергичный штрих подчеркивают значительность образа. Фигуру обрамляет декоративная рамка в виде архитектурного портала с колоннами. Относительно автора изображения Луки исследователи не пришли к единому мнению, но большинство полагает, что и создателем рисунка, и исполнителем гравюры был Петр Мстиславец. Некоторые склонны видеть в этой гравюре еще и символ ухода в прошлое рукописных книг. Обычно Луку изображают пишущим, с пером в руке. Здесь же, в нарушение традиции, перо и чернильница отставлены в сторону.

Создателем же удивительных по красоте орнаментальных заставок, на которых причудливо переплетаются диковинные цветы и травы, исследователи почти единодушно считают самого Ивана Федорова. Известный искусствовед А. А. Сидоров называет заставки «Апостола» «произведением волнующего искусства», а профессор А. И. Некрасов замечает: «Их описывать невозможно, а следует просто наслаждаться непосредственным зрелищем». Заставки Ивана Федорова положили начало

новому стилю орнамента, который исследователи орнаментики называют «старопечатным».

Один из экземпляров «Апостола», роскошно переплетенный, с вытисненным на обложке золотым двуглавым орлом, предназначался для поднесения самому Ивану Грозному. Однако, как будет ясно из дальнейшего, торжественное поднесение книги царю не состоялось.

Иван Федоров снабдил «Апостол» послесловием, в котором рассказал, как и почему на Руси началось печатное дело. Это послесловие — живой, изобилующий конкретными деталями рассказ очевидца и участника описываемых событий. Е. Л. Немировский, цитируя послесловие в одной из своих книг, пишет: «Вслушайтесь в музыку древнерусского текста! Внимание! Говорит Иван Федоров!» Итак: «Изволением Отца, и споспешением Сына, и совершением Святого Духа, повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея великия Росия самодержца и благословением преосвященного Макария, митрополита всея Руси, многи святые церкви воздвигаемы бываху во царствующем граде Москве и по окрестным местам и по всем градом царства его, паче же — в новопросвещенном месте во граде Казани и в пределах его. И сия вся святая храмы благоверный царь украшаше честными иконами и святыми книгами, и сосуды, и ризами, и прочими церковными вещми по преданию и по правилом святых апостол и богоносных отец и по изложению благочестивых царей греческих, во Цареграде царствовавших, великаго Константина, и Устинияна, и Михаила, и Феодоры, и прочих благочестивых царей, в своя времена бывших. И тако благоверный царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси повеле святая книги на торжищах куповати и в святых церквах полагати: Псалтыри, и Евангелия, и Апостолы и прочая святая книги. В них же мали обретошася потребни, прочий же вси растлени от преписующих ненаученных сущих и неискусных в разуме, ово же и неисправлением пишущих. И сие доиде и царю в слух. Он же начат помышляти, како бы изложите печатные книги, яко же в греках, и в Венеции, и во Фригии, и в прочих языцех, дабы впредь святая книги изложилися праведне. И тако возвещает мысль свою пресвященному Макарию митрополиту всея Руси. Святитель же, слышав, зело возрадовася, и Богу благодарение воздав, царю глаголяше, яко от Бога извещение приемшу и свыше дар сходящ...»

Иван Федоров очень четко излагает объективные и субъективные обстоятельства, сделавшие возникновение книгопечатания в России необходимым и неизбежным. Во-первых — это рост потребности в книгах

в связи с увеличением церковного строительства по всей, расширяющей свои границы России и особенно в новоприсоединенном Казанском ханстве; во-вторых — неисправность рукописных книг; в-третьих — несомненная полезность книгопечатания, доказанная примером Европы. Литературовед Анатолий Сергеевич Демин пишет: «Ни в одном из известных нам послесловий <...> нет такой непрерывной цепи доводов, туго свернутой в столь небольшом произведении».

Далее Иван Федоров рассказывает собственно о создании типографии, сообщая бесценные для будущих историков сведения: «И тако повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси и благословением пресвященного Макария митрополита начаша изыскивати мастерства печатных книг в лето, 61, осмая тысящи, в 30-е лето государства его. Благоверный же царь повеле устроити дом от своея царския казны, иде же печатному делу строитися. И нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем, Николы чудотворца Гостуньского диякону Ивану Федорову да Петру Тимофееву Мстиславцу на составление печатному делу и к их упокоению, дондеже и на совершение дело их изыде».

Однако, казалось бы, просто и ясно рассказывая о начале работы типографии, Иван Федоров задал исследователям еще одну задачу. Дело в том, что в указанной им дате содержится противоречие. «61, осмая тысящи» представляет собой время от Сотворения мира и означает 1553 год. А «30-е лето государства» Ивана Грозного (ставшего великим князем в 1533 году) соответствует 1563 году. Первым побуждением исследователей было объяснить это противоречие арифметической ошибкой или опечаткой. Такой точки зрения в XIX веке придерживался архимандрит Леонид, а в XX — крупнейшая советская исследовательница А. С. Зёрнова и некоторые другие. Но затем было высказано предположение, что в тексте указаны две разные даты — мастеров начали изыскивать в 1553 году, а Печатный двор был построен десять лет спустя. Таким образом, загадка превращалась в еще одно ценное сведение: Иван Федоров сообщал точную дату начала работы Анонимной типографии. Хотя обе даты написаны через запятую, а после них стоит точка, большинство исследователей сочли возможным пренебречь этим обстоятельством, поскольку в то время еще не были строго установлены правила пунктуации, и точка могла быть использована в качестве запятой.

Однако ряд исследователей — А. И. Некрасов, А. С. Орлов, А. А. Сидоров, Е. Л. Немировский — высказали совершенно другой взгляд на проблему, сопоставив противоречие в тексте с исторической обстановкой, в

которой началось печатание «Апостола». 1564 год. Сильвестр в опале и в ссылке, Анонимная типография доживает последние дни. Немировский пишет: «Вместо опечатки следует говорить об умышленно тёмной редакции текста, относящегося к началу книгопечатания в Москве. У Ивана Федорова были веские основания не упоминать о первой московской типографии, вместе с тем он оказался достаточно мужественным человеком, чтобы сказать о своих предшественниках, правда, в завуалированной форме».

Заканчивается послесловие кратким сообщением о датах начала и завершения печатания «Апостола»: «И первое начаша печатати сия святыя книги Деяния апостольска и послания соборная и святого апостола Павла послания в лето 7070 первое, априля в 19 день на память преподобного отца Иоанна Палеврета... Совершени же быша в лето 7070 второе марта в 1 день при архиепископе Афанасии митрополите всея Росия в первое лето святительства его».

Примечательно, что сам Иван Федоров никогда не называл себя первопечатником. «Первое начаша печатати сия святыя книги» означает, что он впервые напечатал именно эту книгу. Действительно, «Апостола» среди изданий Анонимной типографии не было. Хотя можно считать доказанным, что в создании анонимных книг главенствующую роль сыграли именно его талант, мастерство и опыт, сам он считал себя таким же обычным тружеником, как и его товарищи.

Первопечатником называем его мы — благодарные потомки.

ОТЪЕЗД ИЗ МОСКВЫ

*Возъярися царь и великий князь Иван Васильевич
всея Руси на все православное христианство.*

Пискаревский летописец

Второй книгой, напечатанной на Московском печатном дворе, стал Часовник, вышедший в свет 29 сентября 1565 года. Часовник (Часослов) — богослужебная книга, содержащая тексты богослужений, совершаемых в определенное время суток. Но с давних времен Часовники использовались не только в церкви во время богослужения, их охотно читали дома, по Часовникам дети обучались грамоте. Потребность в этой книге была столь велика, что еще до выхода первого издания Иван Федоров начал печатать второе, вышедшее 29 октября того же года.

Вероятно, в это время первопечатник овдовел и сложил с себя дьяконский сан. По церковным правилам овдовевший священник или дьякон должен был отказаться от сана или постричься в монахи, хотя в XVI веке это правило соблюдалось не особенно строго. Так или иначе, в дальнейшем Иван Федоров во всех документах именуется уже не дьяконом, а печатником, типографом или друкарем.

Печатный двор исправно работал, но над Москвой и над всей Россией уже сгустились черные тучи.

В начале декабря 1564 года Иван Грозный неожиданно поднялся и со всей семьей уехал в свое подмосковное село Коломенское. Царя сопровождали его новая жена, черкесская княжна Мария Темрюковна, дети и немногие «служилые люди». Летописец отмечает, что это не был обычный выезд в подмосковную усадьбу: «Подъем же его не тако был, яко же прежде того езживал <...>, и платье и деньги и всю свою казну повелел взяти с собою». Несмотря на зимнюю пору, погода была необыкновенно теплой: целыми днями шли проливные дожди, реки вскрылись, дороги стали непроезжими. Царь две недели провел в Коломенском «для непогодия и беспуты», а затем отправился за сто с лишним верст от Москвы — в Александрову слободу. Месяц спустя в Москву пришла грамота, в которой царь перечислял обиды, якобы нанесенные ему боярами и духовенством, и далее объявлял: «Вследствие чего, не хотя терпеть ваших измен, мы от великой жалости сердца оставили Государство и поехали,

куда Бог укажет нам путь».

Царская грамота повергла москвичей в ужас. По словам Карамзина: «Безначалие казалось всем еще страшнее тиранства». Москвичи снарядили депутацию в Александрову слободу, чтобы умолить царя вернуться на царство. Иван Грозный милостиво согласился, но выставил условие: «учинити ему в своем государстве опричнину». Царским указом страна была разделена на две части — земщину и опричнину, и в то время, когда на Печатном дворе печатался Часовник, по Москве уже гуляли опричники — начиналась страшная и бессмысленная война царя против собственного народа.

Опричнина была создана в январе 1565 года. Ее название образовано от слова «опричь» — «кроме». В опричнину входили земли и учреждения, находившиеся не в государственном («земском»), а в личном владении царя. Хотя царь заверил москвичей, что его гнев направлен лишь на изменников, невиновным же нечего опасаться, очень скоро, как писал Карамзин, стало ясно, что «Иоанн предает всю Россию в жертву своим опричным». Отличительным знаком опричников стали привязанные к седлам собачья голова и метла, символизирующие «выгрызание» и «выметание» измены. Пользуясь своим исключительным положением, опричники чинили всевозможные насилия над «земством» — и оставались безнаказанными. В народе опричников с горьким юмором прозвали «кромешниками»^[7].

В опричнину царь набирал молодых людей из числа «детей боярских», отличавшихся «удальством» и беспринципностью. Встречались среди опричников и иностранные авантюристы.

Москвичи — от знатнейшего боярина до последнего бедняка-ремесленника жили в постоянном страхе, ежедневно и ежечасно опасались за свою свободу и жизнь. Из уст в уста передавались известия о страшных расправах, учиняемых без суда и следствия по приказу царя, а то и лично им самим, над ни в чем не повинными людьми.

Выход в свет Часовника — последнее документально подтвержденное событие московской жизни первопечатника. Следующее упоминание о нем появилось лишь два с половиной года спустя — 8 июля 1568 года. В тот день Иван Федоров и Петр Мстиславец начали печатать новую книгу — Учительное Евангелие. Но это событие произошло уже не в Москве, а в небольшом городке Заблудове, в Великом княжестве Литовском.

О том, что заставило первопечатника покинуть родину и погнало в чужие края, можно только догадываться. Несомненно, Ивану Федорову пришлось пережить нелегкое время, сделать непростой выбор. Сам Иван

Федоров глухо и туманно писал о начавшихся против него гонениях «от многих начальников, и священноначальников, и учителей, которые зависти ради на нас многие ереси умышляли, хотяче благое во зло преврати^{TM} и Божие дело вконец погубити <...> Сии нас от земли и отечества и от рода нашего изгна и в иные страны незнаемые пресели».

О том, чья злая воля вмешалась в жизнь первопечатника в период с 29 октября 1565 года по 8 июля 1568 года, существует несколько гипотез, ни одна из которых не может считаться единственно верной. Долгое время бытовало мнение, что противниками Ивана Федорова были переписчики книг, видевшие в книгопечатании конец своего ремесла. Однако маловероятно, что их недовольство могло поколебать дело, находившееся под покровительством самого государя.

В начале XIX века известный библиограф Василий Степанович Сопиков предположил, что над первопечатником нависло одно из самых страшных в то время обвинений — обвинение в ереси. В. С. Сопиков пишет, что церковные власти почитали печатные книги «диавольским наваждением», поэтому «отправлять по ним божественную службу казалось тогда делом богопротивным». Но этой гипотезе противоречит то, что возникновению печатного дела активно способствовал высший иерарх — митрополит Макарий.

Е. Л. Немировский видит причины отъезда Ивана Федорова в исторических событиях, происходивших тогда в Москве и во всей России. Начатый Иваном Грозным террор коснулся и ближайшего окружения Ивана Федорова. Митрополит Афанасий — преемник Макария, так же как и он, покровительствовавший книгопечатанию, хорошо знавший Сильвестра и Ивана Федорова, не имея возможности повлиять на творящиеся бесчинства, тяжело заболел и в мае 1566 года добровольно ушел с митрополичьего престола. Поп Амос, под началом которого служил Иван Федоров в храме Николы Гостунского, был казнен по царскому приказу. Иван Грозный своей рукой вычеркнул его имя из Лицевого летописного свода, где рассказывалось о крещении царевича Едигера Магмета.

Приблизительно в это же время была сожжена типография Сильвестра. В литературе об Иване Федорове часто встречается упоминание о том, что недоброжелатели первопечатника сожгли Печатный двор. Впервые об этом сообщил Джильс Флетчер — английский посол, побывавший в Москве в 1588 году. Но если бы сгорел действительно Печатный двор, то погибло бы все типографское оборудование. Однако и шрифты, и гравировальные доски, созданные Иваном Федоровым, еще долгое время использовались и им самим, и его преемниками. По мнению

современных исследователей, иностранец, плохо знакомый с московскими делами, перепутал Печатный двор с типографией Сильвестра. Позже очевидец писал, что на месте Сильвестрова дома — «Избы у Благовещенья» «ныне полое место между палат».

Всем известная близость первопечатника к опальному Сильвестру делала его положение угрожающим. Возможно, отъезд Ивана Федорова из Москвы был бегством ради спасения жизни. Однако такому предположению противоречит свобода, с которой Иван Федоров пересек границу России. Известно, как быстро и безжалостно расправлялся царь со всеми, вызывавшими у него хоть малейшее подозрение. Беглеца задержали бы еще у Московской заставы, тем более что первопечатник уезжал не один, а с Петром Мстиславцем, с малолетним сыном Иваном и увозил с собой значительную часть типографского оборудования.

Это породило еще одну гипотезу, будто бы первопечатник уехал с ведома или даже по поручению Ивана Грозного, чтобы при помощи книгопечатания укреплять и поддерживать православную веру в Великом княжестве Литовском. Такой гипотезы придерживался академик М. Н. Тихомиров. Но ее опровергает сам Иван Федоров, недвусмысленно называющий свой отъезд «в иные незнаемые земли» изгнанием. Кроме того, в Московской типографии, продолжавшей работать под царским покровительством и после отъезда Ивана Федорова, имя первопечатника было явно под запретом. Ученики Ивана Федорова Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев в послесловии к напечатанной ими Псалтыри называют стоящим у истоков «дела печатных книг» Ивана Грозного, но ни единым словом не упоминают своего учителя.

Еще одна красноречивая деталь, указывающая на поспешный и вынужденный отъезд, — Иван Федоров увез с собой экземпляр «Апостола», предназначенный для поднесения Ивану Грозному. Вероятно, печатники сочли за благо не показываться лишней раз на глаза грозному царю.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

В той земле, во хороброй Литве...

Былина

Путь Ивана Федорова и его спутников лежал на юго-запад — через Вязьму и Смоленск в столицу Великого княжества Литовского — город Вильну.

Великое княжество Литовское было в то время вторым по величине после Московского царства государством Европы, оно простиралось от Балтийского до Черного моря, занимая территории, на которых сейчас располагаются Литва, Белоруссия, Украина и западные области Российской Федерации.

Для Петра Мстиславца это были родные края. Город Мстиславль, в котором он родился, оставался в какой-нибудь сотне верст в стороне от пути беглецов. Петр с душевным умилением видел знакомые с детства пейзажи, вслушивался в местную речь. Речь эта была понятна не только Мстиславцу, но и Ивану Федорову: большинство жителей Великого княжества Литовского говорили по-русски, хотя местный говор несколько и отличался от московского.

Объяснялось это просто. Во времена Ивана Федорова бóльшую часть территории Великого княжества Литовского составляли земли, изначально входившие в состав Древнерусского государства — Киевской Руси и населенные исконно русскими людьми, сохранявшими православную веру и говорившими по-русски. Хотя именно тогда русский (вернее древнерусский) язык начал разделяться на три родственных языка — русский, белорусский и украинский — процесс этот еще не был завершен, и русские, украинцы и белорусы, жившие на территории Великого княжества Литовского, ощущали себя единым — «русьским» или «славянским» народом. Преобладание русского населения в Великом княжестве Литовском было столь велико, что русский язык стал государственным — на нем составлялись официальные документы, писались законы и летописи, и многие историки называют Великое княжество Литовское Литовско-Русским государством или Юго-Западной Русью.

Корни теснейшей культурной и этнической связи Руси и Литвы уходят в далекое прошлое.

С незапамятных времен к югу от Балтийского моря — на территории части современной Литвы и Белоруссии — обитали многочисленные литовские племена: аукштайты и жемайты (в русских летописях они названы «литва» и «жмудь»), пруссы, земиголы, ятвяги и др. Они занимались земледелием, разводили домашних животных, охотились на лесного зверя. А те, что жили на морском побережье, ловили рыбу и добывали янтарь. Древние литовцы были язычниками. Они почитали бога-громовника Перкунаса и его жену — богиню земли Жемину, богиню любви — прекрасную Милду и владыку подводного царства короля ужей Жалтиса.

На западе литовские земли граничили с Польшей, на востоке — с Русью.

Племенными союзами литовцев управляли князья. В XIII веке князь Миндовг (Миндаугас) объединил под своей властью основные литовские земли — так было положено начало Великому княжеству Литовскому. Честолюбивый Миндовг мечтал о расширении своих владений. Будучи храбрым полководцем и хитрым политиком, он обратил свои взоры на Русь. Обстоятельства сулили литовскому князю удачу: Русь переживала нелегкие времена, ее раздирали княжеские усобицы, а главное — по русским землям только что пронесся ураган Батыева нашествия. Миндовг воспользовался моментом и захватил Черную Русь — часть русских земель, лежавших в верхнем течении Немана, с городами Гродно, Новгородом, Слонимом, Несвижем, Здитовом и др. Территория Великого княжества Литовского увеличилась почти вдвое, его южная и восточная границы отодвинулись далеко вглубь русских земель. Русские князья — владельцы завоеванных территорий, сохраняя власть в своих княжествах, оказались в зависимости от великого князя Литовского.

Однако Миндовгу угрожала серьезная опасность с северо-запада — со стороны немецких рыцарей. К тому времени немецкое духовенство уже не раз предпринимало попытки обратить в христианство язычников-литовцев. Рыцари Тевтонского ордена вторглись в земли пруссов, а рыцари-меченосцы — в земли жмуди. Немецкие миссионеры силой крестили литовцев, подчиняя их своей власти и истребляя непокорных. Литовские племена стойко сопротивлялись поработителям: в битве при Сауле они нанесли рыцарям сокрушительное поражение, но враг был слишком силен, так что свобода и независимость исконного населения края находились под постоянной угрозой.

Миндовг, объединяя литовские земли, отнял власть у многих мелких князей. Обиженные князья обратились за помощью к Тевтонскому ордену и к галицко-волынскому князю Даниилу. Против Миндовга образовалась мощная коалиция. Тогда Миндовг совершил тонкий политический ход: в 1251 году он принял католичество и был коронован от имени папы римского. Это заставило орден отказаться от враждебных действий против литовцев. Затем Миндовг заключил договор с галицким князем Даниилом и выдал свою дочь замуж за его сына Шварна. В 1260 году литовское войско одержало блистательную победу при озере Дурбе, разбив объединенное войско Ливонского и Тевтонского орденов и их союзников. Миндовг отрекся от уже ненужного ему католичества и вернулся к прежней языческой вере.

В 1263 году недовольные объединительной политикой Миндовга литовские князья составили заговор, поддержанный орденом, и Миндовг был убит. Но начатое им дело продолжалось. При потомках Миндовга Великое княжество Литовское значительно окрепло и еще более расширило свои территории. Литовские князья успешно отражали натиск ордена и продолжали распространять свою власть на западнорусские, белорусские и украинские земли.

Литовский князь Гедимин основал столицу государства — город Вильну (Вильнюс). При Гедимине (1316–1341) в состав Великого княжества Литовского вошли такие древнерусские города, как Минск, Полоцк, Могилев и др. Гедимин даже стал титуловать себя «королем литовцев и русских». После того как Гедимин был убит при осаде немецкой крепости Баербург, престол унаследовали двое его сыновей — Ольгерд (1345–1377) и Кейстут (1345–1382), разделившие власть между собой. При них территория Великого княжества Литовского увеличилась за счет русских земель больше чем вдвое, в его состав вошли древняя русская столица Киев и такие исконно русские города, как Чернигов и Путивль.

Но в это время на Руси начинает возвышаться Московское княжество, превращаясь в серьезного соперника Великого княжества Литовского. Обеспокоенный Ольгерд, используя распри московских князей с Тверью, Смоленском и Новгородом, заручился поддержкой противников Москвы и вторгся в пределы Московского княжества. Трижды осаждал Ольгерд Москву. Но белокаменные кремлевские стены, возведенные Дмитрием Ивановичем (в то время еще не получившим прозвание Донского), выдержали осаду. Ольгерд был вынужден заключить с Дмитрием Ивановичем договор.

После смерти Ольгерда престол занял его сын Ягайло. Ягайло также

очень беспокоило объединение русских земель вокруг Москвы.

В 1380 году русские войска под командованием московского князя Дмитрия Ивановича разбили на Куликовом поле войско правителя Золотой Орды темника Мамаю. Ягайло обещал Мамаю свою помощь, но в последний момент не решился вступить в бой. Победа на Куликовом поле не только положила начало падению Золотой Орды, но и показала великому князю Литовскому, что Русь, объединившая свои силы, может дать отпор любому врагу.

Несколько лет спустя Ягайло женился на польской королевне Ядвиге и благодаря этому браку получил права на польский престол. Это определило дальнейший ход истории Великого княжества Литовского. В 1385 году Ягайло стал польским королем под именем Владислава II Ягелло, положив начало польской королевской династии Ягеллонов, и подписал Кревскую унию, согласно которой Великое княжество Литовское на вечные времена объединялось с Польским королевством, а сам Ягайло и все его подданные принимали католичество. Русские земли, входящие в состав Великого княжества Литовского, также оказывались в зависимости от польской короны.

Большинство литовцев, как и во времена Миндовга, оставались язычниками, а русское население княжества было православным.

Н. М. Карамзин так описывает крещение язычников: «Чтобы сократить обряд, литовцев ставили в ряды целыми полками. Священники кропили их святою водою и давали имена христианские: в одном полку называли всех людей Петрами, в другом Павлами, в третьем Иоаннами и так далее <...> Древний огонь Перкунов угас навеки в городе Вильне, святые рощи были срублены или обращены в пепел».

Насильственно обращать в католичество своих православных подданных, среди которых были не только представители простого народа, но и потомки древнерусских князей, не уступавшие в знатности великому князю Литовскому, Ягайло не решился. Однако с утверждением католичества как государственной религии начались гонения на всех, исповедующих православие. Ягайло запретил браки между католиками и православными, православная знать была лишена права занимать высокие административные и военные должности.

Кревская уния вызвала мощный протест самых разных слоев населения Великого княжества Литовского. Возглавил недовольных племянник Ягайлы — Витовт, которого активно поддержала знать, как литовского, так и русского происхождения. Польские гарнизоны, стоявшие в литовских городах, были перебиты. Ягайло, уже ставший польским

королем, пошел на уступки. В 1392 году он заключил соглашение с Витовтом и его сторонниками. По этому соглашению Великое княжество Литовское сохраняло самостоятельность, хотя и находилось в вассальной зависимости от Польского королевства. Витовт получал титул великого князя Литовского на правах наместника польского короля. Витовт, как и его предшественники, продолжал препятствовать объединению Русского государства вокруг Москвы. Он вступал в союзы с враждебными Москве удельными князьями: тверским, рязанским и пронским, вмешивался в дела Новгорода и Пскова, а в 1404 году захватил Смоленск — город, имевший важнейшее значение для России: и как один из центров торговли, и как военно-стратегический пункт. На протяжении двух лет с 1406 по 1408 год Витовт со своим войском трижды вторглся в пределы Московского княжества. В 1408 году между Витовтом и московским князем Василием I, сыном Дмитрия Донского, был заключен договор, согласно которому литовские владения достигали верховьев Оки и Можайска, так что восточная граница Великого княжества Литовского проходила по реке Угре. Чтобы этот договор стал более надежным, Витовт выдал замуж за Василия I свою дочь Софью — династия Рюриковичей породнилась с родом Гедиминовичей.

Тем временем Тевтонский орден по-прежнему угрожал Литве. Неменьшую опасность представлял он и для Польши. В 1409 году начинается «Великая война» между Тевтонским орденом, с одной стороны, Польским королевством и Великим княжеством Литовским — с другой. Тевтонский орден поддерживали Священная Римская империя и некоторые другие европейские государства. 15 июля 1410 года на территории Пруссии близ Грюнвальда произошло решительное сражение. Под знаменами Витовта собрались литовские, русские, украинские и белорусские полки. К польскому войску, которое возглавлял Ягайло, примкнуло чешское ополчение. Тевтонские рыцари были лучше вооружены и обучены, но мужество польско-литовско-русских воинов, одушевленных мыслью, что они защищают свою независимость, принесло им победу. Особенно важную роль сыграли в грюнвальдской битве три русских смоленских полка. В один из переломных моментов, когда литовские полки начали отступать, смоляне остались на поле боя и, выдержав мощную атаку неприятеля, дали возможность Витовту и Ягайлу вновь перейти в наступление. Сражение возобновилось с новой силой, к вечеру немецкие рыцари были окружены и большая их часть перебита. В бою погибли руководители ордена во главе с Великим магистром.

После смерти Витовта уния между Литвой и Польшей была разорвана.

Литовская знать избрала великим князем Литовским младшего сына Ягайлы — Казимира Ягайловича, Великое княжество Литовское снова стало независимым государством.

Но в 1447 году поляки призвали Казимира на опустевший польский престол, потребовав возобновления унии. Это требование вызвало противоречивую реакцию у шляхетского сословия Великого княжества Литовского. Польским термином «шляхта» тогда именовались люди, владеющие землей. Знатные и богатые шляхтичи — литовские паны и потомки русских князей, владевшие большими земельными угодьями, составляли разряд «людей высшего стану»; знатные, но обедневшие семейства, воины, а иногда и выходцы из крестьян принадлежали к «людям низшего стану». Особое место в шляхте принадлежало наиболее крупным землевладельцам — магнатам. Магнаты принимали участие в управлении государством, составляя при великом князе особый совет — Раду, и назывались панами рады.

Магнаты, как русские, так и литовские, были противниками унии с Польшей. Попав под власть польской короны, они лишились бы своего влияния на государственные дела, а для православных эта власть означала еще и усиление католической реакции. Однако средняя и мелкая шляхта была заинтересована в унии, поскольку польский король обещал уравнивать их в правах с польской шляхтой. Тем не менее магнаты на сей раз смогли воспрепятствовать возобновлению унии с Польшей.

В конце XV — начале XVI века Русь, свергнувшая татаро-монгольское иго, начала отвоевывать обратно свои земли. В 1503 году под власть московского князя перешли Брянск, Мценск, Дорогобуж — всего 25 городов и 70 волостей, что составляло почти треть территории Великого княжества Литовского. В 1514 году Россия вернула себе Смоленск. Неудачным оказалось и участие Великого княжества Литовского в Ливонской войне.

В это время вновь поднимается вопрос о польско-литовской унии. Мелкая шляхта — «люди низшего стану», на плечи которых в основном легли все тяготы неудачной войны, еще сильнее, чем прежде, оказалась заинтересованной в объединении с сильной в военном отношении Польшей. В 1562 году мелкие шляхтичи откровенно заявили, что желают унии «дабы сообща сеймовать с поляками..., пользоваться одинаковыми с ними правами и вольностями, и сообща обороняться от врагов». Но «люди высшего стану» и магнаты по-прежнему яростно противились унии. Общество раскололось на два лагеря.

Иван Федоров и Петр Мстиславец оказались в Великом княжестве

Литовском в самый разгар этой борьбы. Конфликт по поводу унии имел не только политическое, но и национальное, религиозное и культурное значение. Уния предполагала ополячивание и окатоличивание русского и литовского населения. Книги должны были стать мощным оружием в этой борьбе. На новом месте московским печатникам предстояла важная и трудная миссия.

Они остановились в столице Великого княжества Литовского — городе Вильне. Как раз в это время в Вильне происходил литовский сейм, на котором присутствовал король Польский и великий князь Литовский Сигизмунд II Август. Позже в послесловии к одной из своих книг (львовскому «Апостолу») первопечатник рассказывал: «...принял нас любезно благочестивый государь Жигмонт Август король польский и великий князь литовский <...> со всеми панами рады своей». Это — еще один загадочный эпизод биографии Ивана Федорова. Трудно объяснить, почему король пожелал лично принять, да еще столь торжественно, простых мастеров-печатников. Но, так или иначе, прием состоялся, и некоторые исследователи высказывают гипотезу, что тогда же по королевскому указу Иван Федоров был приписан к шляхетскому роду Рагоза и получил право на герб, который стал его печатным знаком.

ЗАБЛУДОВ

*«Полно нам в неволе жить, —
Начал гетман говорить, —
Много мы и так терпели...»*

Е. П. Гребенка

В Вильне московские печатники не задержались: их пригласил в свое имение — в городок Заблудов могущественный магнат Григорий Александрович Ходкевич.

Род Ходкевичей, по преданию, восходил к Рюриковичам. Григорий Александрович Ходкевич занимал должность наивысшего гетмана, то есть главнокомандующего и военного министра. Как и другие крупные магнаты, он почти не зависел от великого князя, самовластно управлял своими имениями, чинил суд и расправу, держал пышный двор и собственное войско.

Взаимоотношения Ходкевича с Московским государством и лично с Иваном Грозным были достаточно сложными. Великое княжество Литовское оказалось втянутым в Ливонскую войну — борьбу Московского государства с Ливонским орденом за выход к Балтийскому морю. Начало войны было успешным для России: русские войска захватили Нарву, Дерпт и другие земли балтийского побережья, принадлежавшие Ливонии. Ливонский орден обратился за помощью к Великому княжеству Литовскому. Было заключено соглашение, согласно которому великий князь Литовский Сигизмунд-Август, бывший одновременно и королем Польским, взялся оказывать содействие Ливонии против России. Талантливый полководец, Ходкевич принимал деятельное участие в военных действиях, прославился в битве на реке Уле, когда в 1564 году литовское войско разбило двадцатичетырехтысячную русскую армию под командованием князя П. Шуйского.

Кроме того, Ходкевич проявил себя и как искусный дипломат. На одном из этапов войны Сигизмунд-Август оказался заинтересованным в перемирии, однако не хотел напрямую обращаться к Ивану Грозному. Тогда Ходкевич отправил одному из приближенных царя, Юрьевскому воеводе Ивану Петровичу Федорову-Челяднину, якобы частное письмо, в котором

писал, как было бы хорошо, если бы Русь с Литвой замирились, и по-приятельски советовал Федорову-Челяднину: «Ты намовляй государя своего, а я своего государя намовляти буду, иж бы они в любовь и в мир совокупились, а промеж собою крови христиански не проливали». Как и рассчитывали Сигизмунд-Август и Ходкевич, Федоров-Челяднин, опасаясь, что его обвинят в тайной переписке с врагами, немедленно сообщил об этом письме Ивану Грозному. Царь, также заинтересованный в перемирии, велел воеводе продолжить переписку с Ходкевичем и стал лично ее контролировать. В силу разных обстоятельств перемирие не было заключено, и военные действия возобновились, но у Ивана Грозного сложилось самое лучшее впечатление о Ходкевиче. В последующие несколько лет Москва и Литва регулярно обменивались посольствами и, согласно этикету, Иван Грозный в посланиях к Сигизмунду-Августу каждый раз передавал приветы наиболее влиятельным магнатам, в том числе и Ходкевичу.

Когда в Москве наступили мрачные времена опричнины, Литва решила воспользоваться ужасом, в который были повержены москвичи. В 1567 году Ходкевич с ведома Сигизмунда-Августа отправил нескольким видным московским боярам письма, в которых предлагал им, дабы избавиться от опасного и неопределенного положения, в котором те оказались, «отъехать» от царя и перейти под «королевскую руку». Однако об этих письмах стало известно Ивану Грозному. Разгневанный царь пишет Ходкевичу резкое письмо, полное самых энергичных ругательств. Он называет гетмана «бешеной собакой», «скурвиным сыном», обвиняет его в склонности к лютеранству: «от Бога отступился и против Бога с антихристом учинился».

Последнее обвинение было совершенно несправедливо. Ходкевич был ярким приверженцем и защитником православия. Причем защита православной веры была для Ходкевича вопросом не только религии, но и политики. Усилившееся в то время сближение Великого княжества Литовского с Польшей грозило положить конец вольности магнатов. В их среде возникает мощная антипольская оппозиция, одним из руководителей которой стал Ходкевич. Это движение шло под знаменем защиты православной веры от навязываемого поляками католичества. Для пропаганды православия были нужны православные книги, поэтому приезд московских печатников оказался как нельзя более кстати.

О создании типографии Ходкевич задумывался давно. Еще в 1561 году он отправил в Москву образованного монаха Исаяю, «родом русина от области Киевския, родился в Каменцы-Подольском», чтобы тот привез

выверенные оригиналы религиозных текстов. Ходкевич рассчитывал, что Исаяя сможет получить из «царской книгохранильницы» Библию «по нашему языку русскому словенскому на спись слово в слово», чтобы ее «в нашем государстве христианском русском Великом княжестве Литовском выдати тиснением печатным нашему народу христианскому русскому литовскому, да и русскому московскому, да и повсюду всем православным христианам».

Однако по приезде в Москву Исаяя был заподозрен в «латинской ереси», отправлен в Ростов и заточен в тюрьму. В «Плаче из ростовской тюрьмы» — послании, отправленном Исаяей Ивану Грозному, несчастный монах горько сетует, что «сия темница тесна, темна и уныния исполнена». (Исаяя провел в заточении более двадцати лет. Лишь в 1582 году Иван Грозный вспомнил о нем, приказал привезти в Москву и беседовал с ним «из уст в уста» о различных ученых и богословских материях. Вероятно, монаху удалось убедить царя в своей невиновности, он надеялся «бытии отпущен во свояси в Литву», но этому помешали военные действия, и Исаяя окончил свои дни в Москве.)

Несмотря на провал миссии Исаяи, Ходкевич продолжал мечтать о создании типографии, и приезд московских типографов воспринял как большую удачу. Иван Федоров отмечал, какой заботой окружили их с Петром Мстиславцем в Заблудове: «От его милости пана Григория Ходкевича всякими потребами телесными пищею и одеждою удоволены бех».

Городок Заблудов — резиденция Ходкевича — находился в 200 верстах от Вильны (ныне на территории восточной Польши). Там стоял гетманский замок, а незадолго до приезда Ивана Федорова Ходкевич построил в Заблудове церковь во имя Успения Богородицы и Святого Николая и учредил при ней больницу «для убогих людей». Священником этой церкви был протопоп Нестор, с которым у Ивана Федорова завязались дружеские отношения, продолжавшиеся до конца жизни первопечатника. Нестор помогал Ходкевичу в его начинаниях, позже распространял книги, напечатанные Иваном Федоровым.

Именно Нестору Иван Федоров подарил тот экземпляр московского «Апостола», который предназначался для поднесения Ивану Грозному. После смерти Ивана Федорова Нестор передал книгу некоему Лукашу Семкевичу, который вложил ее в заблудовский Успенский храм. Впоследствии этот экземпляр «Апостола» сменил ряд владельцев, побывав в нескольких частных коллекциях, и в начале XX века поступил в Государственный исторический музей в Москве, где хранится и поныне.

Для устройства типографии Ходкевич выделил просторное и удобное помещение. Иван Федоров и Петр Мстиславец энергично принялись за работу. Часть типографского оборудования они привезли с собой из Москвы, часть изготовили на месте. Печатный стан сделал местный столяр по указаниям Ивана Федорова. Для работы нужны были помощники, и Иван Федоров взял в ученики местного парня Гриня. Парень был легкомысленный, но способный и понятливый, быстро освоил начатки печатного дела и стал полезным помощником.

8 июля 1568 года московские печатники приступили к печатанию Учительного Евангелия. Ходкевич намеревался печатать Евангелие на народном белорусском языке. «Помыслил же был есми и се, иже бы сию книгу вразумления ради простых людей, преложити на простую молву», — писал он в предисловии к книге. Однако, как рассказывает Ходкевич дальше, он решил посоветоваться «с людьми мудрыми, в том письме учеными», и те предостерегли его: «иже прекладанием с давних пословиц на новые, помылки (то есть ошибки) учиняться немалые, яко-же и ныне обретаются в книгах нового перевода». По мнению Е. Л. Немировского, консультантами в этом вопросе могли быть князь Андрей Курбский, старец Артемий и, возможно, Иван Федоров. Ходкевич прислушался к мнению консультантов и «того ради сию книгу, яко сдавна писаную, велел есми ее выдруковати».

В том же предисловии Ходкевича Иван Федоров впервые был назван Москвитиним: «К тому же изобретох себе в том деле друкарьском людей наученных Ивана Федоровича Москвитина и Петра Тимофеевича Мстиславца».

Как и всякий мастер своего дела, Иван Федоров стремился к совершенствованию, пробовал новые приемы. В отличие от московских изданий в заблудовском Евангелии есть титульный лист, на котором указаны название книги и выходные данные — деталь, характерная для западноевропейских изданий, но неизвестная русским мастерам книги: титульного листа не было ни в русских рукописных книгах, ни в московских изданиях Ивана Федорова.

Заблудовское Евангелие оформлено с присущим первопечатнику вкусом и декоративным чутьем. Для украшения книги он использовал заставки из московского «Апостола», а на оборотной стороне титульного листа поместил большую гравюру с изображением герба Ходкевича. На щите, разделенном на четыре части, изображены геральдические фигуры: лев, возводящий кирпичную кладку, всадник с поднятой над головой саблей, стрела и гранаты с вырывающимся из них огнем. Герб увенчан

рыцарским шлемом и окружен причудливым узором из листьев. Образец рисунка герба, скорее всего, был задан первопечатнику, но исполнил его в технике гравюры, по мнению большинства исследователей, сам Иван Федоров.

Заблудовское Евангелие вышло в свет 17 марта 1569 года и сразу же после выхода стало широко продаваться на торжищах Великого княжества Литовского и в украинских землях. До наших дней сохранился экземпляр книги, на котором сделана надпись на украинском языке, сообщающая, что меньше чем через год после выхода федоровское Евангелие купил некий Миколай «с малжонкою своею».

В Заблудове Иван Федоров общался со многими образованными, думающими и понимающими важность просветительской деятельности людьми. Некоторых из них первопечатник знал еще в Москве, с некоторыми познакомился здесь.

Гетман Ходкевич входил в просветительно-культурный кружок белорусско-литовских феодалов, сложившийся в Великом княжестве Литовском в 50—70-х годах XVI века. Его участники открывали в своих имениях школы, организовывали книгописные мастерские. К кружку примыкали родственник К. К. Острожского князь Юрий Юрьевич Слуцкий, князь Андрей Михайлович Курбский — выходец из Москвы, королевский писарь Михаил Богданович Гарабурда и др.

При дворе князя Слуцкого жил старый знакомец Ивана Федорова — старец Артемий. Как мы помним, старец Артемий был осужден церковным Собором и приговорен к пожизненному заточению в Соловецком монастыре. Но каким-то чудом ему удалось бежать из страшной Соловецкой тюрьмы (предполагают, что ему тайно помог тогдашний игумен монастыря Филипп, впоследствии знаменитый митрополит Московский, прославившийся своими бесстрашными обличительными речами против Ивана Грозного и убитый по царскому приказу). Артемий обосновался в Великом княжестве Литовском, и если в Москве он проявлял некоторый интерес к ересям, то здесь стал истинным столпом православия. Старец Артемий пользовался большим авторитетом у всех членов просветительно-культурного кружка, которые вели с ним оживленную переписку, советуясь по различным богословским вопросам. Артемий бывал в Заблудове, и Иван Федоров мог с ним встречаться.

Королевский писарь пан Михаил Гарабурда был шляхтичем из белорусского рода. По долгу службы он неоднократно бывал в Москве — в 1560, 1563 и 1566 годах приезжал с литовским посольством, которое возглавлял Юрий Александрович Ходкевич — брат гетмана. Связывали

Гарабурду с Москвой и личные интересы: в Москве находился его брат Лукаш, в первые годы Ливонской войны попавший в плен. Гарабурда навещал брата и пытался выволить его из неволи. Возможно, тогда и произошло знакомство Гарабурды с Иваном Федоровым. Родовое имение Гарабурды — Климовцы находилось неподалеку от Заблудова. Гарабурда интересовался книжным делом, впоследствии его племянник Василий стал типографом. Скорее всего, обучался он печатному делу в Заблудове у Ивана Федорова.

Близким другом первопечатника стал «служебник» Гарабурды, Тимофей Михайлович Аннич, образованный и литературно одаренный человек, впоследствии помогавший Ивану Федорову в его издательской деятельности.

С московских времен знал Иван Федоров и князя Андрея Курбского. Андрей Михайлович Курбский — талантливый и отважный полководец, прекрасно образованный человек (своим учителем он считал Максима Грека), блестящий писатель и публицист, он занимал при Иване Грозном руководящие военные должности, принимал участие в Казанском походе, был членом Избранной рады, хорошо знал Сильвестра, но с началом опричного террора, опасаясь опалы, бежал в Великое княжество Литовское. Здесь он написал «Историю о великом княжестве Московском», переводил с латыни и греческого языка сочинения Иоанна Златоуста, Василия Великого, Иоанна Дамаскина, а кроме того, вел публицистическую переписку с Иваном Грозным, в которой обвинял царя в жестокости и несправедливости.

Как и другие члены просветительно-культурного кружка, Курбский выступал в защиту православия, проявляя при этом крайнюю нетерпимость к любым отступлениям от ортодоксальной веры, как в сторону католичества, так и реформации, и даже, как ему казалось, язычества. Когда кто-то из знакомых прислал ему поздравление с Новым годом (который не является церковным праздником), Курбский бурно вознегодовал на это «язычливое» послание: «О смеху достойное поздравление и ругания полное!»

Общался Иван Федоров и с человеком совсем иных взглядов — Симоном Будным, видным деятелем религиозно-национального движения в Белоруссии. В отличие от большинства борцов за сохранение национальной самобытности, Симон Будный считал, что окатоличиванию и ополячиванию должно противостоять не православие, а Реформация. Симон Будный окончил Краковский университет, учился в Италии и Швейцарии, где проникся идеями Реформации. Вернувшись на родину, он

некоторое время служил в качестве проповедника, а затем занялся издательской деятельностью, основал типографию, где в 1562 году издал на белорусском языке «Катехизис для деток христианских языка русского», «О оправдании грешного человека перед Богом» и другие книги, в которых излагал свои политические, религиозно-философские и педагогические взгляды, выступал с критикой многих официальных церковных догматов с позиций рационализма. Симон Будный ратовал за сохранение родного языка, призывал любить и использовать родную речь. Обращаясь к аристократам, предпочитавшим изъясняться по-польски, он писал: «Абы ваши княжецкие милости не только в чужеземных языках кохали, але бы ся тожь и того здавна славного языка словенского оразмиловати и оным ся бавити рачили».

Симон Будный обладал блестящим умом и острым языком. Несмотря на различия во взглядах, Иван Федоров и Петр Мстиславец с удовольствием с ним беседовали и спорили. О знакомстве с «друкарями московскими, которые здесь у нас уже несколько лет», упоминает сам Симон Будный. Он же рассказывает, что в разговорах они касались такой интересной и для всех темы, как сверка и редактирование текстов священных книг, причем Будный со свойственной ему язвительностью критиковал работу московских печатников: «Зная, что многие недавние и небольшие ошибки они-то друкари, как сами мне сообщили, по старым книгам исправили, но старые <...> искажения не по московскому собранию книг править, и мало для этого голов Ивана Федорова и Петра Мстиславца». Тем не менее он признает и полезность проделанного ими труда: «Починили то, что могли, за что им другие должны быть благодарны».

Неподалеку от Заблудова находился Супрасльский монастырь, обладавший богатой библиотекой, в которой, возможно, находились издания Франциска Скорины. Ходкевич заботился о пополнении этой библиотеки, впоследствии туда попали и федоровские издания. Иван Федоров мог пользоваться ее книгами при подготовке к печати заблудовских изданий.

Заблудовское Евангелие — последняя книга, на которой имена Ивана Федорова и Петра Мстиславца стоят рядом. Летом 1569 года Петр Мстиславец покинул Заблудов и уехал в Вильну, работать в типографии, основанной на средства богатых купцов Мамоничей. Пути Ивана Федорова и его старого друга и помощника разошлись навсегда. Почему расстались Иван Федоров и Петр Мстиславец — неизвестно. Маловероятно, что между ними, столько лет проработавшими вместе, произошла какая-то

личная ссора. Сомнительно также, что Мстиславцем руководил материальный интерес. Хотя купцы Мамоники были богаты, но их возможности не превышали возможностей Ходкевича. Наиболее достоверно предположение, что Петр Мстиславец, уроженец Великого княжества Литовского, лучше москвича Ивана Федорова понимал сложившуюся культурно-политическую ситуацию. Вильна уже давно имела самоуправление, ее горожане осознавали свою силу и независимость, имели опыт совместных действий. Среди горожан было много православных, была велика нужда в книгах, и Мстиславец мог предположить, что виленские горожане смогут оказать более действенную поддержку книгопечатанию, нежели могущественный, но одинокий магнат Ходкевич.

Когда Иван Федоров и Петр Мстиславец заканчивали работу над Евангелием, в городе Люблине заседал сейм. 1 июля 1569 года была заключена Люблинская уния, согласно которой Литва объединялась с Польшей в единое государство — Речь Посполитую. Великое княжество Литовское доживало последние дни. К Польше отходили Волынь, Подолия, Киевщина. В число этих земель входили и владения Ходкевича.

Гетман был готов к решительному сопротивлению, вплоть до вооруженного восстания, но подходящий момент оказался упущенным, и в конце концов Ходкевичу пришлось смириться. Сломленный духом, наивысший гетман тяжело переживал происшедшее. Он начал стремительно стареть, дряхлеть, ему досаждали мучительные головные боли.

Осенью 1570 года Иван Федоров выпускает еще одну книгу — Псалтырь с Часословцем. Псалтырь украшена двумя гравюрами: гербом Ходкевича и изображением царя Давида — легендарного автора псалмов. Если автором гравюры с гербом большинство исследователей уверенно называют Ивана Федорова, то авторство гравюры с царем Давидом вызывает сомнения. Фигура легендарного псалмопевца выполнена не очень уверенно, а по мнению некоторых искусствоведов, просто «плохо». Если предположить, что это работа Ивана Федорова, то придется согласиться с утверждением А. С. Зерновой, что Иван Федоров великолепно владел искусством декоративного рисования, но гравюры с изображением человека его «затрудняли». Однако более вероятно, что создателем гравюры с царем Давидом был не Иван Федоров, прекрасно осознававший свои возможности, а какой-то неизвестный местный художник.

По качеству Псалтырь значительно уступает другим работам первопечатника. Чувствуется, что он торопился, понимая, что Заблудовская

типография дышит на ладан. Действительно, вскоре Ходкевич объявил о закрытии типографии. Иван Федоров с горечью рассказывал: «Повеле нам работания сего престати и художество рук наших ни во что же положить».

Гетман, хорошо относившийся к Ивану Федорову, предложил первопечатнику остаться в Заблудове и подарил ему деревню. Собственное земельное владение превратило бы скитальца-ремесленника в шляхтича и дало бы ему возможность до конца дней своих вести спокойную, обеспеченную жизнь. Искушение было сильным. «И когда в уединение к себе приходил, многими слезами постелю мою омочах, размышляя в сердце своем», — вспоминал впоследствии первопечатник. Но размышления привели к неизбежному выводу — вера в свое призвание и чувство долга одержали верх над стремлением к покою: «Не пристало мне в пахании да сеянии семян жизнь свою коротать. Вместо сохи у меня ремесло художественное, вместо семян житных — духовные семена надлежит мне по вселенной рассеивати». Первopечатник твердо сказал самому себе, что предпочитает «скорби и беды претерпевати, да умножать слово Божие» — и отказался от подарка.

В Заблудове ему больше делать было нечего, он снова погрузил типографское оборудование на подводу и осенью 1572 года с сыном Иваном и подмастерьем Гринем отправился в старинный город Львов.

ПРЕИМЕНИТЫЙ ГОРОД ЛЬВОВ

*Под таким уж небом и под такой звездой возник
этот город, что как-то невольно здесь рождалось
стремление к прекрасному. И нет ремесла, в котором
львовянин не сумел бы совершенствоваться.*

Бартоломей Зиморович (поэт XVII века)

Дорога до Львова была долгой и тяжелой. В тот год по всей округе свирепствовала моровая язва; путники проезжали через вымершие или вымирающие селения, не решаясь просить пищи и останавливаться на ночлег. Ночевать же в чистом поле было опасно — на дороге пошаливали разбойники. «В путь шествующими, многи скорби и беды обретоша мя», — вспоминал Иван Федоров.

Но, в конце концов, трудное путешествие благополучно завершилось. Через городские ворота путники въехали в преименитый город Львов, живописно возвышающийся на крутой Княжьей горе над рекой Полтвой.

Львов был основан в середине XIII века в галицко-волынских землях, входивших в состав Киевской Руси. Галицко-волынские земли отличались плодородием, на их территории располагались богатейшие соляные копи, удобные торговые пути соединяли их и с Западной Европой, и с Византией. Основал город галицко-волынский князь Даниил Романович, талантливый политик и полководец, объединивший под своей властью всю Юго-Западную Русь. Новый город он назвал в честь своего сына Льва. После смерти Льва Даниловича в Галицко-Волыньском княжестве начались смуты, и в 1340 году бояре пригласили на престол литовского князя Любарта Гедиминовича. Галицко-Волыньское княжество оказалось включенным в состав Великого княжества Литовского.

«Преименитый град» Львов, издавна получивший особые привилегии, управлялся магистратом, славился как город ремесленников и торговцев. Во Львове было много образованных людей, работали книжные лавки, торговцы привозили книги из Польши и Западной Европы. У многих львовян были хорошие библиотеки, причем в них встречались наряду с богословскими книгами труды античных авторов, произведения писателей-гуманистов.

Но собственной типографии в городе не было, Ивану Федорову

предстояло ее основать.

По приезде в город первопечатник поселился в доме седельного мастера Семена Калениковича недалеко от Пятницкой церкви. Семен Каленикович, или, как обычно его называли, Семен Седляр, занимался не только ремеслом, но и торговлей, сколотил немалое состояние, был человеком образованным, общался с представителями культурного кружка галицко-волынских магнатов и переписывался с ними по разным ученым и богословским вопросам. Так, князь Курбский в одном из писем к Семену Седляру писал: «О, прелюбезный мой брате, правоверием украшенный. Эпистолью твою приях и прочитох и выразумех и познах в тебе искры от божественного огня, возгоранием являемые». Неизвестно, как познакомились Иван Федоров и Семен Седляр, но седельный мастер стал искренним другом первопечатника, впоследствии много помогал ему в работе, ссужая деньгами на типографские нужды и не требуя возвращения долга.

Дом Семена Седляра находился в древнейшей части города — на Подзамчье. Когда-то Львов занимал пространство от северо-западных склонов Княжьей горы до берегов Полтвы. Но со временем центр города переместился на вершину горы, где была построена мощная крепость — «Высокий Замок», окруженный крепостной стеной и валами. Крепость стали называть Городом, а изначальную территорию — «Подзамчьем» или «Предместьем». На Подзамчье селились ремесленники и торговцы, там стояла древнейшая церковь Святого Николая — ровесница самого Львова и Онуфриевский монастырь.

Городская жизнь Львова поразила Ивана Федорова своей непохожестью на московскую. Львов был шумным, многонациональным торговым городом. Немецкий купец Мартин Груневег — современник Ивана Федорова — писал: «Здесь, как и в Венеции, стало привычным встречать на рынке людей со всех стран мира в своей одежде: венгров в их малых магерках^[8], казаков в больших шапках-кучмах, русских в белых шапках, турков в белых чалмах <...> Эти все — в длинной одежде, а немцы, итальянцы, испанцы — в короткой. Когда увидишь, как на рынке <...> бурлит толпа критян, турок, греков, итальянцев, одетых еще по-корабельному, то кажется, будто здесь, сразу же за воротами города — порт».

Представители разных народов селились колониями, улицы Львова носили названия Русская, Армянская и т. д.

Архитектурной достопримечательностью города, кроме древнего «Высокого Замка», был «Нижний Замок», стоявший у подножия Княжьей

горы. В нем находились резиденция старосты и канцелярия шляхетского (городского) суда. Современник Ивана Федорова, польский поэт Себастьян Кленович, писал о «Нижнем Замке»:

Это — украшение, достойное короля,
прекрасное и величественное.
Окна позолочены солнечным светом,
Стройная башня достигает облаков,
Подвалы уходят в преисподнюю,
А шпиль поднимается к звездам.

Одним из красивейших зданий города была также ратуша с высокой башней и кровлей, покрытой желто-зеленой черепицей.

Незадолго до приезда Ивана Федорова в 1571 году во Львове случился ужаснейший пожар. Сгорело большинство строений Русской улицы, пострадали башня ратуши и Успенская церковь. Иван Федоров еще застал следы разрушения, причиненного огнем, и мог наблюдать, как львовяне восстанавливают свой город и делают его еще краше. Так, при Иване Федорове силезский мастер Мельхиор Тил установил на башне ратуши новые часы, была построена новая и очень красивая часовня Трех Святителей по проекту архитектора Петра Красовского, причем первопечатнику довелось познакомиться и с организаторами, и с руководителями строительства. Успенская церковь была лишь слегка подремонтирована, поскольку на ее месте собирались строить новый храм.

Там, где Русская улица подходила к городским стенам, за год до приезда Ивана Федорова на средства самого богатого львовского купца Константина Корнякта начали возводить грандиозную башню-колокольню, которая должна была служить и оборонным сооружением. Строительство продолжалось до 1578 года, так что во время пребывания первопечатника во Львове силуэт строящейся башни в лесах просматривался со всех концов города. Одновременно тот же богач Корнякт строил для себя великолепный дворец в стиле итальянского Ренессанса (впоследствии там располагалась экспозиция Львовского исторического музея).

Осмотревшись на новом месте, Иван Федоров начал думать об устройстве типографии. И в Москве, и в Заблудове он занимался только своим прямым ремеслом — печатал книги. Все организационные и финансовые вопросы решали другие. Теперь же ему впервые приходилось все брать на себя.

Первопечатник привез из Заблудова сделанные еще в Москве шрифты и гравировальные доски, но нужно было снять помещение, сделать станок. Для этого требовались деньги. Иван Федоров обратился с просьбой о ссуде к местным богачам и высшему духовенству — однако от всех получил отказ. Рассказ первопечатника о тягостном и унижительном хождении из одного богатого дома в другой исполнен подлинного драматизма: «И обрицах многих богатых и благородных в мире, помощи прося от них, и метание сотворяя коленами касаяся, и припадая на лице земном, сердечно каплющими слезами моими ноги их омывах. И сие не едино, не дважды, но и многожды сотворях <...> Не испросих умиленными глаголами, не умолих многослезными рыданиями, не исходатойствовах никакия же милости».

Помогли первопечатнику не «богатые и благородные», а «неславные в мире обретошася» — Семен Седляр, священник церкви Святого Онуфрия отец Леонтий (который, как и Седляр, на долгие годы стал другом Ивана Федорова), другие, подобные им простые горожане, бескорыстные любители просвещения.

В начале 1573 года он снял помещение на Краковской улице, вблизи Рынка, в доме мастера-бондаря Адама Торека и переехал туда от Семена Седляра. Дом был каменный, старый. Когда-то он принадлежал тестю Адама Торека — Андрею Кулганку. Дом этот в городе называли «Кулганкивская каменица». Пан Адам сдавал помещение многим жильцам. Вместе с Иваном Федоровым в Кулганкивской каменице жили и занимались своим ремеслом портной Матвей Осмольный, бондарь Мартин Страх, золотых дел мастер венгр Павло, органист Адам, часовщик Симон, шорники Станислав и Альберт, водопроводчик Юрий. Со всеми этими мастерами у Ивана Федорова завязалось знакомство, а с водопроводчиком Юрием — дружба.

Среди львовских знакомых Ивана Федорова был также известный в городе художник Лаврентий Пилиппович Пухало.

Иван Федоров нанял слугу Василя Лосятинского, который стал его помощником и дома, и в типографии.

При самом начале работы Иван Федоров столкнулся с неожиданной проблемой. У львовских ремесленников существовала цеховая организация. Ремесленники одной или нескольких родственных профессий объединялись в цехи, имевшие самоуправление, выбирали из своей среды старшин, которые следили за соблюдением цехового устава. Цехи осуществляли контроль за качеством работы, за сбытом изделий, ценами, обучением молодых мастеров. В цехах была организована взаимопомощь, существовала цеховая касса, каждый цех имел свою эмблему, своего

святого-покровителя, свой праздник.

Иван Федоров был первым типографом, приехавшим во Львов, и, естественно, не принадлежал ни к какому цеху. Для работы в типографии требовался столяр, чтобы изготовить станок, наборные кассы, ящики для шрифтов и другое деревянное оборудование. Иван Федоров намеревался нанять мастера на постоянную работу. Но цех столяров запретил кому-либо из своих членов работать на чужака. Удивленный и возмущенный Иван Федоров обратился в городской совет. Совет поддержал цеховых старшин, но предложил Ивану Федорову обратиться в цех с просьбой выделить ему мастера для выполнения разовых заказов. Но, вероятно, первопечатник уже успел высказать старшинам все, что он думает о их организации, и обиженные столяры отказались иметь с ним дело. Иван Федоров снова пошел в городской совет. Городские власти обратились за консультацией в Краков к известным краковским типографам Матвею Зибенайхеру и Миколу Пренжине. Те не смогли посоветовать ничего нового. «В городе Кракове книгопечатники не держат в своих домах подмастерий столярного мастерства, а нанимают их для исполнения разовых заказов», — констатировали они.

Дело зашло в тупик.

Вероятно, в конце концов Иван Федоров сам сколотил печатный станок и оборудование первой необходимости, так что типография смогла начать работу. Но нужда в постоянном работнике-столяре все равно оставалась, и препирательства со столярным цехом продолжались еще долго. В декабре того же года Иван Федоров снова просит дать ему столяра «хотя бы на время, в связи с острой необходимостью в своей типографской мастерской», а городской совет извещает Ивана Федорова, что, стараясь «отнестись к пришельцу с необходимым вниманием и заботясь о том, чтобы он, не закончив начатой им работы, не имел по той причине какого-либо убытка», но в то же время «не нарушить ни в чем прав и привилегий столяров этого города и цеха», посоветовали ему найти работника «там, где он этого пожелает» и приписать его к столярному цеху. Решение, вероятно, всех удовлетворило.

Львовская типография — первая типография на Украинской земле — начала работать 25 февраля 1573 года. Первой вышедшей из нее книгой стал «Апостол» — повторение московского издания.

Как и к московскому «Апостолу», Иван Федоров написал к нему послесловие, которое назвал «Сия убо повесть изъясляет откуда начася и како сверится друкарня сия». Это послесловие — ценнейший исторический источник и великолепное литературное произведение. И еще — из него

явственно видно, насколько совпадают история русского книгопечатания и история самого Ивана Федорова. Повествование о становлении печатного дела — по сути бесхитростные воспоминания первопечатника о собственной жизни. Иван Федоров рассказывает об основании Печатного двора в Москве, о своем изгнании из России, о работе в Заблудове и переезде во Львов, о своих мыслях, сомнениях и переживаниях. Энергичный, выразительный, обладающий внутренним ритмом язык, живая, искренняя интонация позволяют специалистам-литературоведам причислять Ивана Федорова к талантливым русским писателям.

Как и московское, так и львовское издание «Апостола» украшено гравюрой с изображением апостола Луки в декоративной рамке. Доску с московским Лукой, скорее всего, забрал с собой Петр Мстиславец, рамка же, выполненная по рисунку самого первопечатника, осталась у Ивана Федорова. В эту рамку теперь было заключено совсем другое изображение апостола, сильно отличающееся от московского. Московский Лука сосредоточен, напряжен, в нем чувствуются энергия и скрытый драматизм. Львовский — мягче, задумчивее. В. И. Свенцицкая в статье, посвященной этой гравюре, высказывает соблазнительное, но, к сожалению, ничем не подтвержденное предположение: «Реалистические тенденции нашли отражение <...> в неидеализированном, почти портретно решенном лице апостола, обрамленном буйной массой коротко стриженных волос и широкой окладистой бородой. Невольно даже возникает мысль — а может быть, это портрет самого Ивана Федорова?»

Искусствоведы высказывают различные догадки насчет того, кто был автором этой гравюры. Возможно, это Лаврентий Пилиппович Пухало, хороший знакомый первопечатника.

В оформлении львовского «Апостола» использована также гравюра, где рядом с гербом города Львова Иван Федоров впервые поместил свой типографский знак: S-образно изогнутая лента и стрела. Если значение герба Львова с изображением крепостной стены, в воротах которой помещен «шагающий лев», хорошо известно — лев намекает на название города, крепостная стена означает его неприступность, а ворота с поднятой решеткой — гостеприимство, то значение знака Ивана Федорова — еще одна загадка, связанная с первопечатником. В этом знаке видели намек на печатный знак Альда Мануция — дельфин, обвивающий якорь; видели сходство с гербом белорусского дворянского рода Рагоза, что позволило выдвинуть гипотезу о дворянском происхождении первопечатника. Высказывалось предположение, что изогнутая лента — это река, напоминающая об известном изречении: «Книги суть реки, вселенную

наполяющие», а стрела — устремленность вперед, указание на прогрессивную роль печатного дела. В стреле видели также изображение угольника, одного из типографских инструментов, или наконечника плуга — рала, что могло напоминать о словах Ивана Федорова о том, что ему надлежит «духовные семена рассеивати». Так или иначе, в дальнейшем первопечатник помечал этим знаком все свои книги.

Львовский «Апостол» вышел в свет 15 февраля 1574 года. Как и другие книги Ивана Федорова, он получил широкое распространение не только на территории бывшего Великого княжества Литовского, но и в России. Известен экземпляр, купленный в Москве в 1575 году англичанином Джеромом Горсеем и увезенный им в Англию. (Сейчас этот экземпляр хранится в Кембридже.) О том, что «Апостол» приобретали люди самых разных слоев общества, в том числе и представители простого народа, свидетельствуют владельческие записи на сохранившихся экземплярах. В 1574 году киевский мещанин Хоцко Балыка передал принадлежавшую ему книгу в город Коростышев, а на экземпляре, обнаруженном в Будапеште, есть запись о покупке «Апостола» в 1581 году крестьянином Семеном Загорецким.

Одновременно с «Апостолом» Иван Федоров начал печатать еще одну книгу — «Азбуку», в основу которой положил трактат о грамматике византийского писателя и богослова Иоанна Дамаскина, жившего в VII–VIII веках. Иван Федоров переработал ученый трактат «ради скорого младенческого научения» и создал первый русский (и восточнославянский) печатный учебник, ставший очередной вехой в истории русского просвещения. Четкая конструкция «Азбуки», учитывающая психологию детского восприятия, позволяет исследователям говорить об Иване Федорове как о педагоге.

Заканчивается «Азбука» обращением Ивана Федорова к читателям: «Возлюбленный честный христианский русский народе, греческого закона! Сия еже писах вам, не от себе, но от божественных апостол и богоносных святых отец учения, и преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина от грамматики мало нечто. Ради скорого младенческого научения вмаля сократив сложих. И аще сии труды моя благоугодны будут ваши любви, примите сия с любовью. А я и о иных писаниях богоугодных с вожделением потрудитися хочу, аще благоволит Бог, вашими святыми молитвами. Аминь!»

Ввиду все усиливающейся тенденции к ополячиванию обучение русских, белорусских и украинских детей грамоте и родному языку становилось одной из форм борьбы за сохранение национальной культуры.

В начале 70-х годов XVI века, то есть как раз во время приезда Ивана Федорова, во Львове активизировалась борьба против польско-католического гнета. Движение возглавили Василь Теневич, Фома Бабич, Лесько Малецкий и др. В числе прочего велась подготовка к созданию украинской школы — «гимназиона» и «братства» — организации, одной из целей которой была забота о школьном образовании. Противники народного просвещения понимали: грамотность способствует росту национального самосознания. «Непокорны сами да и других пуще всего приохочивают к непокорности те украинцы из плебса, которые умеют читать свое письмо <...> Поэтому нужно <...> обязать управителей имений пристально следить за тем, чтобы мужицкие дети привыкали не к книгам, а к плугу, ралу, цепу!» — писал один из них.

Своей «Азбукой» Иван Федоров внес существенный вклад в борьбу за сохранение национальной культуры, причем сделал это вполне сознательно. В раздел, предназначенный для закрепления навыков чтения, он включил тексты не только на старославянском языке, но и на близком к белорусско-украинской живой речи. В заключении «Азбуки» приведен фрагмент из Библии — Молитва Манасии, в которой тот жалуется, что в тяжкую годину отступился от веры своего народа. Для современников Ивана Федорова здесь было очевидно созвучие с современностью.

«Азбука» пользовалась огромной популярностью. Она не раз перепечатывалась позднее в Киеве, Львове, Чернигове и других украинских городах, по ней учили крестьянских детей «мандрованные дьяки» — учителя, странствующие от одной сельской школы к другой.

Известно, что книги, предназначенные для детей, чаще других зачитываются до дыр и растворяются в мировом пространстве. Долгое время исследователи даже не подозревали о существовании «Азбуки» Ивана Федорова — не было известно ни одного ее экземпляра. И лишь во второй половине XX века обнаружилось два экземпляра: один в библиотеке Гарвардского университета США, а второй — в Британской библиотеке в Лондоне.

Четыре года спустя, в 1578 году, Иван Федоров выпустил второе издание «Азбуки».

«Азбука» Ивана Федорова стала прообразом всех последующих Азбук и Букварей не только в России, но и в других славянских странах. В Болгарии фрагменты федоровской «Азбуки» без всяких изменений включались в учебники для начальной школы вплоть до середины XIX века.

ДЕРМАНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

*Все они избиты, изранены,
Булавами головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны.*

Былина о Чуриле Пленковиче

Речь Посполитую в это время сотрясали политические катаклизмы. В 1572 году со смертью Сигизмунда-Августа пресеклась династия Ягеллонов. Православные литовско-белорусские и украинские магнаты хотели пригласить на престол Ивана Грозного или одного из его сыновей. Однако польская шляхта на сейме, заседавшем с 5 апреля по 20 мая 1572 года (то есть в то время, когда Иван Федоров печатал первую на Украине книгу), решила предложить корону французскому принцу Генриху Валуа.

21 февраля 1574 года, через шесть дней после выхода в свет львовского «Апостола», французский принц короновался в Кракове в соборе Святого Станислава. Однако для француза Польша представлялась далеким и диким краем, свое избрание на престол он воспринимал как изгнание и мечтал о возвращении на родину. В июне того же года пришло известие о смерти старшего брата Генриха, короля Франции Карла IX, незадолго до того снискавшего мрачную известность вдохновителя Варфоломеевской ночи в Париже. Смерть брата не опечалила, а обрадовала Генриха: перед ним открывался путь на французский престол. Не задумавшись ни на минуту, он бросил вверенное ему Польское королевство и в ночь на 18 июня тайно бежал из краковского дворца. «Утек, — как сообщает Львовский летописец, — с замку форткою».

Наступил тревожный период «бескоролья», продолжавшийся почти год, пока на сейме в январе 1575 года новым королем не был избран Стефан Баторий.

В это же время в начале 1575 года Иван Федоров получил приглашение от князя Константина Константиновича Острожского, пожелавшего создать типографию в принадлежавшем ему городе Остроге.

Князь Константин Острожский принадлежал к знатному украинскому роду, ведущему свое начало от удельных туровско-пинских князей. Многие предки князя Острожского прославились как незаурядные полководцы.

Основоположник рода — Даниил Дмитриевич, живший в XIV веке, в 1340 году разгромил войска Казимира Великого, что приостановило захват поляками Галицкой Руси. Сын Даниила, Федор (именно он в 1386 году получил от великих литовских князей подтверждение прав на владение несколькими городами, в том числе Острогом, и стал именоваться князем Острожским), принимал участие в Грюнвальдской битве. Внук Федора, Иван, в 1453 году разгромил татар под Теребовлей и освободил девять тысяч пленников. Но особенно громкую славу как полководец сыскал Константин Иванович — отец нынешнего князя, занимавший должность великого гетмана Литовского. Современники утверждали, что на его счету было шестьдесят три победы. Но в его биографии был и такой эпизод: в 1500 году в сражении с московскими войсками на реке Ведорше он был взят в плен, перешел на службу к московскому князю, но семь лет спустя бежал. Последнюю свою победу К. И. Острожский одержал будучи уже шестидесятипятилетним стариком — в 1527 году разбил татар под Каменцем, взял двадцать пять тысяч пленных и освободил сорок тысяч невольников.

Будучи потомками древнерусских князей и православными, Острожские энергично защищали интересы православной церкви на территории Великого княжества Литовского.

Константин Константинович Острожский родился в 1526 году. При крещении он получил имя Василий, но стал называть себя Константином в честь своих кумиров: византийского императора Константина, защитника христианства, и Константина Философа — создателя славянской азбуки.

Князь Константин Острожский был одним из богатейших вельмож, в его владении находилось 100 городов, 1300 сел, 10 монастырей. Княжеский замок в Остроге возвышался над всем городом. В народе говорили, что в девяти подземельях замка хранится несчетное количество бочонков с золотыми и серебряными слитками, огромные сундуки с жемчугом и драгоценными камнями. Как и его предки, Константин Острожский проявил себя как полководец, был воеводой и принимал участие в ряде сражений. Но основные его интересы лежали в религиозно-культурной сфере. Он был хорошо образован, собрал обширную библиотеку, в числе его друзей были многие деятели тогдашней культуры. Князь Острожский понимал роль просвещения и значение книг в деле сохранения православной веры и национальной самобытности. Типография была нужна ему для осуществления грандиозного замысла — издания первой печатной полной славянской Библии.

Но при этом Константин Острожский оставался типичным

представителем своего времени и своего сословия — грубым, самовластным, безусловно верящим в право сильного.

Когда Иван Федоров прибыл в Острог, князь был поглощен делами, далекими от культуры и просвещения. В числе княжеских владений был Дерманский Свято-Троицкий монастырь, основанный одним из предков князя и находившийся в двадцати верстах от Острога. Монастырю принадлежало несколько окрестных сел. Место монастырского управляющего («справцы») считалось выгодным, и один из государственных чиновников, заручившись поддержкой короля, отдал его своему ставленнику, некоему Михаилу Дчусе. Князь Острожский увидел в этом ущемление своих прав и, как написал Дчуса в своей жалобе, «наехав с многими слугами своими и с розным оружием», «выгнал и выбил» Дчусу из монастыря. А затем назначил на его место Ивана Федорова, вероятно, к немалому изумлению последнего. Скорее всего, князь хотел таким образом показать свое расположение к печатнику. Создание типографии было пока только в замысле, и князь полагал, что делает доброе дело, предоставив Ивану Федорову выгодное место, которого домогались многие.

Однако для первопечатника должность справцы обернулась многими хлопотами и неприятностями. Принадлежавшее монастырю село Кунино издавна враждовало с селом Спасовом — владением прежнего покровителя Ивана Федорова, гетмана Г. А. Ходкевича. Спасовцы отличались буйным нравом и, чувствуя поддержку своего всесильного господина, чинили многие обиды соседям. Но гетман Ходкевич недавно скончался, и теперь уже кунинцы стали самовольно запахивать спасовские земли, жечь скошенное спасовцами сено. Спасовцы начали выставять для охраны своего добра караульных. Между жителями двух сел не раз происходили побоища, и, хотя до смертоубийства дело не доходило, побитых и пораненных с той и с другой стороны было достаточно.

Едва Иван Федоров занял место справцы, к нему явились жители Спасова с жалобой на кунинцев, которые напали на их односельчан Ермака и Сидора, отняли у них две косы, две сермяги и «клячу с возом и хомутом». Иван Федоров добросовестно разобрался в деле, награбленное приказал вернуть, а виновных примерно наказать. Но такое, казалось бы, единственно возможное решение вызвало сильное недовольство князя Острожского. Вельможа забавлялся, попустительствуя бесчинствам своих людей, и в дальнейшем Ивану Федорову пришлось закрывать глаза на творившиеся безобразия, принимая на себя ответственность за них. Кунинцы неоднократно совершали набеги на Спасово. Награбленное добро подробно перечисляется в многочисленных жалобах, с которыми спасовцы

обращались в суд: «быдла рогатого двадцатеро одно, овец двадцатеро и двое», «сермяг пять, плахта одна», «грошей десять». Привлекать к ответу самого князя никто не решался, и в суд вызывали монастырского справцу.

Однако примечательно, что даже в жалобах и судебных актах Ивана Федорова неизменно величали по его основной профессии — друкарь. Так, в одном из актов говорится, что когда у него потребовали отдать увезенное в очередной раз кунинцами имущество спасовцев, «пан Иван Друкарь <...> отдать не хотел и не отдал».

Наконец князь вспомнил, что пригласил Ивана Федорова для создания типографии. Поздней осенью 1576 года первопечатник с великим облегчением сложил с себя обязанности справцы и переехал в Острог.

ГОРОД ОСТРОГ И КНЯЗЬ ОСТРОЖСКИЙ

*Такожда в человеке ходют мысли худые и
добрые.*

*От доброго разума душа воскресает,
От худого разума душа погибает.*

Духовный стих

Город Острог стоит на высоком берегу реки Вили. Во второй половине XII века он входил в состав Владимиро-Волынского княжества, в XIII — первой половине XIV века — Галицко-Волынского. С XIV века владельцы города стали называть себя князьями Острожскими.

При Иване Федорове это был достаточно крупный по тем временам город, в нем было сто домов, пять церквей и около пяти тысяч жителей, занимавшихся главным образом ремеслом. Город окружала крепостная стена с башнями, одну из них, возведенную более ста лет тому назад — в XIV веке, называли Мурованной — то есть Каменной, а другую, построенную совсем недавно, — Новой или Круглой. В город вели четверо строго охраняемых ворот: Замковые, Деревянные, Луцкие и Татарские. Центром города была Рыночная площадь, к которой вели улицы Греческая, Предзамковая и Луцкая. Замок князей Острожских, построенный в XIII–XIV веках, возвышался на Замковой или, как ее еще называли, Красной, горе. При замке в XV веке была построена Богоявленская церковь в духе древнерусского зодчества.

В замке хранилась библиотека, собранная князем Острожским. В ней находились рукописные и печатные книги, свидетельствующие о разнообразии интересов и глубине познаний ее владельца. Так, среди книг князя Острожского были греко-латинский словарь, изданный в 1562 году в Базеле, трагедии Еврипида, речи Цицерона, «Космография» Себастиана Мюнстера и др. Были книги и московского происхождения, например «Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея», переведенные Максимом Греком. Не исключено, что эту книгу привез с собой Иван Федоров.

В Остроге по инициативе князя Острожского сложился культурно-просветительский центр, который уже тогда называли Острожской академией, включавший в себя и начальную школу, и высшее учебное заведение с достаточно обширной программой. Очевидец писал: «Князь воздвиг в Остроге школу, не только славянского языка, но и латинских и греческих наук, в которой воспитал многочисленную русскую молодежь, как шляхетского, так и плебейского происхождения». Кроме того, в школе учили диалектике, грамматике и риторике, наиболее способные из учеников отправлялись для усовершенствования за счет Острожского в Константинополь, в высшую патриаршую школу.

После Дерманского монастыря Ивану Федорову было особенно приятно вновь оказаться в кругу образованных и близких ему по духу людей. Здесь он снова встретился со своим заблудовским приятелем Тимофеем Михайловичем Анничем, который когда-то учился в Острожской школе, а теперь служил в ней учителем. Бывал в Остроге и близкий к Острожской академии старец Артемий.

В число новых хороших знакомых Ивана Федорова вошел ректор академии — Герасим Данилович Смотрицкий. Небогатый шляхтич, в юности он служил писарем, но при этом усердно занимался самообразованием и, по его собственным словам, «не зная никакого училища», стал одним из образованнейших людей своего времени. Вскоре после приезда Ивана Федорова в семье Смотрицкого родился сын — Максим. Поздравляя приятеля с новорожденным, Иван Федоров еще не подозревал, что Максиму Смотрицкому (впоследствии взявшему монашеское имя Мелетий) суждено стать известным ученым-филологом, автором знаменитой «Славянской грамматики» — той самой книги, которую полтора столетия спустя Ломоносов назовет «воротами своей учености»...

К основанию Острожской академии была причастна и племянница князя Острожского — Эльжбета. Ивану Федорову не раз случалось видеть в сумерки в саду княжеского замка печальную женщину в черном, прогуливающуюся в полном одиночестве. Драматическая история жизни Эльжбеты послужила основой для множества романов и пьес, написанных в последующие столетия. Наверняка слышал ее и Иван Федоров.

Эльжбета была дочерью старшего брата князя Острожского — Ильи. Будучи уже немолодым, князь Илья женился на двадцатилетней Беате Костолецкой — незаконной дочери короля Сигизмунда Старого, единокровной сестре нынешнего короля Сигизмунда-Августа. Через полгода после свадьбы Илья Острожский скончался, по слухам — от яда,

поднесенного ему молодой женой. Перед смертью он завещал все свои несметные богатства ребенку, которого Беата носила под сердцем. Опекунами будущего наследника или наследницы он назначил короля Сигизмунда-Августа, сводного брата своей жены, и своего брата — князя Константина.

В 1539 году княгиня Беата родила дочь, названную Эльжбетой. Эльжбета оказалась самой богатой невестой во всей Польше. Едва девочке минуло тринадцать лет, к ней начали свататься многочисленные женихи. Одним из них был Дмитрий Сангушко. Молодой, красивый и отважный, он пришелся по сердцу юной Эльжбете. Князь Константин, считавший для себя выгодным породниться с родом Сангушко, поддержал сватовство. Но княгиня Беата объявила, что дочь ее еще слишком молода, чтобы думать о замужестве, и предложила подождать до ее совершеннолетия, которое для девушек в тогдашней Польше наступало в пятнадцать лет. Однако жених не захотел ждать. Князь Константин вызвался помочь нетерпеливому Сангушко получить невесту немедленно. Во главе вооруженного отряда жених и опекун напали на замок, где жила Эльжбета с матерью, княгиню Беату заперли в ее комнате, и замковый священник обвенчал юную княжну с Сангушко в замковой часовне.

После совершения обряда молодой муж увез Эльжбету в свое родовое поместье, а княгиня Беата, пылая гневом, бросилась в Краков к королю с жалобой на похитителей дочери. Король назначил суд. Ни князь Острожский, ни Сангушко на суд не явились и были осуждены заочно. Князь Константин лишился опекунских прав, а Сангушко, если он немедленно не вернет Эльжбету матери, приговаривался к смертной казни.

Узнав о приговоре, Сангушко велел жене переодеться в мужское платье и вместе с ней бежал в Чехию, где надеялся найти приют у своего родственника — чешского гетмана. Король снарядил погоню. Погоня настигла беглецов на постоялом дворе в чешской деревушке Лисе. Неравная схватка была короткой. Израненного, истекающего кровью Сангушко связали, отвезли в ближайший городок и заперли на ночь в сарае, с тем чтобы утром переправить в Польшу на суд королю. Однако несчастный скончался, не дождавшись рассвета.

Перепуганную, еще не осознающую, что она стала вдовой, Эльжбету доставили в Познань к матери.

Вскоре король, оставшийся теперь единственным опекуном Эльжбеты, подыскал ей нового жениха — графа Лукаша Гурко. И княгиня Беата, и Эльжбета пришли в ужас: граф Гурко был старше невесты почти на сорок лет, а кроме того, славился злобным, деспотичным, необузданным нравом.

Княгиня Беата попыталась напомнить королю о законе, принятом их отцом Сигизмундом Старым, согласно которому никто не может принудить девушку или вдову к нежеланному замужеству. Однако король не хотел ссориться с могущественным и многочисленным родом Гурко и настаивал на немедленном бракосочетании.

Эльжбету нарядили в подвенечное платье. В последнюю минуту невеста предприняла отчаянную попытку к бегству. Обманув служанок, она выскользнула из своей комнаты и спряталась в каморке под лестницей. Но ее быстро нашли, силой поволокли к алтарю и, несмотря на то, что ни княгиня Беата, ни сама Эльжбета не дали согласия на брак, обвенчали с графом Гурко.

Все эти события происходили накануне сейма. На другой день после бракосочетания король отбыл на сейм, граф Гурко вынужден был последовать за ним, оставив жену и тещу в замке. Княгиня Беата немедленно воспользовалась отсутствием ненавистного зятя. Мать и дочь, сделав вид, что отправляются на прогулку, покинули владения Гурко, добрались до Львова и попросили убежища в Доминиканском монастыре.

Граф Гурко потребовал, чтобы король вернул беглянок, но конфликт с вольным городом Львовом и братьями-доминиканцами не привлекал короля, и он, отговариваясь занятостью государственными делами, все откладывал и откладывал решение этой семейной проблемы. Несколько лет Эльжбета и княгиня Беата жили спокойно. Наконец граф Гурко потерял терпение. Он привел под стены монастыря свое войско с пушками и начал осаду по всем правилам военной стратегии. Однако братьям-доминиканцам такое было не впервой. Они успешно оборонялись, стреляя из пушек, не менее метко, чем осаждающие.

Тем не менее княгиня Беата понимала, что рано или поздно монастырь будет взят, и придумала рискованный, но как ей казалось, верный способ сделать брак дочери с Гурко недействительным. Она послала тайного гонца к одному из давних претендентов на руку Эльжбеты — Симеону Юрьевичу Слуцкому, и тот под видом нищего проник в монастырь.

В монастырском храме Эльжбета была обвенчана в третий раз и стала женой Слуцкого. Повторное замужество при живом муже было серьезным преступлением, но Беата рассчитывала сослаться не на закон, а на традицию, согласно которой брак, заключенный с согласия матери, аннулирует предыдущий, заключенный против ее воли. Кроме того, она предполагала сослаться на то, что сама Эльжбета была католичкой, Гурко — протестантом, а Слуцкий — православным. Это давало возможность придаться к формальной стороне обряда и объявить венчание с Гурко

недействительным.

Однако уловка не помогла.

Сигизмунд-Август, наконец, решил, что сопротивление двух женщин воле короля оскорбительно для королевской власти, и потребовал от городских старшин выдать Беату и Эльжбету. Городские старшины поступили просто и действенно: перекрыли водопроводные трубы, идущие к монастырю — и монастырь сдался на милость осаждающих.

Король не стал наказывать Эльжбету за двое мужество, но и не признал ее третьего брака. Эльжбету разлучили с матерью, и Гурко увез ее в свой замок в Шамотулах. Но тут Эльжбета, бывшая до той поры покорной игрушкой в руках жестокой судьбы, показала характер: она объявила, что Слуцкий — ее супруг перед Богом и быть женой Гурко она не может и не желает. В знак печали по поводу вынужденной разлуки с мужем она облачилась в траур, за что получила у местных жителей прозвание «Черной княгини».

Рассвирепевший Гурко заточил Эльжбету в башню, где она провела — ни много ни мало — двенадцать лет.

В 1573 году граф Гурко скончался. При жизни он снискал такую всеобщую ненависть, что когда гроб с его телом везли в собор для отпевания, встречные швыряли в похоронную процессию камнями.

Черная княгиня, которой к тому времени исполнилось тридцать четыре года, обрела свободу. Ни Слуцкого, ни княгини Беаты уже не было в живых. Эльжбета была совершенно одинока. Шумный свет не привлекал ее, она предпочла поселиться в Остроге у своего дяди князя Константина.

Приютив племянницу, князь Острожский не только выполнил семейный долг, но и получал немалую выгоду. Эльжбета по-прежнему была сказочно богата. Поселившись в доме дяди, она заинтересовалась его благотворительной и культурно-просветительской деятельностью и пожертвовала огромные суммы на создание в Остроге лечебницы и академии.

Но пережитые горести и потрясения не прошли для нее даром. Современники утверждали, что несчастная Эльжбета помешалась. В полном уединении жила она в отдаленных комнатах замка, лишь в сумерки выходя в сад.

Иван Федоров, как и все жители Острога, видя скорбный силуэт Черной княгини, вздыхал о ее горестной судьбе.

Деньги Эльжбеты вкупе с деньгами самого Острожского позволили поставить академию на широкую ногу.

ТИПОГРАФИЯ В ОСТРОГЕ

Острожская типография стала четвертой типографией, созданной Иваном Федоровым. В ней он напечатал пять книг: в 1578 году — второе издание «Азбуки», в 1580-м — Новый Завет с Псалтырью и алфавитно-предметный указатель к Новому Завету («Книжка собрание вещей нужнейших, вкратце скорого ради обретения в книге Нового Завета»), в 1580–1581 годах — Острожскую Библию.

Типография располагалась неподалеку от замка — на Замковой улице у подножия Замковой горы. Рядом с типографией находились Успенский собор, Николаевская церковь и школа.

Второе издание «Азбуки» предназначалось для Острожской школы, которую сам Иван Федоров назвал в предисловии «детищным училищем». Новое издание по сравнению с предыдущим было расширено: дополнено пособием по изучению греческого языка, включавшим в себя греческий алфавит с русскими названиями греческих букв и тексты с переводом — в одной колонке по-славянски, в другой — по-гречески. Поскольку одинаковые тексты на разных языках имеют различное количество букв, их параллельный набор представляет собой большую техническую сложность. То, что Иван Федоров сумел напечатать и текст, и перевод так, что они занимают равное количество строк, еще одно свидетельство высочайшего мастерства нашего первопечатника.

В качестве приложения к новому изданию «Азбуки» Иван Федоров напечатал сочинение болгарского писателя, жившего в конце IX — начале X века, Черноризца Храбра — «Сказание, како составил святой Кирилл Философ азбуку по языку словенскому и книги переведе от греческого», повествующее о великих славянских просветителях Кирилле и Мефодии, создателях славянской письменности. Для только что освоившего грамоту ученика это сказание служило занимательным чтением, а кроме того, внушало юному читателю мысль о пользе просвещения и глубоких корнях славянской культуры.

Включение в «Азбуку» сказания о Кирилле и Мефодии было не случайным.

Со вступлением на престол Стефана Батория — ярого приверженца католицизма — в стране усиливается католическая реакция и особенно заметным становится влияние иезуитов. Орден иезуитов («Общество Иисуса») был основан в 1534 году в Париже Игнатием Лойолой для борьбы

с Реформацией в странах Западной Европы. Но иезуиты имели далеко идущие политические планы, и через некоторое время их притязания обратились на Восток. Папа римский издавна хотел подчинить католическому влиянию Россию. Однако иезуиты, понимая, насколько трудно будет вести католическую пропаганду посреди такого крепкого оплота православия, как Московское царство, решили начать с окатоличивания русского населения Речи Посполитой. Этот путь представлялся им более легким, поскольку там у власти стояли паны-католики и правили католики-короли.

Иезуиты появились в Речи Посполитой около 1565 года, то есть всего за несколько лет до Ивана Федорова. В Остроге первопечатник увидел представителей ордена воочию. Хотя сам князь Острожский был православным, его жена-полячка придерживалась католической веры, дети воспитывались в католицизме, и среди княжеских придворных находились иезуиты. Острожский был хорошо знаком с прославленным иезуитским проповедником Петром Скаргой.

Скарга был поляком, уроженцем Груйца близ Варшавы, в юности окончил Краковский университет, в 1564 году стал каноником Кафедрального собора во Львове и в 1568 году побывал в Риме, где вступил в орден иезуитов. Фанатически преданный католицизму и ордену, умный, образованный, обладавший блестящими ораторскими способностями и большой внутренней силой, Скарга стал одним из наиболее опасных противников православной веры и много способствовал нетерпимости католического населения Польско-Литовского государства по отношению к православным. В 1577 году, то есть в то время, когда Иван Федоров уже находился в Остроге и готовил к печати «Азбуку», в Вильне был издан полемический труд Петра Скарги «О единстве церкви Божией под одним пастырем». Причем иезуитский проповедник посвятил свою книгу князю Острожскому — «пану, ко мне милостивому». В этой книге Скарга призывал к созданию унии — объединению православной церкви с католической под властью римского папы и обличал православие, указывая на три главных, с его точки зрения, «нестроения»: во-первых, разрешение православным священникам иметь семью, во-вторых, подчинение церкви государственной власти и, в-третьих, использование в богослужении славянского языка.

По поводу последнего «нестроения» Скарга писал: «Еще хуже то, что греки передали славянам свою веру на славянском языке, а не на греческом. Какой же язык славянский? Способен ли он передать богословские и научные понятия? Всему свету известно, что наука преподается лишь на

латинском языке, как прежде преподавалась на греческом. Не было в мире ни академий, ни коллегий, где бы науки, например, философию или богословие, излагали на славянском языке».

Иван Федоров, несомненно, читал это сочинение, и ему сразу же пришло на ум Сказание о Кирилле и Мефодии, Черноризца Храбра, в котором точно такие доводы приводили противники славянского просвещения, пытаясь помешать деятельности создателей славянской письменности. Проблемы, с которыми столкнулись Кирилл и Мефодий семьсот лет тому назад, вновь оказались злободневными.

Братья Кирилл и Мефодий жили в IX веке и были уроженцами византийского города Солуни. Вопрос о их происхождении окончательно не выяснен: некоторые ученые считают их греками, но многие склоняются к тому, что мать Кирилла и Мефодия была гречанкой, а отец — славянином-болгарином. Кирилл в миру носил имя Константина и уже в молодости получил за свою мудрость и ученость прозвание Философа, мирское имя Мефодия не известно.

В 863 году братья были отправлены с религиозно-просветительской миссией в Моравию — крупнейшее славянское государство того времени.

В предании о Кирилле и Мефодии рассказывается, что однажды к императору Византии Михаилу прибыли послы из славянских земель и привезли письмо от князя Моравии Ростислава. Моравский князь писал: «Хоть люди наши язычество отвергли и держатся закона христианского, нет у нас такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру. Так пошли нам, владыка, такого мужа».

Прочитав письмо, император призвал к себе Константина Философа и сказал: «Философ! Путь в Моравию долог и тяжек. Я знаю, что ты слаб здоровьем и изнурен трудами, но подобает тебе туда идти, ибо дела этого никто другой совершить не может — только ты».

Константин Философ ответил: «Я болен и утомлен телом, но с радостью приму на себя этот труд. Только есть ли у славян азбука, пригодная для их языка? Ведь излагать мысли, не имея букв, все равно, что писать на воде». Император сказал: «Ни дед, ни отец мой не слышали, чтобы у славян была своя письменность. Но моли Господа, и Он даст тебе все, что нужно».

Константин Философ вернулся к себе домой и стал молиться. Бог услышал его молитву и вложил в его разум новое знание: Константин Философ взял перо и, по воле Божьей, стал писать славянскими письменами слова Священного Писания: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...»

Император обрадовался и отправил князю Ростиславу такое письмо: «Бог, который хочет, чтобы каждый пришел к познанию истины, увидев веру твою, сотворил чудо, явив буквы для языка вашего, чтобы и вы были причислены к великим народам, что славят Бога на своем языке. Мы посылаем к тебе того, кому Бог объявил их — мужа честного и благоверного, книжника и философа. Прими же дар этот, что ценнее серебра и золота, драгоценных камней и всего преходящего богатства».

В предании создание азбуки представлено как чудо, на самом же деле этому, конечно, предшествовала долгая работа.

Известны две славянские азбуки: кириллица, которой мы пользуемся до сих пор, и глаголица, вышедшая из употребления после XI века. Какая из этих азбук была создана Кириллом, является спорным вопросом в славяноведении. Обе азбуки созданы на основе греческого письма, однако в одном из житий Кирилла сказано, что он «дошед Корсуня, обрете же ту Евангелие и Псалтирь рускими письменами писны, и человека обреете, глаголюще тою беседою». О том, что представляли собой эти «русские письмена», ученые спорят. Одни считают, что это была древнейшая славянская азбука, другие — что имеются в виду славянские тексты, написанные греческими буквами, третьи — предполагают в них какое-то иноязычное письмо.

Моравский князь Ростислав принял Константина Философа и его брата Мефодия с великой честью. Братья перевели на славянский язык «весь церковный чин», и священники в славянских церквях стали служить по-славянски. Однако это нововведение вызвало протест со стороны многих представителей духовенства.

Автор «Сказания» подробно описывает вспыхнувшую полемику. Противники славянской письменности говорили: «Если бы Богу было угодно, он бы с самого начала дал славянам письмена, чтобы они на своем языке Его прославляли». Будто вороны на сокола, налетели они на Константина Философа и стали спрашивать: «Как осмелился ты создать славянские письмена, если от Бога дано лишь три языка, на которых с помощью письмен можно Его славить: еврейский, греческий и латинский?»

Константин Философ ответил: «Не идет ли дождь равно для всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли мы все вдыхаем воздух по воле Божьей? Так почему же вы говорите, что лишь три языка пригодны для прославления Бога?» И противники Константина Философа были вынуждены признать его правоту.

Константин и Мефодий побывали в Риме (в то время христианская церковь еще не разделилась на католическую и православную). Папа

римский Адриан принял братьев с великим почетом, много с ними говорил, расспрашивал, как распространяют они слово Божье в славянских землях, благословил составленные ими книги и сказал: «А если кто станет порицать книги на языке вашем, да будет отлучен, пока не исправится». Он посвятил старшего из братьев, Мефодия, в сан епископа и повелел в течение нескольких дней проводить в римских церквах богослужение на славянском языке. Во время пребывания в Риме Константин Философ заболел и скончался. Перед смертью он постригся в монахи и взял себе монашеское имя — Кирилл. Мефодий один вернулся в славянские земли, продолжать служение, начатое вместе с братом. Многих славян привел Мефодий к христианской вере. В числе прочих он окрестил чешского князя Боровоя с его супругой Людмилой и болгарского царя Бориса.

Но некоторое время спустя в Моравии произошел государственный переворот, князь Ростислав был свергнут, а моравская церковь оказалась в зависимости от германского епископата.

Мефодий был арестован и предан суду. Германские священнослужители сказали: «Ты проповедуешь на нашей земле, не имея на то права». Мефодий ответил: «Если бы я думал, что это ваша земля, то не ступил бы на нее ногой, а прошел мимо. Но она принадлежит не вам, а Богу. Вы же, по своей жадности и зависти, препятствуете учению Божьему». В ярости закричали германские священники: «Будет тебе худо!» — и стали бить его кулаками. Мефодий же сказал: «Можете делать со мной, что хотите. И более достойные люди, нежели я, принимали мученический венец за правду!»

Его отправили в Швабию и заточили в темницу.

Прошло два года. Бродячий монах по имени Лазарь, странствуя по свету, узнал о печальной участи Мефодия и, оказавшись в Риме, поведал о ней римскому папе. Тот разгневался на самоуправство германских священников и приказал освободить Мефодия.

Мефодий был уже стар. Чувствуя, что жить ему осталось недолго, он призвал двух своих учеников-скорписцев и за шесть месяцев перевел на славянский язык все еще не переведенные библейские книги.

Окончив этот труд, он так ослабел, что лег и больше уже не мог подняться с постели. На исходе ночи, когда стало светать, он воскликнул: «В руки твои, Господи, душу свою влагаю!» — и скончался.

Вскоре после смерти Мефодия римская церковь изменила свою политику по отношению к просвещению славян. Богослужение на славянском языке было запрещено, дело Кирилла и Мефодия объявлено ересью, их ученики стали подвергаться жестоким гонениям. Вынужденные

бежать из Моравии многие последователи Кирилла и Мефодия нашли приют в Болгарии.

В Болгарии было написано одно из первых произведений, посвященных деятельности Кирилла и Мефодия, — «Сказание» Черноризца Храбра.

Автор «Сказания» особенно подчеркивал, что знание корней национальной культуры — предмет национальной гордости. Он пишет: «Ведь если спросишь книжников греческих, говоря: кто создал вам письма или книги перевел и в какое время, то мало кто среди них это знает. Если же спросишь славянских книжников, кто вам письма создал и книги перевел, то все знают и, отвечая, говорят: святой Константин Философ, названный Кириллом, он и письма создал, и книги перевел».

«Азбука» Ивана Федорова вышла год спустя после трактата Петра Скарги. Включение в нее «Сказания о Кирилле и Мефодии», по сути, являлось открытой полемикой с иезуитским проповедником. Все высказывания Кирилла и Мефодия о славянском языке представляют собой возражения Скарге, аргументированные ссылками на Священное Писание. Так, отвечая на утверждение своих противников, что славянская письменность, в отличие от древнееврейской, греческой и латинской, «не от Бога», просветители напоминают слова из Псалтыри: «Хвалите Господа вси языци и похваляйте его вси людие», а затем уточняют: «А не едиными тремя письмены и языки, яко ж они баснословят». Исследователи обратили внимание, что в других вариантах «Сказания» этой цитаты из Псалтыри нет. Возможно, ее (вместе с уточнением) добавил сам Иван Федоров.

Ну а кроме того, сам факт издания славянской «Азбуки» для славянских детей, включавшей в себя, как уже было сказано, и начальный курс грамматики, был весомым аргументом против утверждения ученого иезуита, что «правил и грамматик с толкованием для языка этого не имеется и быть не может».

В предисловии к «Азбуке» Иван Федоров не упоминает, что она была издана по распоряжению князя Острожского. На основе этого Я. Д. Исаевич высказал предположение, что «Азбука вышла не на средства князя, а как издание самого Ивана Федорова». Подтверждается это предположение еще и тем, что «первым овощем» типографии князя Острожского Иван Федоров называет следующую книгу — Новый Завет с Псалтырью.

Эта книга отпечатана в небольшом формате — в 1/8 листа. Такой формат говорит о том, что книга предназначалась не для использования при богослужении, а для чтения. Для ее набора потребовался соответствующей

величины шрифт. До сих пор Иван Федоров пользовался шрифтами, привезенными из Москвы, в Остроге же он отлил новый, более мелкий, рисунок которого был близок к писарскому почерку украинских деловых бумаг. Предположительно в разработке этого шрифта принимали участие ученик Ивана Федорова Гринь и Герасим Смотрицкий — оба местные уроженцы, хорошо знавшие местную культуру.

Титульный лист украшен пышной декоративной рамкой, почти полностью скопированной с одного немецкого издания полувековой давности. Подобное заимствование элементов книжного оформления в те времена не считалось предосудительным, и то, что Иван Федоров воспользовался уже существующим рисунком, говорит лишь о его обширных познаниях в области западноевропейской книги и хорошей памяти. Однако первопечатник и в этом случае подошел к делу творчески: он сделал рисунок рамки более строгим и лаконичным, убрав отдельные мелкие детали.

Известный исследователь декоративного оформления книг Ивана Федорова А. П. Запаско высказал предположение, что рисунок рамки был выполнен и выгравирован учеником первопечатника Гринем. Поскольку Гринь проявлял явные способности рисовальщика и гравера, Иван Федоров определил его в ученики к своему львовскому приятелю, художнику Лаврентию Пухале, чтобы Гринь мог совершенствоваться в живописи, резьбе по дереву и по металлу.

А вот заставки, концовки и буквицы для Нового Завета с Псалтырью, как и для всех остальных своих изданий, Иван Федоров рисовал сам. Все эти декоративные элементы выполнены с учетом небольшого формата книги и отличаются особым изяществом.

В том же 1580 году, что и Новый Завет с Псалтырью, Иван Федоров выпустил «Книжку собрание вещей нужнейших», представляющую собой алфавитно-предметный указатель к Новому Завету. Это — самый первый справочник такого рода в русской библиографии. Составителем книги был Тимофей Михайлович Аннич, тот самый «служебник» пана Гарабурды, с которым Иван Федоров подружился еще в Заблудове.

В «Книжке» в алфавитном порядке расположены словосочетания, посвященные персонажам, событиям и явлениям, упомянутым в Псалтыри и Новом Завете (например, «Агнец Христов», «Август кесарь повеле написати всю вселенную», «Блаженный муж», «Павел с звери борется в Ефесе» и т. д.), с указанием, где их можно найти в тексте. Кроме того, составитель справочника включил в него многие крылатые слова из Библии, ставшие пословицами: «Сребролюбие корень всем злым есть»,

«Человек что сеет, то и пожнет».

Печатаемая «Книжка собрание вещей нужнейших», Иван Федоров ставил перед собою цель сделать ее как можно более удобной для использования. Первая буква каждой фразы выделена крупной прописной литерой, чтобы читатель мог легко отыскать нужную ему тему.

Убранство «Книжки» простое и строгое. На обороте титульного листа — гравюра с изображением герба князя Острожского, титульный лист украшен виньеткой, на последней странице помещена концовка.

Однако главной книгой, ради которой князь Острожский и затевал типографию, должна была стать полная славянская Библия.

Подготовка к ее изданию началась еще до приезда Ивана Федорова в Острог. Из наиболее видных представителей литературно-научного кружка при Острожской академии был создан своеобразный редакционный совет. В него входили Тимофей Аннич, Герасим Смотрицкий и др. Иван Федоров, приехав в Острог, принял активное участие в работе совета. Параллельно с печатанием «Азбуки», Нового Завета с Псалтырью, «Книжки собрание вещей нужнейших» он занимался и подготовкой издания Библии.

Прежде всего нужно было найти полный и исправный оригинал, с которого можно было бы печатать. В предисловии к Библии сказано, что оригиналы для нее искали «во всех странах роду нашего, языка словенского». Согласно некоторым сведениям, Иван Федоров ездил в Болгарию и Сербию для поисков южнославянских списков Библии. В октябре 1579 года Иван из Сочавы — серб, живший во Львове и служивший у К. Корнякта, подал заявление львовским городским властям о том, что он отказывается от претензий, которые возникли у него к Ивану Федорову «в Валахии и турецких землях». (Турецкими землями тогда называли южнославянские страны, захваченные турками.) Из этого заявления следует, что Иван из Сочавы и первопечатник совершили совместное путешествие, во время которого между ними возник какой-то конфликт.

Еще одним, хотя и косвенным подтверждением того, что Иван Федоров побывал в южнославянских странах, является экземпляр Острожской Библии, доныне хранящийся в сербском монастыре Раваница на Фрушской горе. На этом экземпляре есть вкладная надпись, выполненная киноварью, в которой говорится, что 1 декабря 1583 года некий «слуга» князя Острожского «предах сию Библию... обители пречестного Вознесения Господня монастыря, прозываемого Раванице в земле сербской». Хотя даритель не называет себя по имени, Е. Л. Немировский, обнаруживший этот экземпляр, предположил, что им был

Иван Федоров. Княжескими слугами или служебниками официально назывались многие сотрудники князя Константина Острожского, в том числе и Иван Федоров. Кроме того, на Ивана Федорова указывает и то, что надпись сделана киноварью, которую любили в Москве, а в южнославянских землях использовали крайне редко. Вряд ли первопечатнику пришло бы в голову посылать книгу в далекий монастырь, если бы он сам там не побывал и не завел знакомых среди братии.

Различные списки Библии были доставлены в Острог также из Рима, из чешских земель, но наиболее полный экземпляр — Геннадиевская Библия — был привезен Михаилом Гарабурдой из Москвы.

Острожский научно-литературный кружок проделал огромную текстологическую работу по подготовке издания Библии. Тексты, переведенные с латыни, были сверены с греческими, часть их переведена заново.

Для печатания Острожской Библии первопечатник отлил новые шрифты, вырезал новые гравировальные доски.

Поначалу редакционный совет намеревался украсить Библию сюжетными гравюрами на металле. Эта сложная, трудоемкая и очень дорогая техника в те времена еще редко использовалась в Западной Европе, а в Восточной была практически неизвестна. Первопечатник начал переговоры с немецким мастером — гравером из города Вроцлава Блазиусом Эбишем. Между ними было заключено соглашение, по которому Эбиш обещал «Ивану Хведоровичу, проживающему в Остроге русскому типографу ясновельможного воеводы Киевского Константина», «вырезать на медных пластинах как можно лучше, насколько сумеет, изображения к истории святой Библии соответственно последовательности эпизодов и глав в количестве ста пятидесяти». За работу он запросил 700 золотых, а кроме того, наниматель обязывался все время, что мастер будет работать, обеспечивать его самого, его семью и подмастерьев питанием.

Предполагалось, что Эбиш приедет во Львов ко дню святой Агнешки — 21 января 1579 года, — когда в городе устраивалась традиционная ежегодная ярмарка. Однако этот приезд был отменен, и Острожская Библия вышла без гравюр немецкого мастера. Почему издатели Библии отказались от первоначального замысла — неизвестно. Высказывались предположения, что плата, запрошенная Эбишем, показалась им слишком высокой. Однако издание финансировал князь Острожский, а для него уплатить 700 золотых не представляло никаких затруднений. Более вероятно, что у издателей вызвала сомнение сама идея оформить Библию сюжетными гравюрами. Возможно, они решили, что такое нетрадиционное

для русских книг оформление, к тому же выполненное мастером-немцем, сделает Библию похожей на лютеранскую, и решили не рисковать. Острожская Библия была оформлена традиционными орнаментальными гравюрами-заставками на дереве работы самого Ивана Федорова.

В период подготовки Библии в жизни Ивана Федорова произошла непонятная и неприятная история.

14 мая 1577 года знакомый первопечатника, известный краковский врач Мартин Сенник, автор книг «Испытание лекарств», «Гербарий, или Описание здешних, иностранных и заморских трав, какую силу они имеют, и как ими пользоваться», послал во Львов ремесленнику Власу Замочнику письмо, в котором сообщал, что Иван Федоров должен был оставить Власу Замочнику и Семену Седляру 600 золотых для пересылки в Краков автору письма. «Вероятно, — писал Мартин Сенник, — он знал, что я на святого Станислава (8 мая) теперь уже прошедшего, должен был принимать гостей, которые по его надобности приехали из немцев на ту ярмарку. А так как посланная мне сумма от пана Ивана не дошла, а гости сами по моей просьбе, и полагаясь на мое слово, приехали, должен был я за собственный счет их вознаградить и в том понес немалый убыток».

Иван Федоров и Семен Седляр были вызваны в суд.

Иван Федоров «под присягой, подняв два пальца к небу, публично признал и сказал, что он дал 50 золотых Сеньке Седляру с тем, чтобы тот передал их краковскому бумагоделательному мастеру Лаврентию через доверенного Мартина Сенника, однако по причине слухов о татарском набеге доселе не выслал их и сберегает у себя». О 600 золотых «он с удивлением узнал из прочитанного письма». Первопечатник показал также, что «ничего не знает про каких-то людей из Германии, которые должны были прибыть в Краков по его делу». Никаких купцов из Германии он не приглашал и денег Сеннику не обещал. То же показал Семен Седляр, сказав, что сам он Мартина Сенника никогда не встречал.

На этом дело и закончилось. Я. Д. Исаевич высказал предположение, что эта история как-то связана с переговорами Ивана Федорова с Эбишем. Однако кто был виноват в недоразумении, из-за которого почтенный краковский врач «понес немалый убыток» и, вероятно, навсегда рассорился с первопечатником — неизвестно.

В работе над Библией принимал участие и сын Ивана Федорова — Иван Друкаревич, как называли его по отцу, или Иван Переплетчик — по ремеслу, которое он к тому времени освоил. Иван Друкаревич женился на дочери львовского горожанина Татьяне Анципорковне и в 1580 году с молодой женой переехал к отцу в Острог. Вероятно, Иван Друкаревич,

несмотря на молодость, был искусным мастером, поскольку ему первопечатник поручил переплестать Острожскую Библию.

Острожская Библия вышла в свет в августе 1581 года. Ее издание часто называют издательским подвигом Ивана Федорова.

Выход в свет первой полной славянской Библии был делом огромного общественного значения. Е. Л. Немировский пишет: «Острожская Библия сыграла исключительно большую роль в истории культуры восточнославянских народов. В свое время она явилась для Запада своеобразным свидетельством идеологической и нравственной зрелости русских, украинцев и белорусов. Перевод Библии на национальный язык и издание ее на этом языке говорили о росте национального самосознания, укрепления позиций родного языка».

Острожская Библия представляет собой книгу большого формата, состоящую из 628 листов с текстом, размещенным в два столбца. На обороте титульного листа помещены герб князя Острожского и торжественные, по-старинному тяжеловесные вирши, сочиненные Герасимом Смотрицким. Восхваляя князя Острожского как инициатора издания Библии, Смотрицкий подчеркивает значение этого издания в деле сохранения национальной самобытности и борьбы против католической экспансии:

Всякого чина православному читателю,
Господу Богу благодарение воздаимо яко благодателю.
Сподобил убо нас, аще и напоследок летом,
Познати волю Свою со благим ответом
Все время люто и плача достойно,
Ужаснется, сие зря, сердце богобойно:
Яких много супостат, яких хищных волков,
Бесовских наваждений еретических полков,
Бог же положи в сердце благоверного князя,
Да им явит нам душе спасения стезя,
Восточной церкви в русском народе,
Ее же светлость сияет в поганской невзгоде...

Затем следуют два предисловия: одно на двух языках — церковнославянском и греческом, написанное князем Острожским (или, по мнению некоторых исследователей, членами литературно-научного кружка от его имени), второе — Г. Смотрицким. Авторы предисловий благодарят

Бога за благополучное завершение работы, рассказывают историю издания, еще раз подчеркивая общественно-политическое значение первой полной славянской Библии.

Завершается книга кратким послесловием Ивана Федорова с традиционной благодарностью Богу и указанием: «Сия богоприятная и богополезная книга Ветхого и Нового Завета напечатана мною многогрешным Иоанном Федоровым сыном из Москвы в богохранимом граде Остроге».

Судя по тому, что до нашего времени сохранилось около 350 экземпляров Острожской Библии, тираж ее был достаточно велик. Часть тиража князь Острожский отправил в Москву. Библия быстро распространилась по всей России. Владелец одного из экземпляров, живший, по его словам, «на севере, близ студеного моря-акиана, в земле Двинской», сделал на книге такую надпись: «Напечатано быша множество сих книг и привезены быша в Великия Россию, в царствующий град Москву и рассеяша во все грады».

Отпечатанная с присущим Ивану Федорову мастерством, Острожская Библия почиталась образцом типографского искусства не только современниками, но и знатоками книжного дела, жившими в более поздние времена. Так, известный украинский проповедник и полемист XVII века Михаил Андрелла-Оросвиговский писал, что «един листок» Острожской Библии он не отдал бы за всю Англию, Литву, Прагу и еще десяток различных стран и городов.

Острожская Библия получила широчайшее распространение по всему миру. Ее экземпляры разошлись по славянским странам: Болгарии, Сербии, Черногории, Польше. Острожская Библия привела в восхищение и Ивана Грозного, и он подарил ее экземпляр английскому послу Джону Горсею. Другой ее экземпляр оказался в библиотеке шведского короля Густава II Адольфа.

В настоящее время Острожская Библия является гордостью крупнейших книгохранилищ России, Украины, Польши, Германии, Англии, США...

Почти сто лет издание Ивана Федорова оставалось единственной Библией, напечатанной кириллицей. Следующая была выпущена по ее образцу в Москве в 1663 году.

Наряду с книгами Иван Федоров печатал и мелкую продукцию — различные брошюры и листовки. Сохранилась лишь одна такая листовка, отпечатанная в 1581 году, озаглавленная «Которого месяца што за старых веков дело короткое описание», или, как называют ее исследователи,

«Хронология» — перечень названий двенадцати месяцев по-латыни, по-древнееврейски и «просто», то есть по-славянски, в сопровождении двестишестидесяти белорусского поэта Андрея Рымши, посвященных библейским событиям, происходившим в тот или иной месяц. Так, июнь («по геврейску сыбан, просто чырвец») — месяц, в который, согласно Библии, начался Великий потоп — представлен такими стихами:

Ужо воды всих топят. Ной же в корабль вошел
Знать иж Богу кланялся, про то ласку знашел.

Эта листовка, напечатанная на разговорном русско-украинско-белорусском языке, стала первым русским печатным календарем и послужила прообразом многочисленных тематических календарей, любимых всеми и поныне.

Для оформления острожских изданий Иван Федоров впервые стал использовать готовые наборные элементы — отдельные декоративные мотивы простой формы, комбинируя которые, можно составлять разнообразные орнаменты. В отличие от гравюры, вырезаемой на деревянных досках, такие элементы отливались из металла, так же как и литеры.

Обычно Иван Федоров приобретал наборные элементы в одной из польских типографий. Большинство их были стандартными, представляли собой несложные растительные или геометрические мотивы — лист, розетка, ромб и так далее, и использовались многими типографами на территории Речи Посполитой. Но в изданиях Ивана Федорова встречаются и совершенно уникальные декоративные элементы: головки херувимов. Образ их довольно неожиданный: херувимы похожи на украинских крестьян — круглолицые, с насупленными бровями, длинными, висячими усами и чубами, спускающимися на лоб. А о том, что это всё же «силы небесные», свидетельствуют аккуратные крылышки, торчащие из-за ушей.

К сожалению, никто не исследовал происхождение этих херувимов-украинцев, но то, что они привлекли внимание Ивана Федорова, говорит еще об одной черте характера первопечатника — он явно обладал чувством юмора.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

*Когда человек да на земле живет,
Он яко трава в поле растет,
А ум в человеке, яко цвет цветет.*

Духовный стих о смерти

В Остроге у Ивана Федорова были хорошо налаженная типография, круг друзей и единомышленников, но тем не менее в начале 1583 года он покидает Острог.

Причиной этого, вероятно, стал конфликт с самим князем Острожским.

Князь был человеком увлекающимся, поддающимся различным влияниям. Будучи православным, он искренне декларировал свою приверженность православной вере, ратовал за сохранение русского языка и развитие национальной культуры, выступал против окатоличивания и ополячивания русских, украинцев и белорусов на территории Речи Посполитой. Но в то же время его привлекал блеск польской шляхты, восхищало красноречие католических проповедников.

Как уже было сказано, при дворе князя Острожского бывали иезуит Петр Скарга и другие представители воинствующего католицизма, открыто оскорбляющие религиозные и национальные чувства православных и пытающиеся посеять рознь между православным населением Речи Посполитой, «западнорусским народом» — украинцами и белорусами — и русскими («москалями»). «Итак, чего ждать тебе, западнорусский народ! Брось греков и москалей, от них не будет добра, и обратись к Риму... Что же мешает соединению с нами? Полуязыческая и варварская Москва, которая держит тебя в схизме?

Но неужели не отвернешься от этой погибшей своей сестры?» — призывал Петр Скарга.

Несмотря на то что подобные призывы противоречили убеждениям князя, он много и охотно общался с католиками, подчас способствуя их разрушительной деятельности, что в конце концов коснулось непосредственно Ивана Федорова.

Князь Острожский был знаком с папским нунцием в Польше Антонио

Поссевино. В феврале-марте 1582 года Поссевино побывал в Москве, встречался с Иваном Грозным, тщетно пытаясь уговорить его разрешить католическую проповедь в Московском государстве. Неудача не остановила папского нунция. Понимая, каким мощным орудием пропаганды является печатное слово, он задумал создать в Кракове типографию, где бы печатались католические книги для распространения в не католических государствах, на разных языках, в том числе и на русском. 13 января 1583 года Поссевино отправил в Рим кардиналу Птолемею Галли письмо, в котором просил прислать ему в Краков кирилловский шрифт. Такой шрифт был отлит в конце 1581-го — начале 1582 года в Риме по заказу Ватикана известным словолитчиком-французом Робером Грансоном и отправлен Поссевино. Однако когда Поссевино сравнил его с изданиями Ивана Федорова, в частности, с Острожской Библией, то увидел, что присланный шрифт можно назвать кирилловским лишь с большой натяжкой.

Тогда папский нунций обратился за советом к князю Острожскому. Тот предложил отправить в Рим в помощь ватиканским мастерам русского типографа и, вероятно, сам взялся поспособствовать этому. Некоторое время спустя другой папский нунций, Альберто Болоньетти, сообщал в письме кардиналу Птолемею Галли, что князь Острожский передал ему для отправки в Рим в качестве образца Острожскую Библию, а кроме того, «предоставил в распоряжение Его Святейшества своего очень знающего типографа, чтобы оказать ему в этом деле посильную помощь».

Имя типографа не названо, но конечно же речь шла об Иване Федорове.

Первопечатник был удивлен предложением князя и с негодованием его отверг, вероятно, высказав свое мнение по поводу готовности князя способствовать противникам той идеи, которой, казалось бы, служили они оба.

После этого разрыв стал неизбежным.

В начале 1583 года Иван Федоров покинул Острог и вернулся во Львов. Первопечатник намеревался возобновить работу в своей Львовской типографии. Однако это было непростым делом, поскольку разгневанный князь проявил мелочность, запретив Ивану Федорову взять что-либо из типографского оборудования.

Кроме того, Иван Федоров лишился своего ученика и помощника Гриня. Как мы помним, первопечатник, еще находясь в Остроге, определил Гриня в учение к Лаврентию Пилипповичу Пухало. Пухало, по его собственным словам, «на протяжении двух лет подготавливал и учил живописному мастерству юношу Гринька Ивановича с подляского города

Заблудова, отданного ему в науку типографом Иваном за назначенную соглашением награду». Но 19 марта 1582 года Лаврентий Пухало заявил в Совет города Львова, что Гринь «без какой-либо видимой причины тайно убежал и покинул его».

Позже выяснилось, что парня сманили виленские купцы Мамоничи (те самые, на службу к которым когда-то перешел Петр Мстиславец). Гринь «уехал до Вильны и у пана Кузьмы Мамонича, бурмистра виленского, изготовил два русских шрифта». Это было серьезным правонарушением, поскольку между Гринем и Иваном Федоровым было заключено официальное соглашение, по которому первопечатник оплачивал обучение Гриня у Лаврентия Пухало, а Гринь обещал без разрешения Ивана Федорова «нигде и никому не изготавливать литер для печатания и не устраивать типографий». Ему позволялось исполнять на стороне работы по столярному делу, живописи, резьбе по стали, то есть всё, кроме резьбы литер. Договор был подписан в присутствии свидетелей.

Иван Федоров был уверен, что никогда больше не увидит своего непутевого ученика. В Остроге у него было много помощников, и он смирился с отсутствием Гриня, хотя, конечно, был огорчен его бегством. Теперь же во Львове лишние руки были очень нужны. И вдруг 26 февраля 1583 года Гринь вернулся. В Львовском суде был составлен протокол, что беглый ученик «просил пана Ивана при добрых людях, чтобы он простил ему его провинности». Иван Федоров простил Гриня, «как молодого человека и порвал перед ним жалобы, составленные на него».

Можно было приступать к работе.

Но для восстановления типографии снова требовались деньги. Финансовое положение Ивана Федорова было достаточно запутанным. Он занимал деньги и сам давал в долг, закладывал и выкупал свое имущество, брал деньги под будущие издания и расплачивался книгами. Во львовском магистрате то и дело рассматривались жалобы на задержку выплат то самим Иваном Федоровым, то его должниками. Но, несмотря на разнообразие финансовых операций, их итог был одинаков — денег не хватало.

Неожиданно приятель Ивана Федорова, львовский пушкарь Данило Король, предложил ему взять заказ — отлить для города Львова малую войсковую пушку. Иван Федоров, несомненно, был знаком с литейным делом, поскольку сам отливал литеры. Выучиться этому ремеслу он мог в Москве, на Пушечном дворе.

Данило Король (или, по-польски, Круль) был известным и уважаемым мастером. Он отливал для города пушки, колокола, изготавливал порох и

снаряды для фейерверков. Иван Федоров мог подружиться с Данилой Крулем в 1580 году, когда тот выполнял заказ князя Острожского на изготовление шестидесяти трех пищалей. Из разговоров с Иваном Федоровым Данило Круль вынес самое высокое мнение о познаниях печатника в литейном деле и о его профессиональном уровне и предложил ему столь ответственный заказ.

Заказчиком выступал польский король Стефан Баторий. Поначалу Ивана Федорова смутило предложение Данилы. Ведь Речь Посполитая принимала участие в Ливонской войне, Стефан Баторий — талантливый полководец, успешно вел военные действия против Московского царства, занял Полоцк и Великие Луки, а в 1581 году осадил Псков, намереваясь в случае успеха идти на Новгород и Москву. И лишь героическая оборона Пскова, в которой приняли участие не только войска, но и всё население города, остановила захватчиков. В 1582 году в Запольском Яме было заключено перемирие на десять лет. Тем не менее Иван Федоров опасался, что с возобновлением военных действий изготовленная им пушка будет использована против его родины.

Однако Данило Круль поклялся, что пушка будет оборонной, предназначенной лишь для защиты Львова, и Иван Федоров, в конце концов, согласился.

Вместе с Данилой Королем они отправились в Краков. Из королевской казны ему были выделены средства на приобретение меди и других необходимых материалов, Иван Федоров вернулся во Львов и принялся за работу.

Во время работы над пушкой он открыл в себе еще один талант — военного изобретателя и изобрел принципиально новое артиллерийское орудие: многоствольную «складную пушку», которая «позволяет из отдельных частей составить пушки, кои разрушают и уничтожают самые большие крепости».

Изобретение орудия массового поражения плохо сочетается с образом гуманиста-просветителя. Но Иван Федоров был человеком своего времени, когда войны велись непрерывно и были само собой разумеющейся частью жизни.

Изобретение сулило хорошие доходы, которые могли бы обеспечить типографию. Но, конечно, и речи не могло быть о том, чтобы вложить новое мощное оружие в руки Стефана Батория — врага России. Иван Федоров призадумался, куда можно пристроить своё изобретение, чтобы оно не нанесло вреда его родине. В конце концов он решил предложить проект новой пушки императору Рудольфу II — главе Священной Римской

империи германской нации, включавшей в себя Германию, Австрию, Чехию, Венгрию и некоторые другие земли. В 1580-х годах между Москвой и императором Рудольфом намечалась военная коалиция.

Иван Федоров отправился через Краков в Вену, где находился императорский двор. Рудольф заинтересовался изобретением, но согласился заключить договор лишь после того, как пушка будет изготовлена. Поразмыслив, Иван Федоров рассудил, что венценосный заказчик скорее всего хочет воспользоваться его работой и уклониться от оплаты. Как и всякому живущему собственным трудом человеку, Ивану Федорову не раз приходилось сталкиваться с такой ситуацией, но возвращаться ни с чем ему не хотелось и он написал письмо другому европейскому венценосцу — курфюрсту саксонскому Августу.

Это письмо стало достоянием исследователей относительно недавно — в 1964 году его нашел в фондах Тайного архива земли Саксонии польский историк техники В. Губицкий.

Письмо это представляет огромный интерес в нескольких отношениях. Во-первых, это единственный известный на сегодняшний день документ, написанный рукой самого Ивана Федорова. Впрочем, Е. Л. Немировский выражает сомнение, что письмо — автограф первопечатника: «Почерк письма тверд и хорошо отработан... Видно, что писал каллиграф-профессионал. Не писарская ли это копия?» Конечно, Иван Федоров мог заказать копию письма столь важному лицу профессиональному писарю. Но ведь и сам он наверняка владел ремеслом переписчика профессионально. Так что все-таки хочется думать, что мы можем видеть руку самого Ивана Федорова.

Во-вторых, письмо написано по-латыни. Это подтверждает то, что Иван Федоров был европейски образованным человеком.

И наконец, в письме Иван Федоров излагает сущность своего изобретения, которое, по мнению специалистов, будь оно осуществлено, произвело бы революцию не только в военной технике, но и в технике вообще. Таким образом, мы снова убеждаемся в многогранности и разнообразии талантов Ивана Федорова, характерном для людей эпохи Возрождения.

Иван Федоров с присущей ему обстоятельностью описывает свою неудачу при дворе Рудольфа. Не называя императора по имени, он пишет: «...некоторые вводили меня в заблуждение одними только посулами и одной только надеждой на выгоду, никакой платы не обещая, хотя и старались подсмотреть и раскрыть мое изобретение». Далее Иван Федоров описывает конструкцию своей пушки: «Такого рода пушку <...> можно

разбирать на отдельные, строго определенные составные части, а именно, на пятьдесят, сто и даже, если потребуется, двести частей <...> Если бы такого рода орудие собирать и монтировать в безопасном и удобном месте, и ежели войско будет иметь его с собой в походе <...> то части или частицы такой пушки, пригодной для стрельбы, можно доделать и восполнить до числа пятидесяти за три дня и три ночи. Ежели бы, однако, такая пушка по какой-либо внезапной причине разорвалась, то только одна ее часть может быть повреждена, а не все орудие. Но такую малую составную часть можно доделать и присоединить за один день, конечно, если есть для этого необходимый опыт и знание. На обратном пути после победы над врагом можно такие пушки опять разобрать на части. Но если бы нужда была большая и неприятель очень теснил, то такого рода пушки за один день можно разобрать на части и разместить их отдельно. Кроме того, для подвоза и проверки такого орудия не требуются ни ящики, ни повозки на колесах, укрепленных железом. <...> Сто моих бомбард могут причинить неприятелю столько же вреда, сколько четыреста используемых до сих пор».

Иван Федоров запечатал письмо личной печаткой с изображением своего типографского знака и подписал: «Иван Федорович Москвитин. Типограф греческий и славянский».

«В исторической перспективе изобретение Ивана Федорова имело значение далеко выходящее за пределы военной техники. Уяснение смысла взаимозаменяемости способствовало созданию машиностроения, переходу от ручной техники изготовления машин к машинной», — пишет Е. Л. Немировский.

Судя по всему, Ивану Федорову не удалось пристроить свое изобретение и Августу, вероятно, по той же причине, что и Рудольфу. Никаких сведений об изготовлении пушки нет.

Неизвестно даже, доехал ли Иван Федоров до Дрездена. Хотя косвенное подтверждение, что он там все-таки побывал, существует. Современник Ивана Федорова, известный немецкий востоковед Элиас Хуттер, живший при дворе Августа, в 1883 году пополнил свою библиотеку «Азбукой» Ивана Федорова и Острожской Библией, чему есть документальные свидетельства. Не исключено, что он получил их от самого Ивана Федорова, но, поскольку Хуттер поддерживал связь с волынским культурно-просветительным кружком, книги Ивана Федорова могли попасть к нему и другими путями.

Так или иначе, Иван Федоров вернулся во Львов.

Был конец месяца грудня, или, как называют его ученые люди, новембрия.

Иван Федоров побывал в магистрате, навестил Лаврентия Пухалу, обсудив с ним новые рисунки, договорился с торговцем бумагой и теперь возвращался домой.

Быстро темнело, в окнах загорались огни, отражаясь в мокрой булыжной мостовой. Иван Федоров подумал, что в Москве в это время улицы уже присыпаны первым снежком.

Дома Ивана Федорова ждали гости — Герасим Смотрицкий, пришедший со своим маленьким сыном Максимом^[9].

Иван Федоров обрадовался приятелю. После приветствий и расспросов о здоровье и последних новостях Смотрицкий сказал:

— А ведь мы к тебе, Иван Федорович, по делу. Максиму моему минуло семь лет, в нынешний год пойдет он учиться в школу. И вот, пришли мы к тебе за Азбукой.

Иван Федоров удивился:

— Так в Остроге же Азбуки осталась не одна сотня экземпляров!

— Это верно, но я хочу, чтобы получил он ее из твоих рук и с твоим добрым напутствием.

— Что ж, будь по-твоему.

Иван Федоров достал из сундука Азбуку и протянул мальчику, думая, что бы такое сказать, торжественное и в то же время понятное малому ребенку. Но ничего не придумал и сказал просто:

— Учись хорошо.

Максим бережно взял книгу, поблагодарил и спрятал ее за пазуху.

Провожая гостей, Иван Федоров вышел на крыльцо и увидел, что выпал снег. Кругом было белым-бело, над заснеженными крышами к небу поднимались тонкие струйки дыма.

Совсем как в Москве...

Той же зимой Иван Федоров вдруг разболелся — и умер.

НАДГРОБНАЯ ПЛИТА ИВАНА ФЕДОРОВА

*Сколь я в мире не ликую,
Я гроба не миную.
Камени — суседи мои,
Песок — постеля моя.*

Духовный стих

Первопечатник был погребен в Онуфриевском монастыре.

На его могиле была установлена резная белокаменная плита. Во многих популярных книгах, посвященных первопечатнику, говорится, что плиту изготовили сын Ивана Федорова — Иван Друкаревич и Гринь. Хотя источник этого утверждения неизвестен, оно кажется вполне правдоподобным.

Однако сейчас говорить о надгробной плите Ивана Федорова приходится в прошедшем времени — она исчезла более ста лет назад, и история ее исчезновения полна загадок.

Согласно описаниям и зарисовкам людей, видевших плиту, на ней был изображен типографский знак Ивана Федорова, названо его имя и прозвание — «Иван Федорович друкарь Москвитин», указано время и место смерти — «преставился во Львове 1583 року, декабря 5», и должным образом оценены заслуги первопечатника — «Друкарь книг пред тым невиданных».

В 1596 году, то есть через тринадцать лет после смерти Ивана Федорова, на церковном Соборе в Бресте была принята уния — соглашение между католическим и православным духовенством, в результате которого на территории Речи Посполитой возникало смешанное греко-католическое, или, как его стали называть, униатское вероисповедание. Сторонники унии — униаты признавали своим главой римского папу и в большей степени тяготели к католицизму, чем к православию.

Монастырь Святого Онуфрия стал униатским. Новые хозяева без особого почтения отнеслись к православным захоронениям на монастырском кладбище. Плиту с могилы Ивана Федорова сняли и

использовали для замощения пола в церкви. Когда именно это произошло — неизвестно.

В 1771 году игумен Бонифатий Кровницкий в написанной им истории Онуфриевского монастыря упоминает, что при церкви был погребен «какой-то друкарь, называемый Московитским, о чем свидетельствует его каменное надгробие, использованное затем для настилки пола под алтарем Матери Божией». Игумен отмечает, что необходимо сохранить это надгробие «для доказательства существования основанной здесь друкарни». Однако никаких мер по сохранению плиты предпринято не было.

Интерес к надгробной плите Ивана Федорова культурная общественность начала проявлять лишь в XIX веке.

В 1813 году историк Константин Федорович Калайдович опубликовал первое специальное исследование об Иване Федорове — «Иоанн Федоров — первый московский типографщик». Калайдович еще не располагал большинством из тех сведений, которые стали известными сейчас, не знал ни точной даты, ни места кончины первопечатника. В 1819 году историк и археолог З. Я. Доленга-Ходаковский в разговоре с Калайдовичем обмолвился, что слышал о существовании надгробной плиты Ивана Федорова в Онуфриевском монастыре во Львове. Калайдович заинтересовался и когда, два года спустя, его знакомый историк, этнограф и библиограф Петр Иванович Кеппен собирался во Львов, попросил его по возможности разузнать о плите. Кеппен отправился в Онуфриевский монастырь. Прокуратор монастыря, бывший в то же время ректором Львовского университета, Модест Гриневецкий показал ему вмонтированную в пол плиту, сказав: «Вот надгробок Друкаря московитского!» Кеппен сделал с нее зарисовку и по почте отправил Калайдовичу в Москву. Рисунок был опубликован в «Вестнике Европы» и стал сенсацией — одна из загадок биографии первопечатника была решена, стало известно время и место его кончины.

В 1835 году Онуфриевский монастырь посетили несколько московских ученых, среди которых был известный историк Михаил Петрович Погодин. Надгробная плита Ивана Федорова по-прежнему составляла часть пола. Погодин попросил нового прокуратора монастыря Варлаама Компаневича поднять плиту и вмуровать в стену. В подкрепление просьбы Погодин прислал из Москвы в монастырь подарок, сопроводив его письмом: «Чсть имею представить в библиотеку Вашего монастыря, где покоится прах первого русского типографа, небольшое собрание исторических и педагогических книг... Прошу Вас покорнейше уведомить меня, исполнена

ли моя просьба о переставлении камня над могилою типографщика Федорова из пола в стену!»

Но просьба выполнена не была, плита по-прежнему оставалась на полу.

В 1860 году ее видел профессор Львовского университета Яков Федорович Головацкий. В Львовском альманахе «Зоря Галицкая» он писал: «Я осматривал уже забытый тот памятник. Он лежит по правой стороне от входа в церковь Святого Онуфрия под лавками, на нем стоящими, вставленный в каменный пол». Значительная часть надписи «совсем истерта, что невозможно прочесть ничего». Головацкий привел обрывки слов, которые еще были видны, «... прочее вытерто или вытоптано ногами... Понеже камень разломанный на середине, то некоторые буквы надписи выкрошились».

В 1873 году во Львове побывал председатель Московского археологического общества граф Алексей Сергеевич Уваров. Сопровождавший его монах М. Мациевский рассказывал, что тот «вельми урадовался, что еще подпись на камне не была совершенно стерта». Уваров заказал гипсовый слепок с плиты. Этот слепок был передан в библиотеку Синодальной типографии в Москве, помещавшуюся в здании Московского печатного двора на Никольской улице. Слепок был прикреплен к торцу одного из книжных шкафов.

В августе 1883 года плиту видел западноукраинский историк Антоний Стефанович Петрушевич. «Надгробный камень почти один сажень долгою находится ныне в церкви Святого Онуфрия в притворе близ главных дверей, с правой стороны под стеною, закрыт теперь скамейками». В тот год отмечалось трехсотлетие со дня смерти первопечатника. Украинские литераторы в преддверии юбилея отправились в монастырь почтить память Ивана Федорова. Но плиты на месте не оказалось — она бесследно исчезла.

Исчезновение надгробия московского первопечатника было воспринято культурной общественностью как политическая акция. Дело в том, что в то время территория Западной Украины вместе со Львовом входила в состав Австро-Венгрии и официальная власть отрицательно относилась к русско-украинским связям.

Протоигумена монастыря Климента Сарницкого заподозрили в злонамеренном уничтожении плиты. Однако протоигумен отверг обвинения, собрал очевидцев и в их присутствии составил протокол о том, что плита рассыпалась сама собой.

Польский историк Станислав Пташицкий со слов Климента

Сарницкого рассказывал: «Осенью производился ремонт всей церкви, сделана перестилка пола... Старые камни убирались, но не археологами, а простыми рабочими, под присмотром монастырской братии. Лом каменщика коснулся камня Федорова. Отец игумен свидетельствует, что песчаник, выветрившийся через 300 лет, не выдержал напора лома и рассыпался в кусочки. Не удалось их собрать в единое целое и, таким образом, единственный наглядный памятник волею непостижимой судьбы исчез с лица земли».

Однако и после этого встречались люди, утверждавшие, что видели плиту.

В 1901 году археолог Григорий Александрович Воробьев сообщил, что видел плиту по-прежнему в церкви Святого Онуфрия «недалеко от главного входа... под лавками», но не справа, как утверждали очевидцы до этого, а слева.

Во время Первой мировой войны в 1914 году после вступления во Львов русских войск журналист Арнольд Семенович Ходоровский (А. Ардов) опубликовал в журнале «Нива» рассказ о том, как преемник Климента Сарницкого игумен монастыря Мелетий Лончила, «не очень старый иеромонах», показал ему плиту в церковном дворе. «С левой стороны у старинной тяжелой двери монастырской часовни я действительно замечаю грязную, порядочно стертую плиту. Она вделана в стену. Вделана примитивно, без защиты или прикрытия. От этого плита все время подвергается действию влаги, размывающей вырубленную надпись. Прочесть надпись на плите сейчас уже невозможно. Если встать подальше, можно еще разобрать два-три слова».

Известие об этом всколыхнуло русскую культурную общественность, начался сбор средств для переноса плиты в Москву, но побывавший вскоре во Львове искусствовед и библиофил Василий Андреевич Верещагин сообщил, что «время этой плиты не пощадило».

Но в 1923 году на основе свидетельства Мелетия Лончилы луцкий епископ Иосиф составил акт, согласно которому надгробная плита действительно сохранилась и замурована около алтаря правой боковой часовни Онуфриевской церкви.

В 1924 году отмечали 350-летие начала книгопечатания на Украине. Научное товарищество имени Т. Г. Шевченко решило наконец выяснить обстоятельства, касающиеся плиты. Историк Иван Кревецкий встретился с Мелетием Лончилой. Тот подтвердил, что в 1887 году Климент Сарницкий показывал ему плиту длиной около метра, вделанную в пол церковного придела, и определенно заявил: «Вот плита первого русского Друкаря

Ивана Федорова». Но затем в 1903 году архитектор Иван Левинский перестраивал церковь, при перестройке была поставлена новая стена, которая закрыла надгробие.

Кревецкий опубликовал в журнале «Старая Украина» чертеж с указанием местоположения плиты. Он утверждал, что в 1883 году была уничтожена лишь часть плиты, оставшаяся часть была вмурована в пол, а затем закрыта стеной.

В 1924 году во Львове была создана комиссия по розыску плиты, но розыски оказались неудачными.

Пропал и слепок, сделанный Уваровым. В послереволюционные годы архив Синодальной типографии и хранившиеся там раритеты были переданы в различные музеи, но слепка среди них не оказалось.

В 1970-х годах во Львове был изготовлен муляж плиты и установлен на территории монастыря.

В 1977 году в Онуфриевском монастыре был создан Музей Ивана Федорова. На здании надвратной церкви установили мемориальную доску работы скульптора Анатолия Галяна, во дворе — его же трехфигурную скульптурную композицию «Иван Федоров со своими помощниками».

В начале 1990-х годов здание монастыря было возвращено греко-католической церкви, музей выселен, мемориальная доска и скульптурная композиция демонтированы. Несколько лет экспонаты музея хранились в подвалах Львовской картинной галереи, а в 1997 году были перенесены в новое помещение (дворец Потоцких), где был открыт «Музей искусства старинной украинской книги».

Но в 1971 году, когда музей еще располагался в Онуфриевском монастыре, во время реставрационных работ под полом Онуфриевской церкви были обнаружены кости двух человек, одного — в возрасте 60–70 лет, другого — значительно моложе. Предположительно кости старика являются останками первопечатника. Судя по всему, первоначально эти кости были захоронены в гробу в земле, а в церковь перенесены значительно позже.

Львовский историк Игорь Зиновьевич Мыцко, работавший тогда в Музее Ивана Федорова и присутствовавший при обнаружении костей, пишет: «Все наблюдения дают возможность сделать следующие выводы: во время перестройки церкви Онуфрия, возможно в 1902–1903 гг. было выявлено захоронение. <...> Кости обоих покойников выбрали из захоронений, но часть из них осталась на месте или была выкинута вместе с землей. По каким-то соображениям монахи-василиане считали, что человек, костяк которого выявлен, имел право быть похороненным в

помещении церкви. Найденные кости перенесли на новое место — между двумя кирпичными стенками, где ранее были двери в ризницу, и там сложили в определенном порядке, возможно, повторив положение костяка в захоронении. Вместе с костями старшего мужчины на новое место попало и некоторое количество костей из одновременно нарушенного захоронения молодого человека <...>. Вопрос о принадлежности найденного <...> костяка какому-то конкретному лицу остается открытым».

Тогда же было принято решение о проведении генетической экспертизы, неосуществленное до сих пор из-за нехватки средств. Сейчас предполагаемые останки Ивана Федорова хранятся в фондах Музея искусства древней украинской книги, и музейные сотрудники рассказывают, что каждый год накануне дня кончины первопечатника они слышат шаги и тяжкие вздохи, а на пол сам собой падает с полки Требник, раскрываясь на разделе «Чин погребения»...

УЧЕНИКИ, ПРЕЕМНИКИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ИВАНА ФЕДОРОВА

За свою жизнь Иван Федоров основал четыре типографии: в Москве, в Заблудове, во Львове и в Остроге. История трех из них (кроме Заблудовской) имела продолжение: в них работали ученики и преемники первопечатника, продолжавшие и расширявшие его дело.

После отъезда Ивана Федорова и Петра Мстиславца из Москвы двое учеников первопечатника — Никифор Тарасиев и Андроник Тимофеев Невежа в 1568 году отпечатали на Московском печатном дворе Псалтырь. Следуя традиции Ивана Федорова, они сопроводили издание послесловием, в котором снова рассказали о начале печатного дела на Руси, о том, что Иван Грозный «повеле составить в пресловушем своем граде Москве штанбу, сиречь дело печатных книг», но не осмелились упомянуть имя своего учителя.

После выхода Псалтыри работа типографии замирает на несколько лет.

Около 1577 года Иван Грозный переводит московскую типографию в Александрову слободу. Там на протяжении 1577–1580 годов были выпущены три книги: Псалтырь, Часовник и Евангелие. Известно, что в Александровской слободе работал Андроник Тимофеев Невежа.

В середине 1580-х годов, то есть после смерти Ивана Грозного, типография вернулась в Москву.

Андроник Тимофеев Невежа трудился на Печатном дворе до 1602 года — до самой своей смерти, напечатав не менее шести книг. Затем дело продолжил его сын Иван Андроников Невежин, работавший вместе с другим учеником Ивана Федорова — Анисимом Михайловым Радишевским.

Анисим Радишевский был уроженцем Великого княжества Литовского, образование получил в Острожской академии и выучился печатному делу в Острожской типографии у Ивана Федорова. В 1585–1586 годах он переехал в Москву и поступил работать на Московский печатный двор. Кстати, именно он впервые употребил в применении к московской типографии термин «Печатный двор». В челобитной, поданной царю Федору Иоанновичу, Радишевский жалуется на отсутствие собственного жилья и пишет: «дворишка, государь, у меня нет, маюся на Печатном дворе».

Радишевский прожил долгую жизнь, пережил правление Бориса Годунова, Смутное время, воцарение династии Романовых и скончался в 1631 году. Как и Иван Федоров, он был человеком разнообразных дарований. Кроме печатного дела Радишевский отливал пушки и колокола, был известен как строитель крепостей и гидротехнических сооружений в разных городах Московского царства (в частности, в Калуге он соорудил колодец глубиной в 75 метров), написал «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» — первую русскую научно-техническую книгу, охватывающую вопросы не только военного дела, но и математики, физики, химии, металлургии. Ему приписывается также «Подлинник о книжном переплете» — руководство по переплетному делу.

Во время Смуты Печатный двор сгорел. «Печатный дом и вся штанба того печатного дела от тех врагов и супостат разорися и огнем пожжена бысть и погиге до конца и не остана ничего же такового орудия», — говорится в «Сказании о изобретении книг печатного дела», написанном в XVII веке. Это сказание — свидетельство того, что Ивана Федорова в Москве не забыли, что, несмотря на долгое замалчивание его имени, всем было известно, что именно он был основоположником печатного дела на Руси. Рассказывая о создании Печатного двора, неизвестный автор «Сказания» пишет, что по повелению царя и митрополита «начаху изыскивати мастеров к тому печатному делу, кто бы смыслен и разумен обрелся к таковому деянию; и обретесе некто хитр, разумен и смышлен к таковому орудю, у Николы Чудотворца Гостунского (иже и ныне зрится тот храм близ двора царева внутри самого града Кремля) диакон званием, Иван Федоров сын, да клевет его Петр Тимофеев сын Мстиславец, оба искусны таковому хитрому делу».

Восстановленный Печатный двор вновь заработал при Михаиле Романове. В это время издательская и типографская деятельность приобретает широкий размах, Печатный двор превращается в предприятие мануфактурного типа, на котором работает большое количество разнообразных специалистов печатного дела.

По повелению царя Михаила Федоровича на территории Печатного двора начали строить большие и великолепные каменные палаты. На гравюре того времени Печатный двор высок и наряден, украшен островерхими башенками, солнечными часами, а над полукруглой аркой ворот установлены барельефы с изображениями льва и единорога. Впоследствии появление этих животных, часто встречающихся в английской геральдике, связывали с тем, что на Никольской улице жили иностранные послы, в том числе и английские. В действительности же их

символика была хорошо известна и на Руси. По средневековым представлениям лев издавна был олицетворением силы, единорог — чести. Кроме того, лев мог означать государственное могущество, единорог — единодержавную власть. Изображение единорога встречается на печати Ивана Грозного.

При Петре I на Московском печатном дворе были напечатаны первая русская газета — «Ведомости», положившая начало нашей периодической печати, и первая книга, набранная гражданским шрифтом — «Геометрия славенски землемерие».

В конце царствования Петра Московский печатный двор был передан Святейшему синоду — организации, управляющей церковными делами — и стал называться Московской синодальной типографией. До 1917 года здесь издавалась богослужебная литература.

При Московском печатном дворе (а затем при Московской синодальной типографии) существовало большое книжное собрание — «книгохранительная палата», в которой находились старинные рукописи и книги, использовавшиеся для редактирования, в том числе и издания Ивана Федорова.

Здание XVII века постепенно ветшало, и в 1810 году его разобрали.

Новое здание было построено в 1814 году по проекту архитектора И. Л. Мироновского. Архитектору удалось создать интересное и необычное сооружение по мотивам предыдущего — с башенками, солнечными часами, львом и единорогом над главным входом.

С 1932 года здесь располагается Историко-архивный институт, который заканчивали многие выдающиеся современные историки, в том числе и те, кто впоследствии занимался исследованиями истории печатного дела в России.

На стене здания, выходящей на Никольскую улицу, установлена мемориальная доска с надписью: «На этом месте находился Печатный двор, где в 1564 году Иван Федоров напечатал первую русскую книгу».

Типография в Остроге после переезда Ивана Федорова во Львов стала работать под руководством члена Острожского научно-просветительского кружка писателя-публициста Василия Сурожского. В послефедоровский период здесь были напечатаны Букварь, Часослов, теоретические труды византийских богословов, ряд сочинений, представляющих собой антикатолическую публицистику.

Интересно, что «Книга о постничестве» Василия Великого, выпущенная в 1594 году, была отпечатана шрифтом, который в Вильне использовал Петр Мстиславец. Можно предположить, что давний друг

Ивана Федорова на какое-то время приезжал в Острог или присылал в помощь острожским типографам кого-то из своих учеников.

После принятия унии в 1596 году из Острожской типографии выходят издания, направленные против униатской пропаганды. Авторами этих сочинений были Василий Сурожский, Герасим Смотрицкий, Демьян Наливайко — брат знаменитого Северина Наливайко, возглавившего крестьянско-казацкое восстание на Украине. Понимая, каким мощным оружием в борьбе с навязыванием католицизма было печатное слово, один католический автор писал: «Казак Наливайко убивал тела, <...> поп Наливайко убивал души».

В то время князь Острожский был уже стар и, как он сам полагал, жить ему оставалось недолго. После смерти старого князя Острог должен был перейти к его сыну Янушу — воспитаннику иезуитов и ревностному католику. Желая сохранить типографию, Острожский в 1602 году перевел ее из Острога в Дерманский монастырь. Однако в силу ряда причин организационного характера наладить работу должным образом оказалось затруднительно, и около 1605 года типография была возвращена в Острог.

Князь Константин Острожский умер в 1608 году. Как он и опасался, его сын Януш начал насаждать в своих имениях церковную унию, и типография прекратила свое существование. Однако ее издания получили широкое распространение на обширных территориях и еще долгое время считались образцовыми, не раз переиздаваясь в Московском царстве, на Украине и в Белоруссии.

Типография во Львове в отличие от всех остальных была собственностью самого Ивана Федорова. Прямым наследником первопечатника являлся его сын — Иван Друкаревич. Имеется упоминание и о других детях Ивана Федорова, ко времени его смерти несовершеннолетних (поскольку львовский магистрат официально назначал им опекуна, можно предположить, что они были рождены в законном браке, то есть после отъезда из Москвы Иван Федоров женился вторично), но о них никаких дальнейших сведений нет.

Иван Друкаревич знал и любил книжное дело, но получить отцовское наследство он не смог. Дело в том, что ввиду постоянной нехватки денег Иван Федоров не раз закладывал и типографское оборудование, и часть выпущенных книг. К моменту смерти первопечатника значительная часть типографского имущества находилась в залоге у нескольких ростовщиков.

Типографию решило выкупить Львовское Успенское братство — национально-религиозная общественная организация, в которую входили львовские горожане православного вероисповедания. Вероятно, членом

Успенского братства был и Иван Друкаревич. Деятельность братства была направлена на противостояние католической (а затем и униатской) пропаганде и защите православных от притеснений со стороны властей. Братчики основали во Львове православную школу, содержали больницу и хотели иметь собственную типографию. Братчиков поддержал львовский епископ Гедеон Балабан. Он обратился с посланием «ко всему православному христианству», призывая жертвовать деньги на выкуп типографии Ивана Федорова «со всеми надлежащими штуками».

Деньги были собраны, и типография стала собственностью братства.

Однако вскоре произошел конфликт между братством и Гедеоном Балабаном. Епископ притязал на принадлежавшие братству Онуфриевский и Уневский монастыри. Кроме того, он пытался руководить деятельностью братчиков, тогда как они считали себя подчиненными не епископу, а непосредственно митрополиту. Обе стороны апеллировали к польскому королю, конфликт был решен в пользу братства. Однако в ходе конфликта некоторые особенно активные члены братства пострадали от произвола епископа, в том числе и Иван Друкаревич. Балабан засадил сына первопечатника в яму и, как писали в своей жалобе братчики, «на смерть уморил». Произошло это в конце 1584-го или в начале 1585 года, то есть через год с небольшим после смерти Ивана Федорова.

Братская типография не только использовала типографское оборудование Ивана Федорова, но и опиралось на его опыт. Братство намеревалось издавать книги самого разного содержания, и прежде всего книги, необходимые для школьного обучения. «Купили друкарню той же школе потребную», — говорится в одном из документов. У церковных властей братство просило разрешения «друковати невозбранно священные книги церковные <...>, но и училищу потребные и нужные, сиречь грамматику, пиитику, риторику и философию». Вместе с типографией братство приобрело и книги, напечатанные Иваном Федоровым. К ним относились как к особой ценности. В 1625 году братство, продавая известному культурно-религиозному деятелю Петру Могиле «Апостол», особо оговорило, что эта книга «друку старого Ивана Москвитина».

Ученик Ивана Федорова Гринь после смерти учителя отошел от типографского дела. В одном документе есть упоминание о жившем во Львове художнике Грицко, который был призван к ответу за нарушенное обещание жениться, данное им поповской дочке Химке. Некоторые исследователи предполагают, что упомянутый Грицко и есть непутевый ученик первопечатника.

Типографские материалы Ивана Федорова использовались Львовской

братской типографией, а затем и другими украинскими типографиями вплоть до первой четверти XIX века.

В настоящее время многие предприятия и учреждения, связанные с книгоизданием, носят имя Ивана Федорова. Именем первопечатника названа одна из старейших и лучших типографий в России (ныне Издательско-полиграфический холдинг «Иван Федоров») в Санкт-Петербурге, издательско-полиграфический техникум (ныне колледж) носит его же имя, в 2010 году в связи с 80-летием со дня основания имя Ивана Федорова получил Московский государственный университет печати (бывший Полиграфический институт) — крупнейший в стране вуз, готовящий специалистов в области полиграфии и издательского дела. И еще одно свидетельство уважения к памяти первопечатника: в 2009 году Русской православной старообрядческой церковью Иван Федоров был причислен к лику святых, как «Святой праведный диакон Иоанн, словенским книгам печатник». День его памяти 5 декабря по старому стилю.

ПАМЯТНИК ИВАНУ ФЕДОРОВУ В МОСКВЕ

Памятник Ивану Федорову в Москве — одно из лучших произведений русской монументальной скульптуры.

Впервые мысль о создании памятника первопечатнику возникла в конце 1869 года на заседании Московского археологического общества, посвященном 300-летию выхода в свет федоровского Учительного

Евангелия. На этом заседании М. П. Погодин сделал доклад об Иване Федорове, а А. С. Уваров предложил начать сбор средств на памятник. В сборе средств приняли участие представители самых разных слоев общества, особую активность проявили типографские рабочие.

Довольно быстро была собрана сравнительно большая сумма. Скульптор М. М. Антокольский, признанный мастер исторического портрета, создал проект памятника. Однако этот проект не понравился Археологическому обществу.

Обиженный мастер писал: «По совету знатоков было решено, что эскиз мой негоден, потому что я представил его как рабочего, между тем, как он был не только рабочий, но и высоконравственный человек, который много пострадал за преданность своему делу. Черт бы их побрал! Точно рабочий не может быть весьма нравственным человеком! Точно это какой-то недостаток, что я представил его в минуту того труда, который он страстно любил и за который пострадал!»

Неудача отодвинула сооружение памятника на неопределенные сроки.

В 1883 году отмечали трехсотлетие со дня смерти Ивана Федорова.

Юбилейные торжества начались 5 декабря панихидой в Казанском соборе. На другой день в зале городской думы состоялось «бесплатное литературно-музыкальное утро для наборщиков». Присутствующим раздавали брошюру Н. И. Полевого «Очерк жизни и деятельности первого русского печатника Ивана Федорова». Она состояла всего из шестнадцати страниц, но тогда это было практически всё, что известно о первопечатнике.

Снова был поднят вопрос о памятнике. Несколько проектов, выполненных разными скульпторами, было опубликовано в печати для обсуждения, но ни один из них не был признан соответствующим масштабу личности и значению дела первопечатника. Памятник и на этот раз не был воздвигнут.

Меж тем всеобщий интерес к Ивану Федорову и желание увековечить его память не иссякали, сбор средств продолжался, и к началу XX века собранная сумма достигла 29 тысяч рублей.

В 1901 году Археологическое общество объявило новый конкурс на проект памятника. В конце марта 1902 года комиссия, в которую вошли председательница общества графиня П. С. Уварова, представители московской городской власти, историки И. Е. Забелин, В. О. Ключевский, А. И. Кирпичников, художник В. М. Васнецов, скульптор М. А. Чижов, архитекторы К. М. Быковский и С. У. Соловьев, рассмотрела двадцать семь работ. В конкурсе приняли участие не только русские скульпторы, но и

мастера из Болгарии, Сербии, Германии и Франции.

Чтобы исключить какую-либо пристрастность, авторы проектов выступали не под своими именами, а под девизами. Лучшим был признан проект под девизом «Плес», второе место занял проект под девизом «Ярославль». Когда огласили имена авторов, оказалось, что обе работы принадлежат одному скульптору — Сергею Михайловичу Волнухину. (Третье место под девизом «Стена» занял ученик Волнухина — Н. А. Андреев.)

Все проекты в течение недели были выставлены в помещении Археологического общества на Берсеневской набережной для всеобщего обозрения.

Волнухин приступил к работе. О сложности поставленной перед собой задачи скульптор рассказывал так: «Ведь ни портрета, ни даже описания наружности первопечатника не дошло до нас. Пришлось вглядываться в эпоху, в условия, обстановку его жизни и работы и таким образом воссоздавать его образ».

Волнухин советовался с учеными-историками, в собрании своего друга-коллекционера разыскал подлинный костюм XVI века, в Синодальной типографии нашел старинные принадлежности типографского оборудования. Работа над гипсовой моделью в натуральную величину заняла более двух лет.

Наконец настало время переводить модель в бронзу. Волнухин пригласил квалифицированного литейного мастера — итальянца Анджелло Робекки, но тот, не закончив отливку, неожиданно скончался. Завершил работу его сын Эмиль.

В 1907 году близ Китайгородской стены, неподалеку от того места, где когда-то находился Московский печатный двор, был заложен памятник первопечатнику.

Проект постамента создал архитектор И. П. Машков, облицовку черным мрамором выполнил мастер В. И. Орлов.

От денег, собранных на памятник, осталось около четырех тысяч рублей, они были переданы на нужды рабочих-типографов, призреваемых в инвалидном доме.

Торжественное открытие памятника Ивану Федорову состоялось в сентябре 1909 года. День был дождливый, но народу собралось великое множество. Образ Ивана Федорова — труженика, просветителя, честного человека, скромно и мужественно служившего своему делу, не мог не вызывать интереса и симпатии.

«Торжественна и знаменательна настоящая минута в истории русского

просвещения, — говорилось в одной из речей. — Мы открыли сегодня памятник не человеку высокого положения, не князю, не полководцу, не громкому администратору или писателю, а простому рабочему печатного дела...»

Волнухин сумел создать живой и очень достоверный образ первопечатника. Иван Федоров стоит, опираясь одной рукой на наборную раму, и внимательно читает только что отпечатанный лист.

Судьба Ивана Федорова вызывала и ассоциации с современностью. Тернистый путь просвещения вообще и печатного слова в частности актуален во все времена. На одном из венков, возложенных к подножию памятника, была надпись: «Первому мученику русской печати».

Сейчас уже невозможно представить себе облик первопечатника иным, чем он запечатлен в памятнике. Е. Л. Немировский пишет: «Портрета первопечатника не сохранилось. Но образ, созданный С. М. Волнухиным, настолько жизнен и правдоподобен, что приобрел подлинную документальность».

В 1934 году во время расширения Театрального проезда и сноса Китайгородской стены памятник передвинули чуть дальше от проезжей части. Долгое время рядом с памятником Ивану Федорову находился любимый всеми москвичами букинистический магазин «Книжная находка». В 1969 году в «Книжной находке» произошло знаменательное событие — магазин приобрел экземпляр Острожской Библии Ивана Федорова.

В 1990-х годах при строительстве торгового комплекса «Наутилус» памятник был отодвинут еще дальше от своего первоначального места, «Книжная находка» снесена, на ее месте построен салон, торгующий автомобилями.

10 сентября 2010 года в газете «Московская правда» была помещена заметка, в которой сообщалось о церемонии, прошедшей возле памятника в связи с условной датой 500-летия со дня рождения первопечатника. В заметке говорится, что выступавший на церемонии председатель Издательского совета РПЦ (Русской православной церкви) митрополит Калужский и Боровский Климент «отметил, что заслуги Ивана Федорова неоправданно забыты обществом, а его памятник, который ранее был установлен у Китайгородской стены, сегодня является незаметным украшением престижного автосалона.

“Необходимо вернуть статус великого просветителя нашего отечества Ивану Федорову, водворить памятник на видное место в нашем городе”, — подчеркнул митрополит».

Но, несмотря на то, что памятник первопечатнику переживает сейчас не лучшие времена, москвичи знают и любят его, проходя мимо, останавливаются, чтобы заглянуть в спокойное, сосредоточенное лицо Ивана Федорова, поглощенного своим делом, и прочесть надпись, выведенную вязью на постаменте: «Первее нача печатати на Москве святыи книги в лето 7070 первое (1563 год) априля 19 ради братий моих и ближних моих».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА ФЕДОРОВА

1510–1520 — предположительное время рождения.

1532 — предположительно получил степень бакалавра в Краковском университете.

1550–1565 — служит дьяконом в церкви Николы Гостунского в Кремле.

1553(?)—1562 — работает в Анонимной московской типографии.

1553 — ересь Матвея Башкина. Чудо в храме Николы Гостунского.

Февраль — крещение Едигера Магмета.

1556, 9 февраля и 22 марта — упоминание Маруши Нефедьева.

1560 — Сильвестр принимает постриг. Анонимная типография работает под началом его сына Анфима.

1563, 19 апреля — 1564, 1 марта — печатает «Апостол».

1565, январь — учреждение опричнины.

7 августа — 29 сентября — печатает Часовник.

2 сентября — 29 октября — печатает второе издание Часовника.

1565–1568 (между) — покидает Москву.

1565 или 1566 — был принят в Вильне королем Сигизмундом-Августом.

1568, 8 июля — 1569, 17 марта — печатает в Заблудове Учительное Евангелие.

1569, 1 июля — Люблинская уния.

1569, 26 сентября — 1570, 23 марта — печатает в Заблудове Псалтырь с Часословцем.

1572, осень — переезжает во Львов.

1573, начало — снял помещение для типографии в доме бондаря Адама.

1573, 25 февраля — 1574, 15 февраля — печатает львовский «Апостол».

1574 — печатает «Азбуку». Вероятно, печаталась одновременно с «Апостолом» и вышла раньше него.

1575, начало — князь К. К. Острожский пригласил Ивана Федорова к себе на службу.

2 марта — назначен справцей Дерманского монастыря.

1576, осень — переезжает в Острог.

1577, 3 июня — Блазий Эбиш из Вроцлава заявляет в Люблине, что Иван Федоров поручил ему выгравировать на меди 150 иллюстраций к Библии.

Июнь — разбирается заявление Мартина Сенника из Кракова о деньгах, которые должен был ему переслать Иван Федоров; в Вильне выходит труд иезуита Петра Скарги. Предположительно Иван Федоров поместил в своей «Азбуке» «Сказание о Кирилле и Мефодии» в качестве полемики.

1578, июнь — 1579, март — совершает поездку в Сербию и Болгарию.

1578, 18 июня — завершает в Остроге печатание «Азбуки».

1579 или 1580 — сын Ивана Федорова женился на Татьяне Анципорковне, в 1580 году переехал в Острог к отцу.

1580 (?) — отдает своего подмастерья Гриня в обучение к художнику Лаврентию Пухало; печатает в Остроге «Книжку собрание вещей нужнейших» Тимофея Михайловича; печатает в Остроге Новый Завет с Псалтырью. 1580–1581, 12 августа — печатает Острожскую Библию.

1581 — печатает в Остроге «Хронологию» Андрея Рымши. Вышла 5 мая.

1582, 19 марта — подает жалобу на Гриня, сбежавшего от Лаврентия Пухало.

1583, начало — возвращается во Львов.

Январь — совершает поездку в Краков и получает там деньги на отливку малой войсковой пушки.

26 февраля — прощает вернувшегося Гриня.

Между 26 февраля и 23 июля — совершает поездку в Вену ко двору императора Рудольфа.

23 июля — пишет письмо саксонскому курфюрсту Августу.

5 (15) декабря — умер во Львове.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Бас И.* Иван Федоров. М., 1940.
- Бахтияров А. А.* История книги на Руси. М., 2010.
- Березов П.* Первопечатник Иван Федоров. М., 1952.
- Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947.
- Видашенко М. Б., Исаевич Я. Д., Мацюк О. Я.* По местам Ивана Федорова на Украине. Львов, 1982.
- Глухов А. Г.* Русские книжники. М., 1987.
- Запаско А. П.* Художественное наследие Ивана Федорова. Львов, 1974.
- Зернова А. С.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947.
- Зёрнова А. С.* Первопечатник Петр Тимофеев Мстиславец. — В сб.: «Книга». М., 1964.
- Исаевич Я. Д.* Новый документ об Иване Федорове. — В сб.: «Федоровские чтения 1978». М., 1981.
- Исаевич Я. Д.* Преемники первопечатника. М., 1981.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1993.
- Киселев Н. П.* Наборные украшения в изданиях Ивана Федорова. — В сб.: «Книга». М., 1964.
- Клышко А. К.* Франциск Скорина, или Как к нам пришла книга. Минск, 1983.
- Люблинский В. С.* На заре книгопечатания. Л., 1959.
- Мыцко И. З.* Документальные данные о надгробии и захоронении первопечатника Ивана Федорова. — В сб.: «Федоровские чтения 1978». М., 1981.
- Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. М., 1964.
- Немировский Е. Л.* Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979.
- Немировский Е. Л.* Иван Федоров и его эпоха. Энциклопедия. М., 2007.
- Немировский Е. Л.* Начало славянского книгопечатания. М., 1971.
- Немировский Е. Л.* Памятник первопечатнику Ивану Федорову. М., 1988.
- Немировский Е. Л.* Путешествие в историю русского книгопечатания. М., 1991.
- Немировский Е. Л., Горбачевский Б. С.* Рождение книги. М., 1957.
- Островский Г. С.* Львов. Л., 1975.
- Прибытков В. С.* Иван Федоров. М., 1964.
- Рабинович М. Б.* Очерки этнографии русского феодального города. М.,

1978.

Розов Н. Н. Книга Древней Руси. М., 1977.

Розов Н. Н. Русская рукописная книга. Л., 1971.

Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.

Самвелян Н. Г. Беглец или посол? — В кн.: «Пока сердца для чести живы». М., 1886.

Свенцицкая В. И. Об авторстве фронтисписа львовского Апостола 1574 г. — В сб.: «Федоровские чтения 1979». М., 1982.

Свешников И. К. Поиски места погребения Ивана Федорова и его надгробной плиты. — В сб.: «Федоровские чтения 1978». М., 1981.

Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951.

Сидоров А. А. Узловые проблемы и нерешенные вопросы в истории русского книгопечатания. — В сб.: «Книга». М., 1964.

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975.

Слуховский М. Н. Из истории книжной культуры России. М., 1964.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960.

Столярова Л. В., Каштанов С. М. Книга в Древней Руси. М., 2010.

Тихомиров М. Н. Начало книгопечатания в России. — В сб.: «У истоков русского книгопечатания». М., 1959.

Функе Ф. Книговедение. М., 1982.

Иллюстрации

Школа. Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского». Конец XVI в.

Доброписцы. Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского». Конец XVI в.

Иоганн Гутенберг. С гравюры.

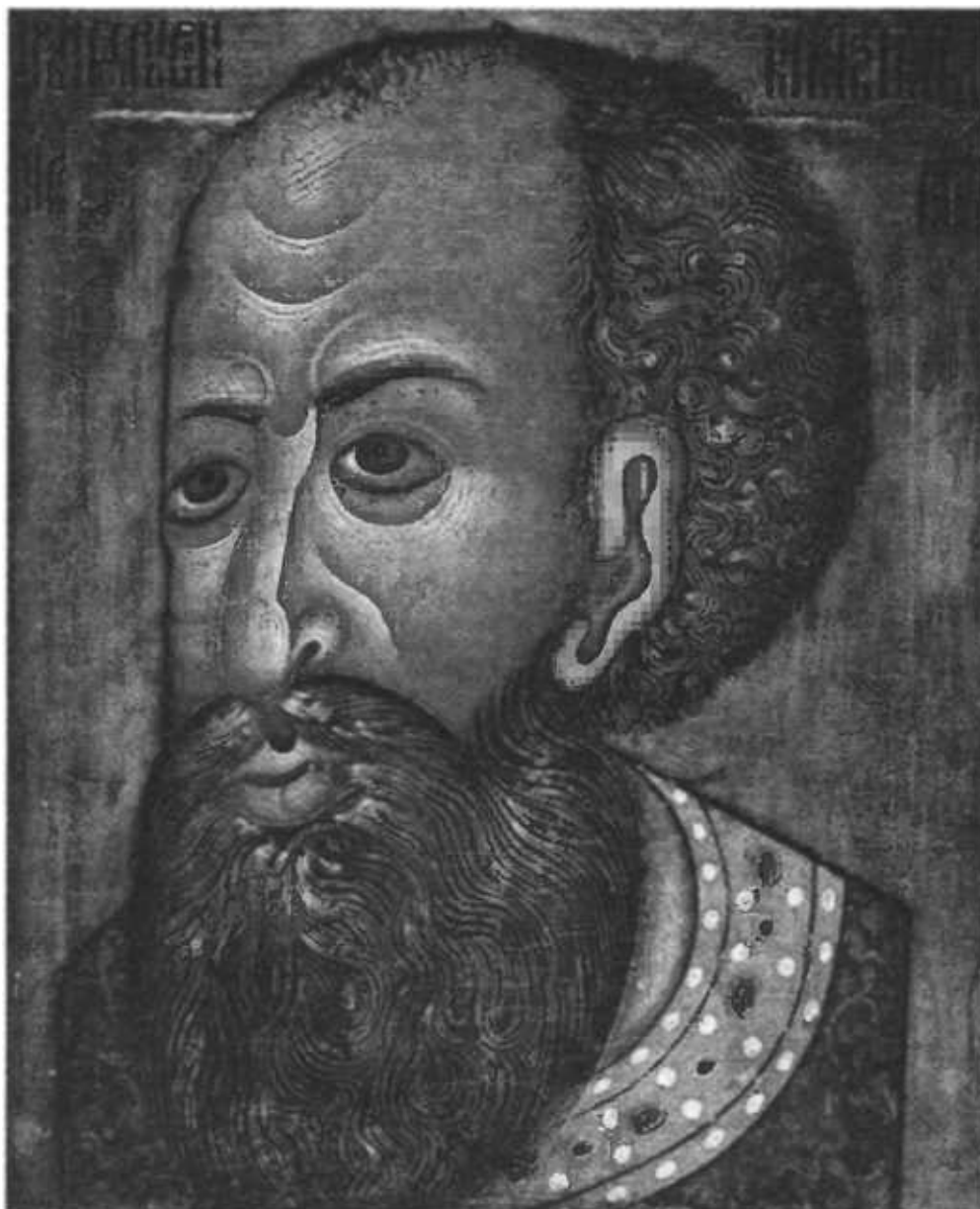
Франциск Скорина. Гравюра на дереве.

Спасская улица и церковь Николы Гостунского в Кремле. Ф. Я. Алексеев и ученики. Фрагмент. 1800-е гг.

Освящение церкви Николая Чудотворца Гостунского в 1555 году.
Миниатюра из Лицевого летописного свода.

Иван Грозный. Парсуна. Предположительно 30—40-е гг. XVII в.
Хранится в Датском национальном музее.

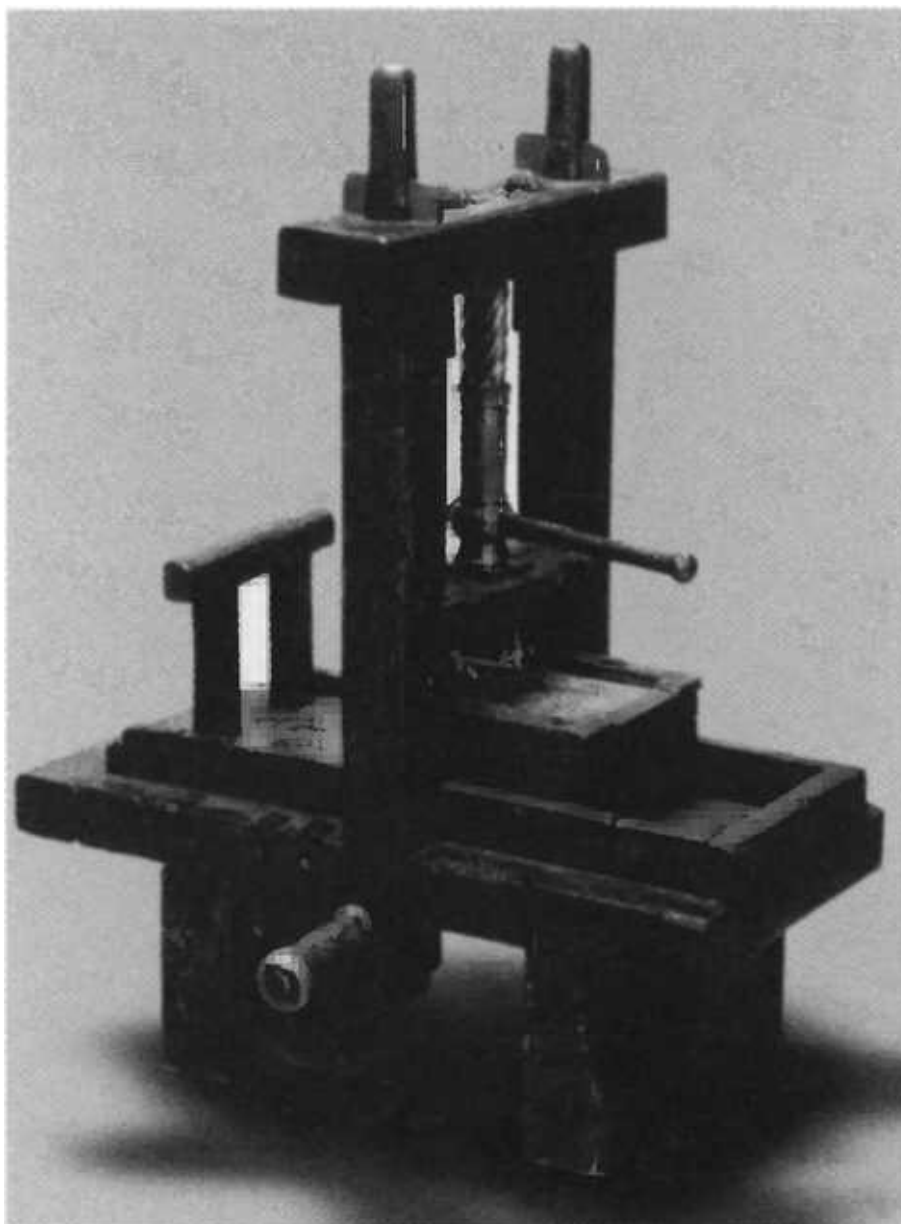
Москва при Иване Грозном. Красная площадь. А. М. Васнецов. 1902 г.

Максим Грек. Миниатюра XVI в.

Печатный станок. *Россия. Первая треть XVI в.*

«Апостол». Москва. 1564 г.

Иван Грозный в типографии Ивана Федорова. С картины Г. Лиснера.

Иван Федоров в Московской типографии. А. М. Васнецов.
Автолитография.

Заставка и буквицы из «Апостола». 1564 г.

Г. А. Ходкевич. С гравюры XIX в.

Герб Г. А. Ходкевича. Учительное Евангелие. 1569 г.

Львов. Улица Ивана Федорова. Фото 1970-х гг.

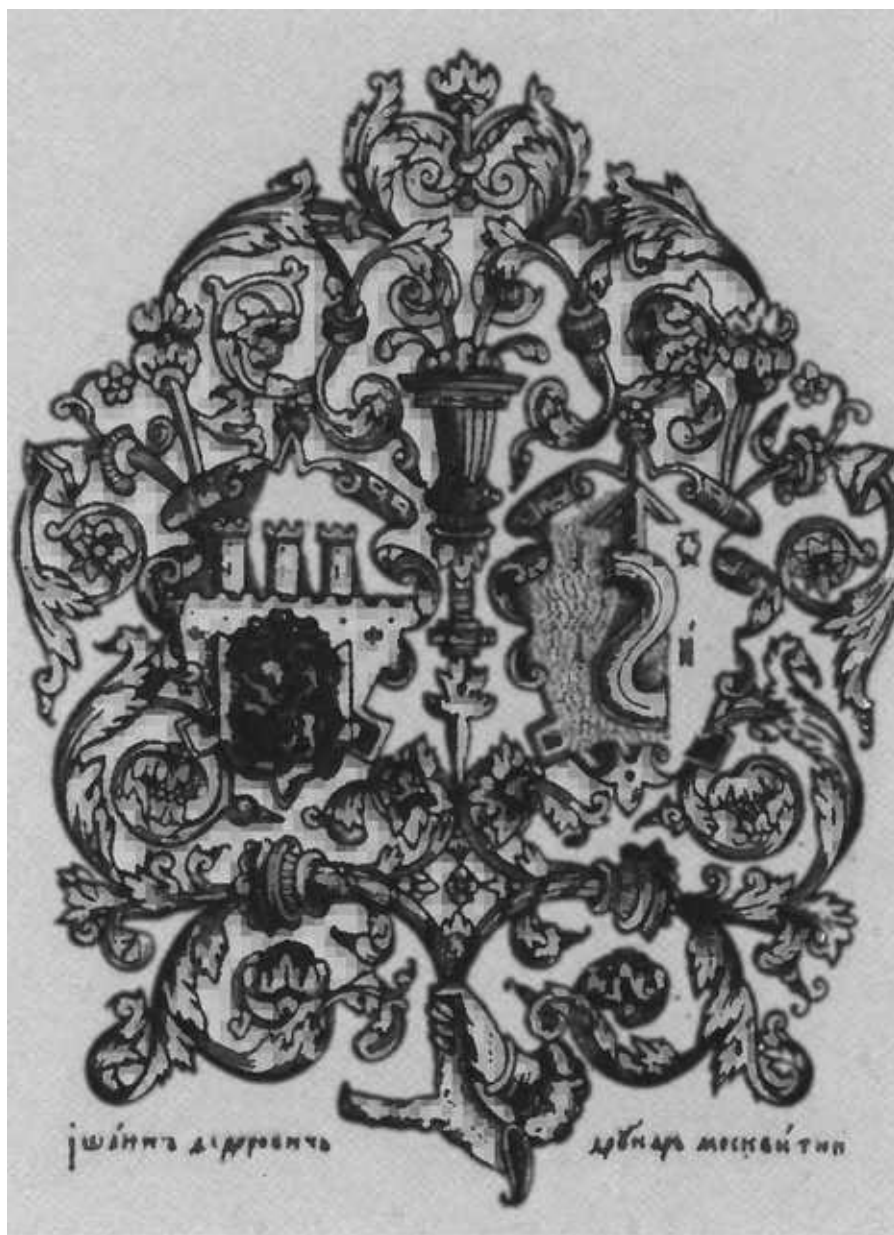

Апостол Лука. Фронтиспис львовского «Апостола».

Герб Львова и типографская марка Ивана Федорова из «Апостола». 1574 г.

Дерманский монастырь. Рисунок А. Ежова. 1845 г.

К. К. Острожский. С портрета XVII в.

Замок в Остроге. *Фото.*

Лист из Острожской Библии. 1581 г.

«Херувимы-украинцы». Орнамент из наборных украшений. Острожская Библия.

Карикатура из журнала «Будильник». 1909 г.

Старый Печатный двор на Никольской улице. Здесь в предреволюционное десятилетие располагалась экспозиция, посвященная истории печатного дела. Фото начала XX в.

Кадр из кинофильма «Первопечатник Иван Федоров». 1941 г.

Кадр из кинофильма «Первопечатник Иван Федоров». 1941 г.

Надгробная плита Ивана Федорова. С рисунка XIX в.

notes

Примечания

1

Разгадка — пишущий человек (лист бумаги, пальцы, держащие перо, глаза, разум).

До наших дней храм Николы Гостунского не сохранился. В 1817 году его разобрали «как обветшавший» и «по бедности архитектуры делающий безобразие Кремлю». Престол был перенесен в здание колокольни Ивана Великого, где находился до 1917 года.

Четвероевангелие (или Евангелия тетр) — четыре варианта жизнеописания Иисуса Христа, составленные четырьмя евангелистами — Иоанном, Матфеем, Лукой и Марком. Эти варианты дополняют друг друга, поэтому их часто включают в одну книгу.

Триодь постная — сборник молитвословий, предназначенных для пения в церкви в недели, предшествующие Великому посту и во время самого Великого поста; *Триодь цветная* — молитвословия из которой предназначены для Пасхальной недели и следующих за ней.

Термин «исихазм» происходит от греческого слова *hesychia*, что означает покой, безмолвие, отрешенность. Последователи этого течения считали, что человек может достичь единения с Богом путем полной внутренней сосредоточенности, для чего ими была разработана особая система приемов контроля над сознанием, в которой современные исследователи видят некоторое внешнее сходство с методами йоги: наклонная сидячая поза, регулировка дыхания, отслеживание и удаление посторонних мыслей, повторение одной и той же молитвенной фразы несколько тысяч раз подряд и т. п.

Существует и другое толкование типографского знака Альда Мануция, отличающееся от сообщенного Максимом Греком. Согласно ему, типографский знак Альда Мануция иллюстрирует латинскую пословицу — *festina lente* — «поспешай медленно»: дельфин символизирует быстроту, а якорь — сдерживающее начало.

Прозвище основано на игре слов: «*опричь*», как уже было сказано, означает «*кроме*», что созвучно словосочетанию «*тьма кромешная*», то есть преисподняя.

Магерка — бархатная или суконная шапка с пером.

Здесь стоит напомнить, что Максим (Мелетий) Смотрицкий впоследствии стал автором «Грамматики», которую Ломоносов называл «вратами своей учености».